

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 24 ИЮНЬ 1982

Самоходный картофелеуборочный комбайн на заводских испытаниях.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

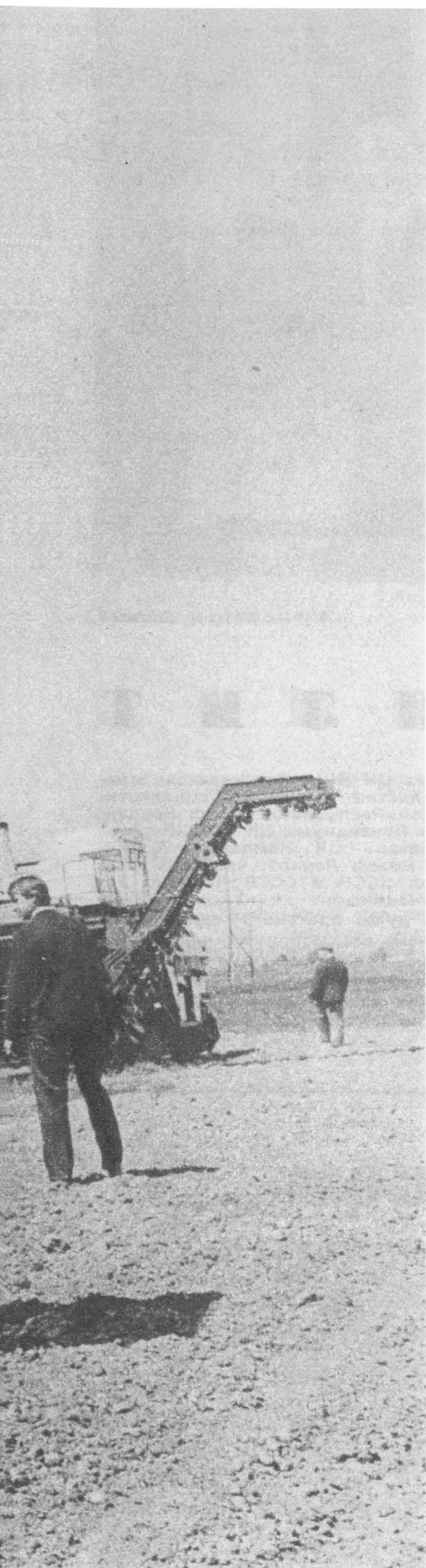
Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2865)

12 ИЮНЯ 1982

А. ПОПОВ, фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЖДЕТ ПО НОВЫЕ М

В совхозе «Спасский», угодья которого в пятидесяти километрах от Рязани, директор хозяйства Николай Иванович Грошев рассказывал:

— Машина эта замечательная. Без преувеличений... Благодаря ей на севе мы горя не знали. Второго мая выехали в поле, а уже шестнадцатого все триста гектаров картошки посадили. Раньше обычно месяц не разгибали спины. И что хорошо, закончили посадку в наиболее благоприятные по нашему климату сроки. Урожай вызреет вовремя, картошка будет вкуснее, уборку проведем без опозданий, потеряем меньше. Это одна сторона дела, а вторая — машина новая высвободила в горячее весеннее время двадцать человек, те самые рабочие руки, которые так необходимы были нам на севе яровых.

Так Грошев оценил новую картофелесажалку, разработанную Головным специализированным конструкторским бюро по машинам для возделывания и уборки картофеля производственного объединения «Рязсельмаш», один из опытных образцов которой проходил этой весной испытания на полях совхоза «Спасский». За счет широкого захвата посадочной площади — новая машина восьмирядная — резко увеличивается ее производительность. Иван Антонович Гуданцев, механизатор, который работал с новой картофелесажалкой, рассказывал нам при встрече: «Семь весен я сажаю картошку. Раньше за день едва-едва гектаров шесть успевал посадить. Сейчас без напряжения — тридцать. Я не чувствую, что таскаю за своим трактором целую гору железа. Агрегат по своей конструкции удобный в работе».

Новая картофелесажалка (КСМ-8) по своим размерам крупнее предшественниц, только один бункер у нее рассчитан на 4 тонны семян. Но не склонность к гигантомании двигала конструкторскую мысль. Сама жизнь навела изобретателей на разработку подобной машины.

— В Продовольственной программе четко оговорено, что необходимо завершить создание специализированных зон производства товарного картофеля на промышленной основе,— говорит заместитель начальника ГСКБ Александр Павлович Кроптов.— В Белоруссии, Прибалтике, на брянских и наших рязанских землях картофель будет выращиваться по индустриальной технологии. Наши конструкторы должны были создать мощную технику, с помощью которой удастся резко поднять производительность труда картофелеводов, исключить ручной труд в поле. Вот и появилась восьмирядная картофелесажалка, которую планируется на следующий год пустить в серийное производство, чтобы уже в восемьдесят четвертом на ней начали работать во многих районах специализированной зоны. Такая же задача ставится и при создании других видов новой техники для производства картофеля на индустриальной основе.

Уровень механизации в картофелеводстве пока еще невысок. Ученые подсчитали, что только 40 процентов картофеля выкапывается комбайнами. В основном его собирают на полях труженики села, и помогают им студенты, школьники, рабочие и служащие промышленных предприятий. Велика доля ручного труда на сортировке клубней осенью и переборке из буртов весной. На полях многого ждут от новой техники, разработанной конструкторским бюро «Рязсельмаша». Прежде всего это самоходный картофелеуборочный комбайн, выпускать который начало в этом году производ-

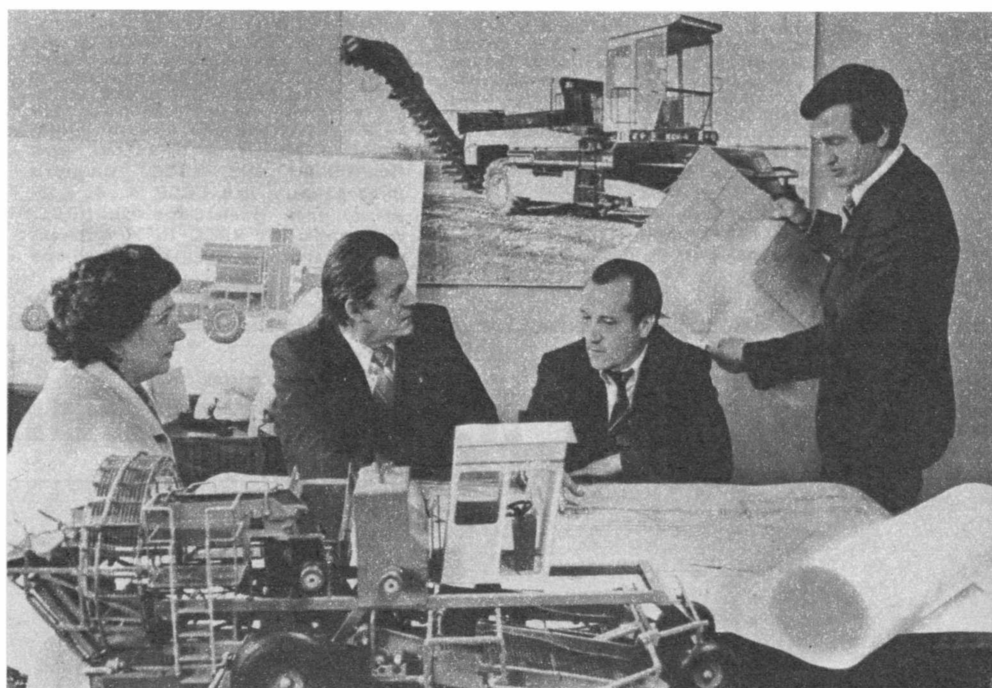
Окончание см. на стр. 5.

ЛЕ
АШИНЫ

Они собирают самоходные комбайны. М. И. Сенюков, М. А. Скилов, В. А. Тимофеев.

Идет обсуждение новой модификации комбайна: конструктор Л. А. Фролова, главный конструктор проекта В. А. Карпов, генеральный директор производственного объединения «Рязсельмаш» П. Е. Орлов, заведующий лабораторией М. Б. Угланов.

Создатели восьмирядной картофелесажалки Г. В. Рогачев, А. П. Кроптов и механизатор совхоза «Спасский» И. А. Гуданцев.

Перед началом переговоров.

Фото А. Гостева

ВИЗИТ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с 1 по 4 июня 1982 г. в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась партийно-правительственная делегация Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

В ходе визита состоялись встречи и переговоры партийно-правительственной делегации ЧССР и партийно-правительственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

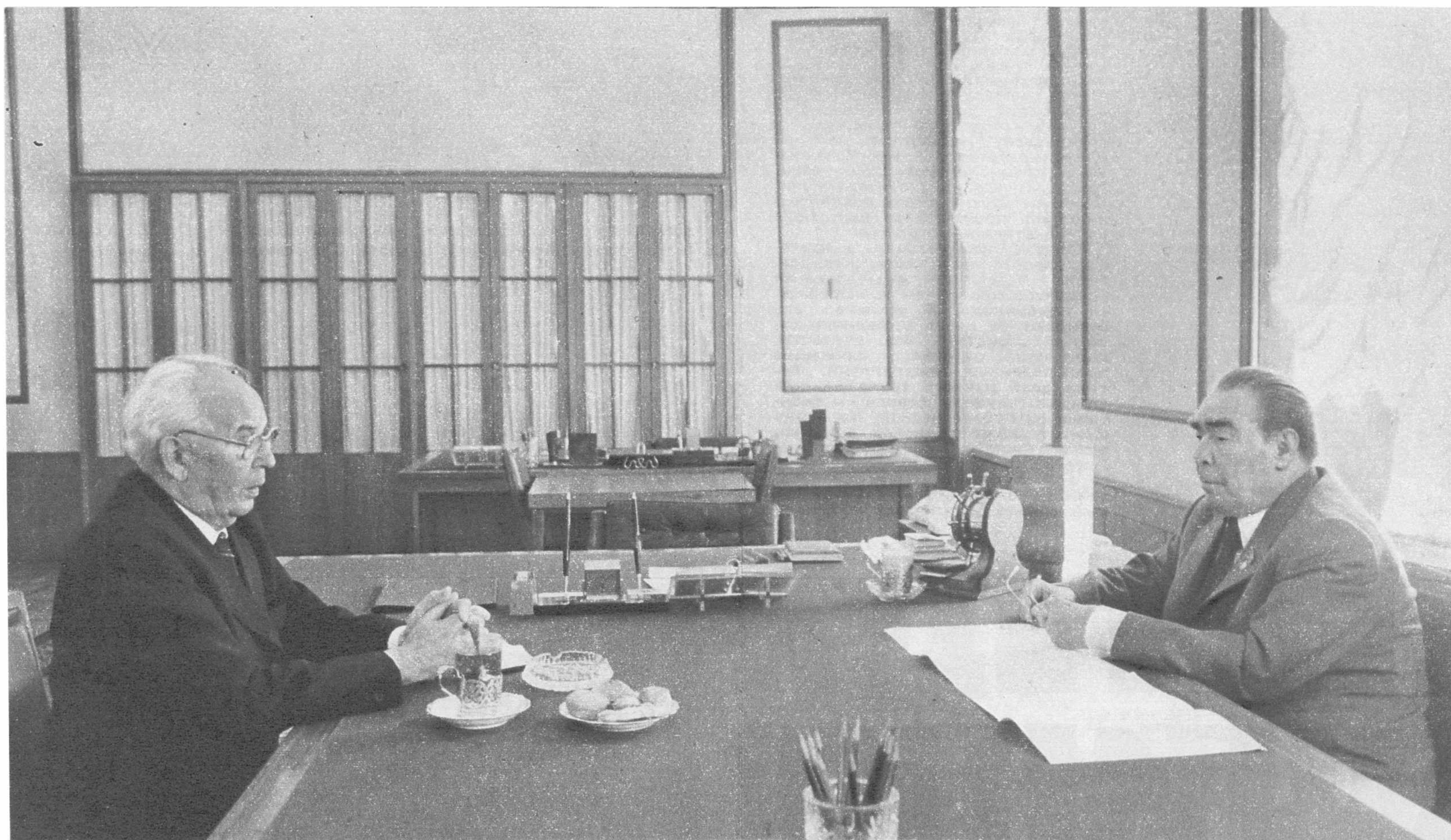
В состав делегаций входили:

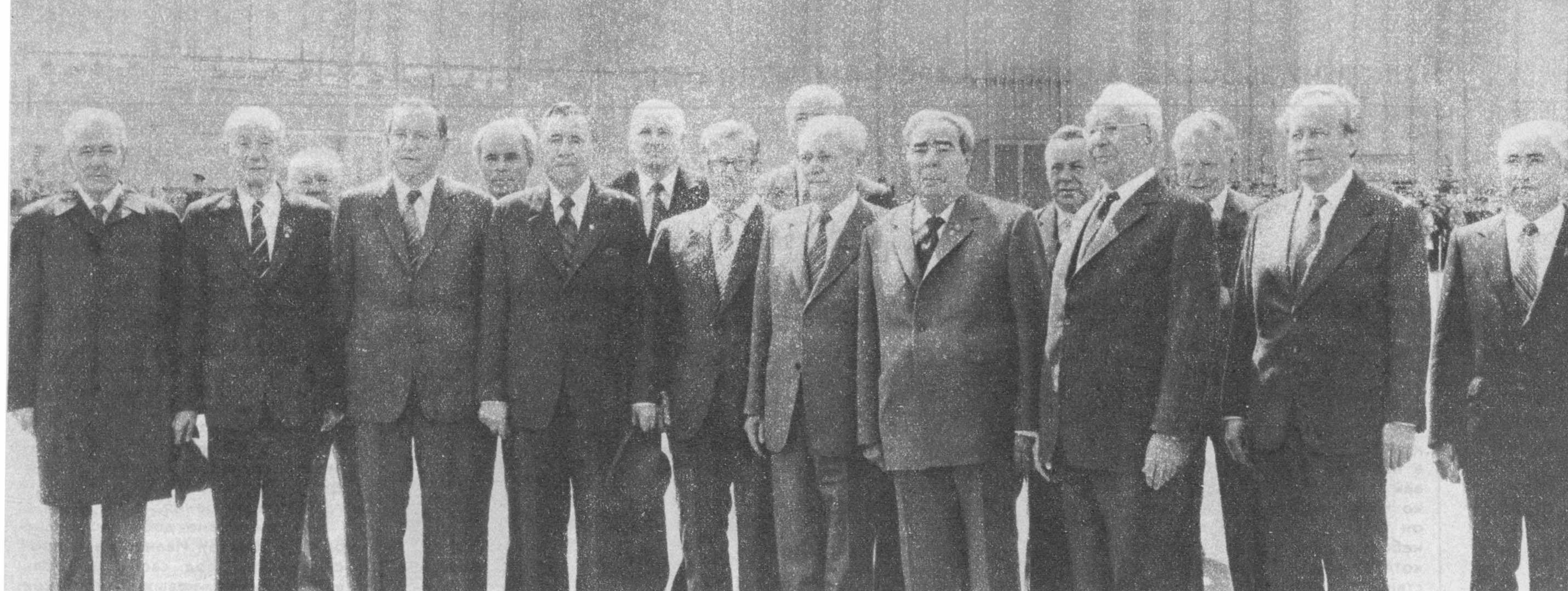
советской — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов; член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко; член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко; кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов; секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков; член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР А. П. Ботвин;

чехословацкой — член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Любомир Штроугал; член Президиума ЦК КПЧ, секретарь ЦК КПЧ Васил Биляк; член Президиума ЦК КПЧ, Председатель Федерального собрания ЧССР Алоис Индра; член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства Чешской Социалистической Республики Йозеф Корчак; член Президиума ЦК КПЧ, Первый секретарь ЦК Компартии Словакии Йозеф Ленарт; член ЦК КПЧ, посол ЧССР в СССР Честмир Ловетинский.

В духе братского единства и полного взаимопонимания, в атмосфере товарищеской сердечности были обсуждены стержневые вопросы дальнейшего развития советско-чехословацких отношений,

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Г. ГУСАКОМ

Проводы на аэродроме. Фото А. Гостева

ЗАВЕРШЕН

углубления всестороннего сотрудничества КПСС и КПЧ, СССР и ЧССР, а также актуальные проблемы международной обстановки, коммунистического и рабочего движения.

Г. Гусак присутствовал на заседании президиума Академии наук СССР, где состоялась церемония вручения ему Золотой медали имени Карла Маркса за 1981 год. Эта высшая награда академии присуждается за выдающиеся заслуги в области общественных наук.

На церемонии присутствовали секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, первый заместитель заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. Г. Щербаков, другие официальные лица. Здесь же находились члены партийно-правительственной делегации ЧССР.

Медаль вручил президент АН СССР академик А. П. Александров.

В ходе визита партийно-правительственная делегация ЧССР посетила Ульяновск, где осмотрела Ленинский мемориал, Дом-музей и другие места, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Делегация побывала на Ульяновском автомобильном заводе, имела встречи с трудящимися, руководителями области и города, деятелями науки и культуры, представителями общественных организаций.

4 июня партийно-правительственная делегация ЧССР во главе с Г. Гусаком отбыла на родину.

В аэропорту ее провожали секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Т. Х. Кошоев, первый секретарь Ульяновского обкома партии И. М. Кузнецов, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцев, председатель облисполкома А. М. Большов, другие официальные лица. В числе провожавших был посол ЧССР в СССР Ч. Ловетинский.

2 июня в Кремле состоялась дружеская беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

В центре беседы были вопросы дальнейшего углубления сотрудничества между КПСС и КПЧ, деятельности обеих партий в интересах укрепления позиций социалистического содружества и международного коммунистического движения.

Встреча руководителей двух братских партий и социалистических государств прошла в атмосфере сердечности и полного взаимопонимания.

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

ВРУЧЕНИЕ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ ЧССР

При вручении награды. Фото А. Гостева

Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак 2 июня в Кремле в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева вручил члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС К. У. Черненко высшую государственную награду Чехословацкой Социалистической Республики — орден Клемента Готвальда.

При вручении награды присутствовали: с советской стороны — товарищи Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, В. В. Кузнецов, К. В. Русаков, другие официальные лица; с чехословацкой стороны — товарищи Л. Штроугал, В. Биляк, А. Индра, Й. Корчак, Й. Ленарт, другие члены партийно-правительственной делегации ЧССР.

Вручая орден, товарищ Г. Гусак отметил, что этой высокой награды товарищ К. У. Черненко удостоен за большие заслуги в укреплении советско-чехословацкой дружбы, в развитии всестороннего сотрудничества между КПСС и КПЧ, двумя странами и народами. Эти отношения, сказал он, стали подлинно братскими. Они постоянно углубляются на благо общих идеалов социализма и коммунизма.

В ответном слове товарищ К. У. Черненко, выразив глубокую благодарность, сказал, что получить такую высокую награду от дружественной нам страны — это великая честь для каждого коммуниста.

О. ПЕТРИЧЕНКО

С. И. Ильин с группой будущих сталеваров. Фото Ю. Щенникова

ЗНАКОМ И НУЖЕН МНОГИМ

...Идти с ним рядом по улицам — все равно что читать историю города, запечатленную в судьбах людей. Кажется, что Сергея Ивановича знают здесь все: не прошли мы вместе и километра, а остановиться по разным делам пришлось неоднократно.

В Колпине любят ходить пешком. И хоть сейчас насчитывается в нем уже более ста тысяч человек и новостройки шагнули далеко в окрестные поля, не потерял он еще ни уюта, ни очарования небольшого зеленого городка, в котором люди соседствуют с детства и живут общими заботами, так или иначе связанными с общим же местом работы — знаменитым Ижорским заводом.

И когда кончается на нем очередная смена и день выдается, как сегодня, солнечный, нарядный, многие предпочитают пройтись пешочком вдоль тихой Ижоры, неторопливо настроиться на волну домашних забот, потолковать о том о сем со знакомым или нужным человеком.

А Ильин и знаком и нужен действительно очень многим. Ведь как-никак тридцать четыре года своему заводу отдал. И не в тени провел их, а на самом горячем месте, у мартеновских печей.

Встал к ним сразу после войны — в сорок шестом году. Школу проходил в бригаде самого Анатолия Васильевича Виноградова, человека для ижорцев легендарного, варившего сталь еще для первого советского блюминга и ставшего впоследствии первым на заводе Героем Социалистического Труда. Начинал, как водится, третьим подручным, но, видимо, был в крови наследованный от отца, тоже ижорского металлурга, дар — очень скоро и сам показал себя отличным сталеваром. Да не где-нибудь, а на знаменитой «восьмерке» — кировской печи, в сооружении которой принимал участие сам Сергей Миронович. Была она тогда крупнейшей на Северо-Западе, работать на ней считалось особой честью. Здесь комсомолец Ильин устанавливал первые свои рекорды, получая слитки весом до 60 тонн.

Прошли годы. Изменилась техника, условия, но прежним остался характер.

«При участии Ильина в цехе были освоены и внедрены в производство многие марки высоколегированных сталей, осуществлена модернизация печи, что значительно увеличило ее производительность. Большинство плавок его бригады — скоростные. За восьмую пятилетку Сергей Иванович награжден орденом Ленина. А в девятой снова удивил всех — поднял производительность еще на 38 процентов, дополнительно дав Родине 2453 тонны качественной стали».

Слова эти принадлежат мастеру участка мартеновских печей, сейчас заместителю начальника 121-го цеха Б. А. Дорожко. И сказаны они были в день, праздничный для Ильина и всех его коллег, прочитавших мартовским утром 1976 года Указ о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

А через год новая высота — Ильина избирают депутатом Ленгорсовета. И на этом посту продолжил он вахту своего старшего товарища А. В. Виноградова, на протяжении многих лет представлявшего ижорцев в Ленинградском горсовете.

Нынче он баллотируется в третий раз. И наши встречи на улицах — вроде иллюстраций к его многочисленным депутатским обязанностям, различным аспектам колпинского бытия, вникать и разбираться в которых должен народный избранник Ильин.

Разумеется, есть у него и приемный день. И эти встречи на улицах — дело случая. Но не случайно в них другое: дано Сергею Ивановичу теплое человеческое качество — внимательно выслушать и искренне помочь. Потому и обращаются к нему люди, не дожидаясь официальных часов приема.

Сам Ильин сдержан в оценке своей работы. Но догадываюсь, сколько трудов стоило ему помочь, скажем, вот этой женщине. Обратилась к нему как-то не то чтобы с жалобой, скорее с сомнением: слишком уж давно стоят с мужем на очереди, вон из коммуналки уже пятые соседи выезжают, а они все еще в своей комнате остаются. Хоть у мужа есть и льготы как у вальцовщика горячего цеха, да и соответствующее ходатайство цехового треугольника имеется. Верно, решение было. Но, как, увы, иногда еще случается, вмешался в ситуацию формализм. А это препятствие не из податливых. Однако результат налицо — после вмешательства депутата дали ветеранам положенную им квартиру.

И вот эта автобусная остановка, мимо которой проходим, тоже не простая точка на карте городских новостроек. Был я тут несколько месяцев назад, едва не утонул в осенней вязкой грязи — строители второпях «позабыли» обустроить дорогу. Ильин помалкивает, а я-то уже знаю, что разбираться с этим безобразием поручили непосредственно ему. И нынешние из светлого металла симпатичные навесы, аккуратно заасфальтированные дорожки к ним — тоже итог его хлопот.

— Ну, а все-таки,— интересуюсь у Сергея Ивановича,— позади столько депутатской работы. Что запомнилось в ней больше всего?

Ильин улыбается:

— Пять кедров — мой персональный вклад в план социально-экономического развития Колпина.

Верно, есть в городе молоденькая рощица, так и названная в народе «депутатской». Заложена она была три года назад на новой Раумской улице, носящей имя финского города-побратима. В очередной традиционный День депутата пришли сюда народные избранники и, взяв в руки лопаты, посадили саженцы кедров. Как символ советско-финской дружбы и в качестве личного вклада в озеленение города...

Контроль за работой магазинов, парикмахерских, состояние бытового обслуживания, благоустройство микрорайонов, решение различных производственных проблем... Обширен круг вопросов, которыми приходится заниматься Ильину и как депутату и как члену парткома предприятия, члену ЦК профсоюза рабочих тяжелого машиностроения.

И вот недавно добавилось еще одно — Сергея Ивановича попросили взять под свой контроль возведение новых корпусов СГПТУ № 6, которому в ближайшее время предстоит стать одним из крупнейших в стране.

От его работы до новостройки всего несколько метров. Потому что с прошлой осени Герой Социалистического Труда С. Ильин, поддержав почин знатных ленинградских рабочих, пришел мастером-наставником в заводское училище, где вновь открылась группа, готовящая подручных сталеваров. Естественно, что лучшего учителя для ребят трудно было и пожелать. А Сергею Ивановичу к ученикам не привыкать: он заслуженно гордится тем, что заметными на заводе людьми стали его воспитанники разных лет — старший мастер В. Балахничев, сталевары С. Комком, Г. Щелканов, который уже и сына в цех привел.

Те, конечно, попадали к нему повзрослее, но и с нынешними пятнадцатилетними, как выяснилось, контакты долго устанавливать не пришлось. Ребятам понравились неторопливые, искренние рассказы Ильина о заводском житье-бытье, о своей богатой различными событиями жизни. И, конечно же, приняли они во внимание, что профессии обучать их будет не кто-нибудь, а, пожалуй, один из самых знающих, самых опытных в ней человек. Сергей Иванович смотрит на достигнутое взаимопонимание проще и считает, что все решилось само собой еще в тот день, когда ребята впервые попали в его родной цех.

А флагману отечественного атомного машиностроения, старинному и вечно юному Ижорскому заводу есть чем удивить, покорить новичков. Но, право же, не в одном удивлении тут дело: чтобы правильно понять добрую суть сложившихся в училище отношений, надо слышать, с какой заинтересованностью рассказывает Сергей Иванович о способностях лучших учеников — Сергея Евдокимова, Андрея Никандрова, комсорга Сергея Пешканева,— и видеть, как буквально рвутся все без исключения ребята на свою первую в жизни производственную практику.

Начнется она, кстати, 21 июня, на следующий день после выборов. Вместе с ребятами вновь встанет к знакомому мартену прославленный сталевар С. Ильин.

И легко представить — это будет вдвойне праздничный день!

РАЗБОЙНИЧИЙ АКТ ИЗРАИЛЯ

Многострадальный Ливан. Вновь здесь льется кровь, рушатся стены домов, слышатся стоны раненых. Гусеницы израильских танков и бронетранспортеров терзают плодородную землю Южного Ливана, гибнут посевы пшеницы и проса, уничтожаются виноградники и плантации цитрусовых. Древние города Тир, Сайда, Дамур, Бейрут окутаны дымом пожарищ. Разрушенные дома и пепелища остались после налетов израильских бомбардировщиков и огня артиллерии. Обстрел ведется и с моря и с воздуха.

Израиль бросил 25-тысячный корпус против мирного Ливана. В боевых действиях принимают участие сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы Тель-Авива, оснащенные совершеннейшим американским вооружением. Цель такого варварского нападения очевидна. Оголтелые руководители Израиля стремятся разгромить Организацию освобождения Палестины, изгнать палестинцев из их временных пристанищ, разбросанных по всему Южному Ливану, лишить последних надежд вернуться на свою родину, ступить на порог своего дома.

Израильские войска сеют смерть и разрушение, подвергают варварским обстрелам и бомбардировкам шариковыми и осколочными бомбами ливанские города и деревни, чинят зверские расправы над мирным населением, применяя при этом те же методы, которые использовали в свое время гитлеровские фашисты.

В своих разбойничьих акциях Тель-Авив широко использует предателей Ливана, формирования южноливанских сепаратистов во главе с Хаддадом. Эти новоявленные квислинги совместно с израильтянами творят чудовищный террор, грабят и убивают мирных жителей.

Израильские агрессоры встречают упорное сопротивление отрядов Палестинского движения сопротивления и Национально-патриотических сил Ливана, местного населения.

Сирийские войска, входящие в состав межарабских сил по поддержанию мира в Ливане, также вступили в бой с зарвавшимся захватчиком. Президент САР Х. Асад в телефонном разговоре с президентом Ливана И. Саркисом подчеркнул, что дело защиты Ливана — национально-патриотический долг, ради выполнения которого Сирия использует все имеющиеся у нее средства, сделает все, чего потребует обстановка.

Наглые действия Тель-Авива стали возможны в результате широкой военной, политической и экономической поддержки Вашингтона. Как отметил комментатор американской телевизионной компании Эн-би-си, широкомасштабная интервенция Израиля «не была большим сюрпризом» для президента Рейгана.

Вооруженное нападение Израиля на Ливан является вызовом всем арабским народам, всем миролюбивым силам планеты. Эта агрессия является вопиющим нарушением всех норм и принципов международного права и ведет к опасной эскалации напряженности в регионе, ставит под угрозу мир не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире.

Совет Безопасности ООН на состоявшемся экстренном заседании одобрил резолюцию, в которой решительно потребовал от Израиля «незамедлительно и безоговорочно отвести все свои вооруженные силы к международно признанным границам Ливана».

Советский Союз решительно осудил агрессию Израиля против ливанского и палестинского народов. «Пытаться навязать арабам свой диктат,— говорится в Заявлении ТАСС,— заставить их отказаться от своих законных прав и подчиниться военно-стратегическим планам империализма на Ближнем Востоке — это авантюра, которая может дорого обойтись самому Израилю и его народу».

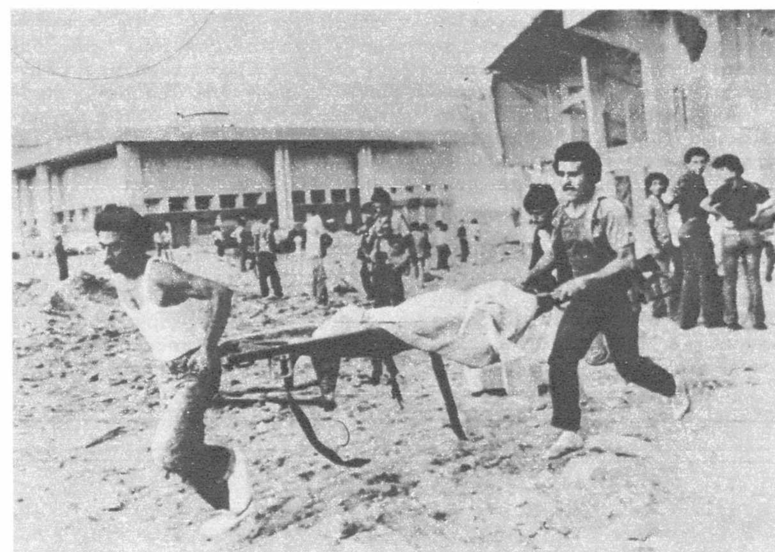
Советский Союз требует немедленно положить конец вооруженному вторжению Израиля в Ливан и отвести израильские войска на свою территорию».

Израильские агрессоры врываются на ливанскую территорию.

Телефото АП — ТАСС

Одна из жертв налета авиации Тель-Авива.

Начало см. на 2-й стр. обложки.

ственное объединение «Рязсельмаш». Эта машина не знает аналогов в отечественном машиностроении. Наш комбайн убирает картофель одновременно с четырех грядок. В Рязани разработаны две модификации самоходного комбайна для легких-средних и тяжелых почв. Применение этой машины позволит снизить затраты труда на уборке картофеля в два раза.

Со следующего года «Рязсельмаш» начнет выпускать стационарные картофелесортировальные пункты с производственной мощностью в 25 и 50 тонн клубней в час. Опытные образцы удачно зарекомендовали себя в Рязанской области, в Подмосковье. Хозяйства, построившие такие пункты, высвобождают десятки рабочих, занятых переборкой картофеля. Все это делают машины, которые обслуживают 8—10 человек.

— Словом, конструкторы потрудились хорошо,— констатировал генеральный директор «Рязсельмаша» Петр Епифанович Орлов.— Разработаны неплохие машины для индустриализации производства картофеля. Теперь слово за машиностроителями. Восьмирядную картофелесажалку будут производить на «Белинсксельмаше» в Пензенской области. Не берусь судить, как пойдут у них дела с выпуском новой техники, но у нас уже сейчас большие трудности с производством самоходных комбайнов. В этом году принято решение об их серийном выпуске. Около сорока машин уже собрано. К сентябрю намерены выпустить еще 60 комбайнов. У меня на столе кипа писем из колхозов и совхозов Брянской, Брестской, Ивановской, Горьковской областей, Дальнего Востока и Сибири, в которых люди просят ускорить выпуск самоходных комбайнов. Но ведь там, где ждут наши машины, не знают, что средства на создание дополнительных мощностей — о них шла речь еще шесть лет назад, когда комбайн был в чертежах,— выделены только на последний год нынешнего пятилетия. Значит, на проектную мощность по выпуску этих машин мы выйдем лишь в двенадцатой пятилетке. Сорвались и наши планы технического перевооружения имеющегося производства. Мы надеялись, что с объединения снимут и передадут специализированным предприятиям овощную технику. Этого не произошло, а дополнительных площадей за счет реконструкции мы не получили... Но самоходный комбайн стране нужен,— письма идут и идут. И мы решились, невзирая на все эти ухабы, начать все же серийное производство самоходок. Чтобы понять, как это нам удалось, нужно съездить на комбайновый завод.

Завод показывал нам главный инженер объединения Леонид Сергеевич Наборщиков. Он повел нас в небольшие темноватые помещения.

— Здесь, где у нас размещены сборочные участки, раньше были склады, комнаты вспомогательных служб. В бывшем цехе механизации теперь собираем рамы для самоходных комбайнов. Словом, мы пошли на предельное уплотнение и даже невольное ущемление интересов отдельных видов нашего производства. Некоторые операции производим под открытым небом. Но что делать, если комбайны крайне нужны селу. Продовольственная программа требует уже сейчас своего безотлагательного выполнения. Спасибо нашим рабочим, они хорошо понимают это и делают все в труднейших производственных условиях, чтобы комбайны уже этой осенью работали на полях, где их очень ждут. К концу года думаем иметь задел еще на сто самоходных машин. Труднее будет в следующем году, когда начнем выпускать картофелесортировальные пункты. Где их будем собирать? Ведь все ужато до предела...

На улице мы долго шли между тесно сбитыми рядами техники. Нагретый на солнце металл насыщал воздух запахом свежей краски, лаков и ацетона.

— Жарко,— сказал Леонид Сергеевич и неожиданно добавил: — Представляю, как буйно все уже пошло в рост на полях. Через два месяца наши машины будут там очень нужны. Только вряд ли они все попадут в село к началу сезона. Не на чем вывезти агрегаты. Вот сейчас на заводском дворе скопилось шестьсот машин. Чтобы отгрузить их полностью, нужно триста платформ. А в день железнодорожники подают нам максимум пятнадцать. Для ритмичной работы они должны поставлять в два раза больше. Ведь объединение ежесуточно производит продукции на тридцать платформ. Столько транспорта нам никто не дает, поэтому часто отправка техники задерживается на два-три месяца. Это, к сожалению, стало обыденным явлением. Так продолжаться дальше не может. Кто должен решить эту проблему?

Мы адресуем этот вопрос Министерству путей сообщения. А другой, заданный несколькими строками выше, о том, как создать необходимую базу для скорейшего выпуска новой техники на производственном объединении «Рязсельмаш»,— Министерству тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Вопросы поставлены, и ответы на них должны быть. Этого требуют решения майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, намеченная Продовольственная программа, сама жизнь.

СССР ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

ПРИЗНАН

Корнел Хайнал — главный редактор журнала «Орсаг-вилаг», который издается в Будапеште Обществом венгеро-советской дружбы. Много раз приезжал он к нам в гости как добрый друг. О своих впечатлениях Корнел Хайнал написал книгу, страницы из которой мы публикуем.

Корнел ХАЙНАЛ

Я убежден, познать народ можно через его историю, по сказкам и легендам; заглянуть в его душу — через литературу и музыку; а полюбить,— только узнав человека труда. Особенно справедливо это по отношению к Советскому Союзу, могучей, великой державе, у которой богатейшая история, живущий и поныне мир былин, обширная литература и многообразие музыки...

Я встречался с теми, кто создавал симфонии и атомные станции, космические корабли и современные города. Я общался с мудрыми преданиями, с легендами о героях, с песенным эпосом, звонким, призывным...

В Туле я встречался с потомками старых русских мастеров-оружейников, которые некогда ковали щиты и мечи для России. Ими были вооружены русские дружины на Куликовом поле, а позже — крестьяне, вставшие под знамена Болотникова. Это они вооружали бойцов Великого Октября, они уже на нашей памяти остановили танки Гудериана. Во всем этом одна из черточек души русского народа: твердость, самоотверженность, бескомпромиссность. Все это проявилось и в труде, требующем нечеловеческих усилий, и на фронтах мировой войны. Но одновременно я открыл для себя еще одну сторону русского народа: радушие, лиричность, доброту, трогающую до слез, открытое дружелюбие. Как тут не вспомнить самовар, тот самый, который — я в этом убежден — является символом спокойного благополучия, гостеприимства. И кто понимает, что к чему, тот знает, какое настроение создает он.

Мне вспоминается вечер на даче у одного моего друга. Бабушка сначала ворчала, дескать, зять чересчур много дров положил в костер, молодая хозяйка бдительно следила, чтобы мы не выпили лишку перед ужином, девочка лет трех рассказывала нам сказку... Но вот наступили сумерки, шашлык был готов, и начался веселый пир. Столовых приборов не было. Мы сидели под деревьями, любуясь угольками, словно подмигивающими звездам в небе. Звучали негромкие тосты, словно обращенные к самому говорящему, заставляющие задуматься. Они хороши, человечны. В такой обстановке ни о чем другом не могу говорить, как только о братстве, о подлинной дружбе, которые и на сей раз сделали вечер теплым и задушевным. Ту самую загадочную русскую душу, открывать которую я отправился любопытным искателем, я и нашел в теплой, по-настоящему человеческой атмосфере этого вечера. Без громких слов — нашел ее в народных песнях, тихо звучавших над костром в темноте леса, в простых словах, в звонком смехе. Иначе говоря, в том, что мы единое целое...

Об этом я и написал книгу.

* * *

Стоит теплое лето, по небосводу носятся пухлые облачка, словно упитанные озорные ребятишки, а на полях яркая зелень. Колеса «Волги» неожиданно пускаются в дикий пляс — это мы свернули с широкого асфальтового шоссе, ведущего в Рыбинск, и потянули за собой такой пыльный шлейф, как хвост у кометы. Но вокруг ничто не изменилось. Будто едем по Венгерской равнине, Альфельду. Редкие деревца, раздолье полей, вот несколько коров смотрят на нас безучастно. Добрый час тряски — и резкий поворот. Ухабы еще похлестче, но мне все же удается прочесть на дощечке название деревни «Горшиха».

Меня встречает улыбкой коренастый, розовощекий мужчина. Прикидываю,— лет за пятьдесят. Крепко жмет мне руку, предлагает сесть.

Сразу же покоряет блеск голубых, лучезарных глаз. А уж как начал он говорить, я почувствовал: от чар его я не освобожусь никогда.

— Наверное, странным показалось вам название нашего села? Этакое характерное окончание у него — «ха», в здешних местах оно у многих деревень. Но само название старинное: в нем сгусток нищеты и горя. В нем выражены страдания народные, ведь и наши великие писатели в своих псевдонимах хотели выразить это: Максим Горький — имея в виду горькую жизнь; Демьян Бедный — бедствия народа.

И знаете,— продолжал председатель,— еще лет 50—60 назад Горшиха поистине заслуживала своего наименования. Куда ни глянь, бесплодные поля, на которых с трудом перебивались ото-

ГОРОД НЕУВЯДАЕ

КОМСОМОЛЬСКУ-НА-АМУРЕ — 50 ЛЕТ

В. КУЗНЕЦОВ, А. ЩЕРБАКОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

Если попытаться применить к городу мерки человеческого возраста, то на вид Комсомольску-на-Амуре можно дать больше пятидесяти. Он солиден, особенно своей индустриальной статью, мощью заводов, размахом строек. А духом необыкновенно молод. Как и в юные годы, отчаянно дерзок, увлечен предоставленной временем возможностью искать, открывать, совершенствовать открытое. Как и в первые дни существования, он романтично и в то же время деловито, по-земному заботится о своем будущем. Зримо, на наш взгляд, это раскрывается в наставничестве. О нем и наш разговор.

Юрий Захарович Кучмин, директор завода имени Ленинского комсомола, рассказывает нам о заводе, о городе, вырастившем его.

— Среди многих заслуг Комсомольска, пожалуй, одна из главных — воспитание людей, формирование их характеров. Вот, скажем, моя биография. После окончания политехнического института — помощник мастера на этом заводе, потом — мастер, начальник цеха, секретарь парткома, заместитель директора по производству, а затем директор завода. Ростом своим обязан, конечно, городу. Тут нельзя жить вчерашним днем, нельзя довольствоваться однажды найденным. Сама цель создания города, взятые с самого начала темпы, весомость поручаемых ему дел — все заставляло и заставляет жить в особом ритме (директор мельком взглянул на часы — время-то идет!). Все требует особой ответственности и за сегодня и за завтра. У нас все, кто может, принимают какое-то участие в воспитании граждан города. Здесь каждый старается найти точку приложения своих сил. Я, например, сейчас вижу ее в решении социальных проблем.

...Иван Кузьмич Шахов много рассказывал нам о Комсомольске, который стал его городом с 1934 года. В рассказе словно бы между прочим вспоминал Сталинград, где, по убеждению Шахова, началась его боевая биография, а рабочая началась в Комсомольске-на-Амуре. Судьбы этих двух городов слились в его судьбе.

Для Шахова наставничество — высокое гражданское призвание. Может, поэтому он меньше говорит о том, как передает молодым рабочим свой опыт слесаря-электромеханика, зато увлеченно рассказывает о человеческом общении со вступающими в жизнь согражданами.

— Таня пришла в цех застенчивой, необщительной. Учил я ее ремеслу и про жизнь девушки узнавал. Узнал, что Танина мать —

ИЕ В ЛЮБВИ

рванные от мира крестьяне. Это о них писал великий русский поэт Некрасов.

Наблюдаю за председателем: без всякого пафоса, спокойно читает он стихи.

— Но вот пришел Великий Октябрь, который изменил и наш край. Это предвещал наш Некрасов в другом стихотворении.— И председатель снова цитирует поэта.

— Знаете, когда наши люди в 1931 году увидели первый трактор, неделями ходили как зачарованные. Не могли понять, почему эту странную конструкцию не тянут за собой волы, а она — надо же!— идет. Более того, хозяин этого чуда — тракторист. Вот его-то почитали высоко: «Глянь-ка, залил в машину воды, а она и пошла, тащит за собой плуг, поднимает землю». Но вот мы получили технику, освоили ее, а через десять лет стали участниками сельскохозяйственной выставки в Москве.

Война, разумеется, отбросила назад и нас, хотя фашисты до наших краев не доходили. Женщины тогда работали под стать мужчинам — честь и хвала им.

Председатель колхоза взглядом показывает на фотографии, висящие на стене кабинета. С них на меня смотрели молодые, умные лица, лица тех людей, которые ушли на войну и не вернулись... Наблюдаю за председателем: он всматривается в лица друзей своей молодости, а в мыслях, наверное, масса воспоминаний. Мне показалось, что в уголке его глаз будто блеснула слезинка.

Он показывает на снимок: мужчины в лаптях идут по глубокой грязи с какой-то нелегкой ношей.

— Вот этот бородатый мужик — мой отец. Он был первым председателем, основателем колхоза. Начинать приходилось в нечеловеческих условиях, ведь у нас не было ничего, кроме болотных кочек, заросших горькими травами, на которых и скотину-то пасти нельзя. Правда, и пасти-то было почти нечего... Да, трудновато приходилось, но в 1948 году у нас уже появились Герои Социалистического Труда. С тех пор дела пошли лучше и лучше.

С гордостью перечисляет председатель колхозные достижения.

— Там, где когда-то были болота, собираем с гектара по 41 центнеру зерна. Но «основной профиль» — молоко, животноводство. Ежегодный надой от одной коровы 5820 литров молока, а молоко наше содержит 4,5—4,6 процента жира. Я съездил в Эстонию, привез оттуда хороших молочных животных, а слабых выбраковали. Ныне у нас 400 отличных коров.

Позже в современной — вся из стекла — колхозной столовой мне дали попробовать колхозного молока. А к нему — свежий, еще горячий пирог с вареньем. Председатель явно смутился, быстро кому-то что-то шепнул, и на столе появилась бутылка коньяка. Но я решил воздать должное ледяному молоку. В жаркий полдень оно оказалось божественным напитком.

— Теперь мы прочно стоим на ногах. Во времена, когда председательствовал отец, рассчитывать было не на что. А у нас 35 тракторов, 28 грузовых машин, 7 комбайнов и вся другая необходимая сельскохозяйственная техника. Трудятся у нас 300 колхозников, их доходы, даже в сравнении со средними показателями по стране, весьма высоки. Правда, никого не уговариваем оставаться у нас, но кто остается, работает хорошо.

И вдруг задает мне вопрос:
— Помните первую фразу в «Анне Карениной» Толстого? Она справедлива и для нас: «Все счастливые семьи похожи друг на друга...» Вот так и у нас,— продолжает немного задумчиво и тут же начинает говорить о планах: — Строим небольшой асфальтовый завод, заасфальтируем улицы, площади в деревне. Приедете к нам еще раз, того пыльного проселка не будет, там пройдет хорошее шоссе. Детский садик у нас есть, собираемся строить новый клуб, столовую хотим построить получше. Затем в планах постройка мастерской для ремонта тракторов и, что очень важно при нашем климате, коровник на 4 сотни голов. Словом, придется потрудиться, но сделаем, осилим...

Восторженно слушал я этого человека, голубоглазого, улыбчивого, с твердой рукой. Хотелось знать о нем больше, и у меня так и напрашивался вопрос: не преподавал ли он литературу, — уж очень хорошо знает ее.

— После семилетки окончил автомеханический техникум, — говорит председатель. — Много лет работал на Горьковском автозаводе, потом в Ярославле на заводе дизельных моторов. А затем грянула война. Воевал командиром танка. Несколько раз ранен. Лишился легкого. А стихи, литературу я полюбил еще раньше. Когда лежал по госпиталям долгими, тревожными зимними месяцами, стихи стали моими друзьями, утехой. Голова у меня такая, что запоминаю все прочитанное, все интересующее меня. Приехал работать сюда, а в 1958 году избрали председателем. Нет, я не преподавал литературу, просто я люблю стихи, люблю читать. Вот и все...

На прощание председатель, словно резюмируя нашу встречу, говорит:

— Как сказал великий писатель, ключ к счастью не в том, чтобы всегда делать то, что хотим, а в том, чтобы всегда желать того, что мы делаем...

Я с благодарностью жму ему руку. Я познакомился еще с одним интересным человеком...

МОЙ МОЛОДОСТИ

техничка, растит четверых детей. Я пошел к цеховому начальству и говорю: «Все, что от меня зависит, сделаю, чтоб Таня хорошей производственницей стала, давайте ей досрочно разряд присвоим — пусть девчонка почувствует, что мы в нее верим. И приличные деньги в дом поскорее принесет. А я за ее будущую квалификацию ручаюсь». Согласились со мной...

Первая Танина рабочая получка событием в цехе стала. Таня не подвела ни своего наставника, ни коллектив.

Герой Социалистического Труда Иван Кузьмич Шахов возглавляет городской университет наставников, он один из инициаторов его создания; участвует в работе городского консультационного пункта психолого-педагогической помощи. Это интересное новшество Комсомольска, призванное оказать содействие семьям, учебным заведениям, заводам.

Познакомились мы еще с одним старожилом города — фрезеровщиком с авиационного завода имени Юрия Гагарина Героем Социалистического Труда Петром Поликарповичем Голегой. Вспоминал он, как четыре дня плыл из Хабаровска. Стоял май, но тайга еще дышала на реку холодом. Город тогда — шел тысяча девятьсот тридцать пятый год — уже начался, однако существовал лишь как кипучая стройка. Дороги особенно запомнились новоселу, потому что начал он возчиком. Пегий конь его оказался ему под стать — такой же трудолюбивый и выносливый, и они в погоду и в непогодь обязательно вовремя привозили все, что ждали на стройплощадках.

Потом завод... Потом служба на Тихоокеанском флоте. Вступил в комсомол, в сорок четвертом приняли в партию, а после демобилизации снова на родной завод, где и формировался характер будущего Героя Социалистического Труда, мудрого наставника молодежи, депутата горсовета, члена горкома и крайкома партии. Он учил и учился. Не постеснялся пойти в школу рабочей молодежи, когда ему было уже за сорок.

— Великовозрастным учеником ходил.— Он улыбается, и в улыбке его ребячья хитреца.— А как же иначе я мог поступить?! Борьба за коммунистический труд — значит, учеба. А я бригадир. За мной пример. Думаю: пойду, и ребята потянутся. Я, учитывая возраст, восемью классами ограничусь, а они, молодые, надо надеяться, и дальше пойдут.

— С Валерием Савченко долго не получалось,— вспоминает Петр Поликарпович.— Рабочая-то сноровка у него сразу прорезалась, все, чему я его в цехе учил, схватывал быстро, надежно. А на улице все не туда его тянуло. Не мог я, конечно, с этим согласиться. Кто идет и спотыкается, из того полноценный рабочий не получится. Взялся я за парня, так сказать, изнутри. То в цехе с ним найду минутку по душам потолковать, то домой к себе зазову, откровенный разговор затею. Отец Валерия тоже у нас на заводе работает, шлифовщик — я его в союзники давай сватать. Сперва он как-то не очень охотно отзывался — пусть, мол, каждый живет, как хочет. Позже все-таки мою сторону взял... Когда провожали Валерия в армию, я уже не сомневался, что он там наш Комсомольск не посрамит. Отслужил добросовестно и на завод вернулся. Теперь я с гордостью называю его в числе первых своих воспитанников. Между прочим, наставничество помогло мне полнее, лучше свою рабочую должность понять. Несколько раз мне выдвижение предлагали. Отказывался. Рабочим я себя нужнее чувствую, и народ ко мне учиться охотно идет, потому опять же, что рабочую цену мою знает. Я очень этим дорожу.

...Слушаем рассказы ветеранов, людей уже не молодых, а город встает в их рассказах по-прежнему молодым, энергичным, устремленным в большие завтрашние дела.

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Юрий **БЕЛЯЕВ**

В Крутицком подворье, замечательном архитектурном ансамбле средневековой Москвы, впервые за много десятилетий было так многолюдно. В недавно отреставрированном бывшем Успенском соборе, превращенном в выставочный зал Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, открывалась выставка московских художников «Отечество», посвященная пропаганде историко-культурного наследия нашего народа.

«Отечество»... Одно название уже вызывает в памяти знакомые образы, привычные ассоциации, связанные с трудовыми свершениями и ратными подвигами, с красотой родной земли, с мудростью живущих на ней людей. Пришедших на выставку ждет встреча с сюжетами героической Куликовской битвы, с иллюстрациями современной советской прозы; их встречает земная обаятельная улыбка Юрия Гагарина (художник Д. Утенков) и вихревой танец народной артистки РСФСР Людмилы Семеняки (худ. Е. Флерова).

Тематически выставка разделена на пять циклов: «По родной стране», «Подвиг народа», «Русская старина», «Исторический портрет» и «Иллюстрации к отечественной классике». Зрители как бы получают возможность совершить путешествие по бескрайним просторам нашего великого Отечества, в глубины его более чем тысячелетней истории. Экспозиции в Крутицком подворье как нельзя лучше подходят слова В. Г. Белинского, писавшего, что искусство со стороны своего содержания есть выражение исторической жизни народа. И, оправдывая свое название, выставка создает обобщенный исторический образ Отечества. В этом ее главное достижение. В предисловии к каталогу народный художник РСФСР А. Шилов пишет: «Художникам—участникам выставки «Отечество» выпала большая честь выставить свои работы в прекрасном памятнике старинного русского зодчества. Где, как не здесь, показывать работы, пропагандирующие шедевры древнерусской архитектуры, развивающие традиции русской реалистической школы или народного искусства. Выставиться здесь означает взять на себя дополнительную ответственность не только перед этим великим памятником искусства, но и главным образом перед его создателем — народом».

О том, что выставка удачна, свидетельствуют и восторженные записи в книге отзывов и переполненные залы. Группа ветеранов труда в пространном отзыве благодарит за возможность познакомиться со столь интересными и разнообразными художниками, за продуманность экспозиции, ее широту. А вот отзыв лаконичный: «Московским художникам — огромное спасибо! Сергей Бондарчук». Так из мозаики записей в книге отзывов складывается облик выставки. Пишут искусствоведы и школьники, студенты и военнослужащие, академики и пенсионеры. Широка и география отзывов: здесь, кроме москвичей, и киевляне, отметившие 1500-летие со дня основания своего родного города, львовяне, уральцы, сибиряки, жители Кустанайской области. Посещают выставку и гости из других стран. Все это радует. Идеи добра, красоты, человеколюбия, воплощенные в произведениях искусства, становятся всеобщим достоянием, служат укреплению столь необходимого сейчас взаимопонимания между народами.

Здесь участвуют очень разные по своей творческой манере художники, но сама выставка воспринимается как единое художественное целое, и происходит это, видимо, оттого, что авторы стоят на одних и тех же идейных позициях. Работники ЦДРИ отметили: «С удовольствием и радостью посетили выставку художников, которых объединила великая любовь к Родине». Объединяет художников и верность заветам реалистического искусства.

Картина лауреата премии Московского комсомола Елены Флеровой «Отец и сын» никого не оставляет равнодушным. В ней сконцентрирована идея исторической преемственности благороднейшей профессии земледельца, любовь к которой прививать нужно именно с детских лет. Трудовые подвиги прославляют и строгие, но в то же время наполненные внутренней экспрессией офорты лауреата международного конкурса гравюры Демьяна Утенкова — цикл «Первопроходцы Сибири» и триптих «БАМ. Начало пути». Впервые побывав в Сибири в шестнадцатилетнем возрасте, художник с тех пор совершает ежегодные путешествия по этому захватывающему воображение могучему и величественному краю. Глубокое знание Сибири и прекрасная техника выполнения офорта на стали позволили молодому еще художнику создать остроэмоциональные произведения серьезного философского звучания.

Вместе с такими художниками, как Ю. Селиверстов, С. Харламов, Н. Попов, Д. Утенков входит в число наиболее многообещающих молодых российских графиков, уже сейчас достойно продолживших лучшие традиции этого жанра. С Еленой Флеровой Утенкова объединяет романтическая приподнятость и композиционное мастерство. Акварельные монотипии художницы (портрет Л. Семеняки, сказочно-фольклорный цикл) раскрывают глубокие возможности, заложенные в этой технике, подчеркивают лиричность ее манеры.

Открытием выставки стали работы московских живописцев Бориса Кошелева и Александра Поленова. Образы писателей-мыслителей, которые Кошелев создал в портретах И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Д. В. Григоровича, Григория Сковороды, отличают гуманизм и умудренность жизненным опытом, пытливое отношение к окружающему их миру. В галерее исторического портрета выделяются образы Дмитрия Донского и протопопа Аввакума, трехсотлетие со дня героической гибели которого исполнилось в апреле этого года.

Картина А. Поленова «Материнство», изображающая прекрасную молодую женщину с младенцем на руках, написана в несколько аллегорическом ключе, но это только усиливает символику романтически возвышенного образа. В той же нежной по колориту манере написана блоковская «Незнакомка».

Тема ратного подвига народа, его героической многовековой борьбы за свою свободу получила отражение в работах Н. Коненковой, Д. Утенкова, В. Лукьянца, молодого художника из Загорска Ивана Харченко, работающего в технике «горячего батика», заимствованной у старинных мастеров Индонезии. Обгорелая деревянная скульптура Нины Коненковой «Мать Смоленская», создающая образ многострадальной, но не сломленной русской женщины, символизирует героику Великой Отечественной войны. Прославлению мирной жизни, красоты земного бытия посвящена ее другая выразительная скульптура, «Юность».

Традиции старых русских народных ремесел продолжает Анатолий Белков. Его работы ковш артельный «Богатырь», ендова, братина, ларец «Топаз», выполненные из красного дерева, орехового капа, тонированной липы, привлекают внимание изяществом и лаконизмом форм, праздничностью отделки, заставляют по-новому оценить эту область прикладного искусства.

Широко представлен на выставке исторический и современный пейзаж. На полотнах Б. Кошелева, А. Поленова, В. Смирнова, А. Кретова-Дажды, Г. Павлова «времен возвышенная связь» становится осязаемой и понятной. Владимира Смирнова по праву можно назвать певцом старинной Москвы. Выполненные в декоративно-лубочной манере, его миниатюры не просто радуют глаз своей яркостью, праздничным колоритом, но и рассказывают о некоторых уже утраченных памятниках древнемосковского зодчества. Мы видим и знаменитую Сухаревскую башню и Симонов монастырь, вошедший в историю Куликовской битвы. Невольно возникает мысль, что упущения прежних лет могут быть исправлены, что в ряде мест нашей древней столицы историческая реконструкция будет только к лицу.

Немало интересных работ и среди иллюстраций. Влияние билибинской школы чувствуется в красочных динамичных иллюстрациях Виталия Лукьянца к русским былинам. Анатолий Кретов-Дажды первым из художников предпринял попытку графического прочтения романа-хроники Василия Белова «Кануны». Та же пластичность рисунка и сложность композиции отличают его иллюстрации к поэме Сергея Есенина «Пугачев». Б. Кошелева привлек своим жизненным драматизмом материал пушкинского «Бориса Годунова», а А. Поленова на создание живописного полотна «Невеста» вдохновили баллады В. А. Жуковского. На выставке представлены иллюстрации и к другим русским классикам — Карамзину, Лескову, Григоровичу, Блоку. Пейзажная графика М. Баруздина посвящена творчеству Михаила Пришвина.

На этой выставке особенно остро ощущаешь, как современность становится историей, а история вторгается в современность. Смотришь на портреты Гагарина, Курчатова, Келдыша, Блохинцева и ощущаешь живое дыхание истории. Они уже ведут диалог с будущим, достойно представляя нашу эпоху в великой и непрерывной связи времен. А из глубины веков все скачут неумирающие всадники Дмитрия Донского с радостным известием о победе.

Выставки такого рода проводятся во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры не часто. Выставка «Отечество», совпавшая с пятнадцатилетием со дня основания ВООПИиК, стала ярчайшим свидетельством того, что изобразительное искусство может успешно выполнять просветительскую миссию и участвовать в благородном деле историко-патриотического воспитания народа. Пусть только художники, особенно молодые, почаще вспоминают замечательные слова М. В. Нестерова: «Талант — это не удовольствие, талант — это тяжкая обязанность: за врученный вам талант отвечайте перед Россией».

Е. Флерова. Род. 1943. ОТЕЦ И СЫН.

Б. Кошелев. Род. 1939. ПОРТРЕТ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Г. Павлов. Род. 1947. ГОРОДСКАЯ УЛИЦА.

НА ЛАДОГЕ СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Всю жизнь считая своим долгом быть человеком, он, умирая, воспользовался правом стать героем.

В. ГЮГО

I

Ранняя осень. Август. Свесившиеся к воде ивы поджелтились, пожухли. В медленной, почти стоячей воде Петровского канала тихо крутятся свежие сосновые щепки — чуть поодаль восстанавливают деревянный мост. Время обеденное. Плотники, купив в зелененьком магазинчике килек, степенно закусывают на берегу. Пахнет просмоленными лодками, сосной, водорослями и бензином. Бензин, пожалуй, перебивает все остальные запахи. А казалось бы, и машин здесь, в Кобоне, совсем немного. Проедут одна-две, пустят волну пыли, и снова тишина. И невольно приходит уже совсем не новая мысль: до чего же мы привыкли дышать этим бензином в городе, если перестаем его там ощущать! И как еще таскаем ноги, пропитав выхлопными газами свои легкие?

Я сижу на квадратном, явно обработанном человеческой рукою камне. Назначения его я не знаю — не то надгробие, не то остаток от верстового столба. Машинально провожу рукой по холодному граниту и ощущаю неровную выбоину, потом еще и еще... Следы от осколков. Да, скорее всего это был верстовой столб: рядом дорога, мост. Каменный мост, поросший травою. На столбе, наверное, когда-то красовалось число. Двузначное. Кобона отстоит от Ленинграда на 103 километра. Ну, а верста, как известно, чуть побольше километра.

Осколочные раны на гранитном камне возвращают меня к августу 1942 года, когда мы с матерью, эвакуируясь из осажденного Ленинграда через Ладогу, приплыли в Кобону на барже и ждали здесь под открытым небом, когда подадут состав с теплушками, чтобы ехать дальше. В Пермскую область.

Но я, досадуя на себя и стыдясь, что выбрался в Кобону впервые почти за сорок лет, отгоняю сегодня свои блокадные воспоминания. Мой приезд связан с событиями совсем другими. Связан с человеком, который погиб здесь, на берегу тихого канала, почти за семь лет до моего рождения, в январе 1924 года. Но в жизни все так взаимосвязано, так запутано, что ни временные, ни географические рамки не могут быть помехой к тому, чтобы судьбы людей совсем незнакомых вдруг пересеклись в неожиданных точках. Судьба Андрея Прокофьевича Прокофьева, о котором я большую часть своей жизни ничего не знал, пересеклась с моей. Пересеклась впервые, наверное, в тот момент, когда в сорок втором я попал в Кобону. Это село, конечная станция на Дороге жизни, стало для десятков тысяч ленинградцев символом избавления от ужасов блокады.

Старший сын Андрея Прокофьевича, знаменитый русский поэт Александр Андреевич Прокофьев, написал текст для здешнего мемориального обелиска:

«Через Кобону шла Дорога жизни. Она, прорвав фашистскую блокаду, соединила сердце Ленинграда с родной Москвой, с Советскою Отчизной. 1941—1943».

Сегодня в Кобоне я хочу представить, прочувствовать, как жилось и служилось здесь Андрею Прокофьевичу.

С Александром Андреевичем Прокофьевым мы были знакомы. Не раз встречались, когда я работал в Ленинграде, в молодежной газете. Но никогда у нас с ним не заходил разговор о его отце. А сколько интересного он мог бы о нем рассказать... И теперь мне приходится узнавать подробности о жизни Андрея Прокофьевича по крохам — в архивах, в книгах воспоминаний о сыне-поэте, в стихах самого Александра Андреевича, из рассказов второго его сына — Василия Андреевича Прокофьева.

Я только что вернулся с кладбища. Оно совсем рядом — если идти из центра села по берегу канала, то налево, в густом, заросшем малинником лесу.

Серый гранит. Черная доска. Золотые буквы: «Прокофьев Андрей Прокофьевич. Декабрь 1873 — январь 1924. Милиционер Шумской волости. Погиб от бандитской руки».

А жена его, Анна Степановна Прокофьева, похоронена в Ленинграде, на Серафимовском кладбище, в 1941 году. Семнадцать лет разделяют годы их смерти. Семнадцать трудных лет, наполненных горечью утраты, лишениями, светлой гордостью за успехи разлетевшихся по свету, прекрасных своих детей! Когда не стало Андрея Прокофьевича, их младшей дочери — восьмому ребенку — был всего год.

Судьба Анны Степановны — типичная судьба русской женщины первой половины двадцатого века. Есть у нас семьи, где пять-шесть сестер, переваливших уже на восьмой десяток, по тридцать — сорок лет коротают свой век без погибших или умерших мужей!

...Я сижу на куске гранита рядом со старым каменным мостом. Здесь, у этого моста, на лужайке с правой стороны устраивались ярмарки, карусели. На самом мосту танцевала молодежь. В Кобоне невозможно где-то сидеть, идти мимо какого-нибудь на первый взгляд неприметного дома и не вспомнить к случаю строку из стихов Александра Прокофьева. Вот и об этом каменном мосте он писал: «Как во нашей во деревне да на каменном мосту, на высоком, на счастливом, девки водят хоровод. Ударяют классно в камень — и чем звонче, тем верней, машут белыми платками и зовут к себе парней...»

Вступив в 1918 году в ряды рабоче-крестьянской милиции, Андрей Прокофьевич Прокофьев взялся за дело чрезвычайно трудное. Разоренная войной, раздираемая интервенцией страна. Отсутствие порядка. Ведь даже само слово «порядок» многие считали тогда отжившим, олицетворявшим лишь старый порядок. Недаром с первых дней революции приходилось внедрять в умы людей новое понятие — «революционный порядок». Но одни по недомыслию, другие корысти ради, третьи с далеко идущими целями не хотели видеть разницы между старым и новым, революционным порядком. Растаскивалось, разграблялось национализированное имущество.

В «Полном географическом описании нашего Отечества», вышедшем под редакцией Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, сообщалось: «В шести с небольшим верстах от Лавровой расположено, при Ладожском озере, двух каналах и р. Кобони, волостное село Кобоно (Кабоно, Кабона), имеющее около 400 жителей. При селе находятся два больших лесопильных завода; один — торгового дома под фирмой «Карл Граан», распиливающий досок на 75 тыс. р., при 65 рабочих, а другой — гр. Мусина-Пушкина, вырабатывающий различных древесных материалов с лишком на 45 тыс. р. и кроме того выручающий на распилке 25 тыс. р. (рабочих на последнем заводе 85 ч.)».

Вернувшись после действительной службы в Кронштадте, артиллерист, старший фейерверкер Андрей Прокофьев устроился работать машинистом на лесопильный завод Мусина-Пушкина. Профессию он приобрел в армии. В артиллерии и в те времена требования были высокие, брали грамотных, обучали механике.

Завод Мусина-Пушкина называли в Кобоне «новым». Находился он всего в километре от поселка, в направлении к деревне Низово.

Василий Андреевич Прокофьев рассказывал мне, как еще совсем маленьким мальчиком носил отцу на завод в узелке обед. Всегда спешил — ему хотелось услышать отцовскую похвалу:

— Молодец, обед горячий, будто с печки.

Вскоре после революции завод закрыли. Не было людей, знающих технику, рабочие ходили на завод, когда им вздумается, в путину не появлялись и вовсе, неделями пропадая на озере. Ветшали, приходили в негодность машины. Решили организовать в помещениях заводской конторы детский дом. Но и детдом недолго просуществовал — всего несколько месяцев. Пустующий, разворованный завод подожгли хулиганы. Второй завод не намного пережил сгоревший, его тоже разорили.

Андрей Прокофьевич знал, на что шел, когда подал заявление о приеме в милицию. Знал и о том, что немало неприятностей и горьких минут доставят ему не только преступники, но и односельчане. Пьяные драки не были в Кобоне редкостью. И не каждая ярмарка и танцулька на каменном мосту заканчивались мирно.

Прокофьев-поэт оставил нам красноречивые свидетельства об этом в своих стихах:

Запыленный подорожник
стал багровым, как рябина,
Богомазовскою росписью
подернулась трава,
И ходили, и стучали,
и дубасили дубины,
Свежерубленные палки
по кудрявым головам.

1918 год был не только годом поступления Андрея Прокофьевича на службу в милицию. В это время вместе со своим сыном Александром он вступил в сельский комитет сочувствующих большевикам, и через несколько месяцев оба стали членами партии. Милиция приобрела не карьериста, не любителя покомандовать односельчанами, а убежденного бойца за революционный правопорядок.

К сожалению, не осталось ни одной фотографии того времени, но есть фото 1915 года. Фотографию эту знают, наверное, все, кто хоть раз брал в руки томик стихов Александра Прокофьева или читал одну из многочисленных книжек, посвященных его творчеству. На карточке — Саша Прокофьев, будущий знаменитый поэт, в те годы учащийся учительской школы (семинарии) Сан-Галли в Петро-

граде, и его отец — Андрей Прокофьевич. У сына чуть обиженное выражение лица, характерные пухлые губы. Одет он в черную косоворотку и форменную фуражку. Отец в солдатской шинели и папахе. Фельдфебель. Идет первая мировая война. Сфотографировались они в Петрограде, когда отец получил короткое увольнение и навестил сына. Разговор, наверное, был невеселый — дома, в Кобоне, осталась мать и пятеро ребятишек. Старшему из них, Василию, девять лет. Саше, с большим трудом поступившему в семинарию на казенный кошт, надо было бросать учебу и возвращаться домой, помогать матери поднимать младших.

В 1915 году Андрею Прокофьевичу было сорок два года. Если внимательно вглядеться в его лицо на фотографии, то почувствуешь вдруг какую-то спокойную уверенность и силу во всем его облике. Умные глаза с чуть припухшими веками смотрят прямо и спокойно, лихие усы придают Андрею Прокофьевичу молодецкий вид, но под ними прячется готовая вот-вот показаться улыбка. Когда я рассматриваю эту карточку, мне невольно вспоминаются групповые портреты красных командиров времен гражданской войны, сфотографировавшихся вместе с легендарными начдивами в короткой паузе между боями.

Почти шестьдесят лет прошло со дня гибели Андрея Прокофьевича Прокофьева. Но можно с достаточной точностью представить себе и детство и юность этого простого русского человека, писавшего в анкете о своей профессии — «крестьянин-хлебопашец».

Отец его, Прокофий Иванович, тоже был кобонским, приладожским крестьянином. И, сколько помнили себя Прокофьевы, никогда не разлучалась их фамилия с этим селом, с Ладогой. И, сколько помнили, всегда жили, как все: в голодные годы бедствовали, в обычные едва сводили концы с концами.

Ждать мне нечего.
С детства
Нас давила нужда,
Горе шло по соседству,
По наследству — беда!

Про своего коренастого, чернобородого деда Александр Прокофьев писал:

Дед мой Прокофий
Был ростом мал,
Мал, да удал,
Да фамилью дал!..

Дал, как поставил
Печать с гербом!
А что на печати?
Да дед с горбом!

Василий Андреевич, второй сын Прокофьева, рассказывал:

«Отец с самого раннего детства помогал родителям в хозяйстве — вязал мережи и сетки, выезжал с отцом Прокофием Ивановичем и братом Иваном на рыбную ловлю, косил, пахал землю... Окончив Кобонскую сельскую школу, был взят на действительную службу в царскую армию в Кронштадтскую крепость... Вероятно, там он изучил, помимо курса своей специальности артиллериста, и другой курс — политграмоту. На действительной службе он прослужил пять лет.

В 1898 году вернулся на родину, женился на Анне Степановне Востровой, единственной дочери Востровых, и вошел в дом тестя примаком. Устроив так свою судьбу, отец получил два душевых надела земли. Земля давала хлеба только до декабря. Имелась рыбачья лодка с парусом, мережи, сети. Рыбачили в семье все. Начиная с семилетнего возраста и мы, сыновья Андрея Прокофьевича, уже ходили на Ладогу».

«Мы, ладожане, росли со стрижами, с березой плакучей, с обидой жгучей. Росли сероглазы и русоголовы, из люлек вставали уже рыболовы!»

«...Свое детство, юность и начальную пору молодости я провел на Ладоге, великом голубом озере, среди коренных рыбаков. По малой, окруженной со всех сторон водой земле ходили только тогда, когда на озере был шторм. Отсюда — все качества этих людей — суровых, прямолинейных, отважных»,— писал Александр Андреевич Прокофьев.

«...Жили мы, благодаря трудовой хватке отца, лучше некоторых односельчан, но достатка не было. Землепашцы мы были слабые, рыбаки мелкие, ершовники»,— вспоминал он в своей автобиографии.

II

Смерть милиционера Прокофьева, шагнувшего темной январской ночью навстречу пуле грабителя и бандита, заставляет пристальнее вглядеться в его жизнь, попытаться изучить и понять его характер. И когда это делаешь — понимаешь, что вся жизнь Андрея Прокофьевича по самой своей сути, какой бы простой, обычной она ни казалась, была подвигом.

Вместе с Анной Степановной они вырастили восьмерых детей. Три сына и пять дочерей Прокофьевых! Даже по меркам тех лет, когда русские семьи отличались многодетностью, восемь детей было много. Не говоря уже о нашем времени, когда мы переживаем демографический кризис. И годы какие тяжелые — голод, разруха. А Прокофьевы растили, воспитывали детей. Воспитывали прежде всего своим примером — неиссякаемым трудолюбием, честностью, добротой. Своей открытостью и жизнелюбием. И вырастили восемь коммунистов!

Все их дети получили высшее и среднее образование, заслужили вместе около пятидесяти правительственных наград.

Старший сын, Александр, поэт, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, был делегатом пяти съездов партии. Избирали его членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. Второй сын, Василий, начинал моряком, ходил в загранку, потом работал директором заводов в Мурманске, первым секретарем обкомов партии в Мурманске и Новгороде, заместителем председателя Госконтроля СССР, был, как и Александр, делегатом на многих съездах, членом ЦК КПСС. Когда я смотрю на карточку 1959 года, где оба брата, Александр и Василий, сфотографированы на XXI съезде партии, мне так и чудится рядом мужественное лицо их отца, пристальный взгляд внимательных глаз и суровые усы.

Восемь детей, восемь граждан России, восемь коммунистов. Это был первый подвиг кобонского милиционера Андрея Прокофьевича Прокофьева и его жены Анны Степановны.

Смерть Андрея Прокофьевича явилась наивысшим проявлением его служебного и гражданского долга. Александр напишет потом:

Отец мой — старший фейерверкер —
Жил,
Служил
И не боялся смерти.
Она сама нагрянула внезапно.
День умирал и тучи гнал на запад,
И, мертвенно бледнея, падал снег.
С землею не простился человек.
Но смерть напрасно затрубила в горны.
Он пал на поле боя
Непокорным!

Андрей Прокофьевич с сыном Александром. 1915 г.

Вот и снова я цитирую стихи... Снова прибегаю к помощи сына-поэта, чтобы рассказать об отце. А если бы... Нет, человеческая память, людская молва сохраняют надолго, иногда навечно имена отважных, независимо от того, кем стали их сыновья и внуки. Но — зачем лукавить?— родителей знаменитого писателя или художника мы знаем куда лучше, чем родителей безвестного хлебопашца. И когда я об этом думаю, меня неотступно преследует мысль: лучшая память о родителях — достойные дети.

Память, как это ни покажется парадоксальным,— свойство, присущее не каждому человеку. Только Человеку с большой буквы. Настоящему человеку. Настоящему в широком смысле этого слова — честному, доброму, смелому, умному. Хорошему человеку. Кое-кто, может, и улыбнется и осудит меня за такое внесоциальное, расплывчатое определение — хороший, настоящий человек. Но уж зато оно исключает всякую однобокость. Настоящий человек — это целый мир. Настоящий человек не отречется от своего прошлого, от истории своего отечества, не отречется от своих родителей и дедов.

Дети Андрея Прокофьевича Прокофьева бережно хранили и хранят память о своем отце.

А вот свидетельство дочери Андрея Прокофьевича Клавдии:

«Наш дом стоял в небольшом переулке, который в шутку называли «лягушатником». Назвали так, может быть, потому, что за нашими огородами тянулось большое болото — «ляга», где действительно было очень много лягушек, которых мы, девочки, ужасно боялись. А может быть, потому, что в нашем переулке собиралось так много ребятишек из соседних домов, что улица представлялась кричащим лягушатником. В нашей семье росло восьмеро детей... Зимой снег заметал до самых окон наш двор и переулок, и только узкие тропинки от двора ко двору и до колодца расчерчивали это белое снежное покрывало.

На доске, которая была прикреплена к углу нашего дома, было написано «А. Прокофь-

ев» и была нарисована лестница. В случае пожара мы должны были бежать на пожар и нести с собой лестницу, а соседи — каждый брал то, что было указано у них на адресной доске.

Названий улиц в селе не было. Говорили только, что тот-то живет «на Старой канаве», тот — «на Новой канаве».

В памяти всплывают картинки детства. Вот возвратились с фронта отец, брат. Отец полон решимости до конца бороться за установление Советской власти на селе. Он идет работать в милицию, чтобы не дать возможности подкулачникам, бандитам и всяким проходимцам вредить власти рабочих и крестьян. По стопам отца, который был мужественным, стойким, принципиальным коммунистом, беспощадным к врагам, пошел и Саша. Он уехал в Петроград и работал в ОГПУ».

«До свиданья, домик надканавный, песельная прорубь, вышитый кисет...»

III

— Формы у нас пока никакой нет,— сказал Прокофьеву начальник Новоладожской уездной милиции. И усмехнулся, оглядев нового милиционера веселыми глазами: — Да тебя и без формы жулики бояться будут. Как пошевелишь усами... Сразу видать — начальство. Получишь сейчас паек... На первый раз полностью. А там уж как придется. Со снабжением плохо. Больше на свои руки рассчитывай.

— Да уж и то верно...— Прокофьев потрогал усы.— На бога надейся, а сам не плошай. Прокормимся.

— Сколько у тебя едоков в доме?

— Семь ребятишек.

— Семь!— Начальник милиции удивленно покрутил головой.— Ай да Прокофьев! Как же ты их выкормил? Рыбьим жиром, небось?

— И жиром тоже,— согласился Андрей Прокофьевич.— Да больше картофельной тюрей. Один-то уже воюет под Питером. Александр. Большевик. И Василий, второй сын, подрос. По дому первый помощник. В озеро вместе ходим.— Он озорно улыбнулся.— И еще будут!

— Ну что же, Прокофьев.— Начальник поднялся из-за стола. Встал и Андрей Прокофьевич.— Волость у тебя большая, дадим, уж так и быть, лошадь. Береги пуще себя! Лошадей у нас в уезде нет. Месяц назад последних з конницу забрали. А тебе дадим. Стереги порядок. И запомни главное: людей в обиду никому не давай и сам не обижай.— Он протянул Прокофьеву руку, ободряюще улыбнулся.

На милицейской конюшне хмурый завхоз вывел из стойла гнедого конька, погладил по шее. Конек мотнул головой и тихо заржал. Завхоз вынул из кармана ватника корку хлеба, положил на ладонь. Лошадь осторожно взяла ее теплыми, мягкими губами.

— Шурка!— ласково сказал завхоз и надел на лошадь уздечку.— Ты коня не испорть,— грустно попросил он. И Андрей Прокофьевич понял, что ему жаль расставаться с Шуркой.— А то начнешь на нем зарабатывать, пахать всем и каждому.

— Не горюй, интендант! Я ведь не только артиллерист, но и конник хоть куда.— Андрей Прокофьевич взял из рук завхоза повод.— И дома у меня животину любят. Подружимся с твоим Шуркой.— Он вздохнул.— Вот только с овсом тяжело.

— Овса будем давать. Ты запрягай в бричку да подкати к нашему амбару. Я тебе и сейчас два мешка отсыплю...

Милиционеру Прокофьеву досталось в ведение больше тридцати сел и деревень. Кроме Кобоны, Низово, Выстав, Лаврово, Бор... Многие деревни по берегу Ладоги. А некоторые затерялись в лесах. Весной и осенью к ним и не подобраться. Болота, разливы рек. Бездорожье. От самой Кобоны до ближайшей станции Войбокала — восемнадцать километров. И рядом граница. Противоположный берег Ладоги, да и остров Валаам — Финляндия.

Вернувшись из Новой Ладоги в Кобону, Прокофьев зашел к председателю волисполкома Федору Александровичу Полякову. Рассказал о том, как принимал присягу, о положении в уезде. О волне грабежей и мелких краж у граждан. О том, что у людей на руках оказалось много оружия — палят почем зря.

— Ну что ж, Андрей Прокофьевич,— сказал председатель.— Будем вместе порядок наводить. Мне вот тоже бумагу из уезда прислали. По вашей части.— Он достал из стола большой конверт, подал Прокофьеву.

Бумага адресовалась «всем председателям при волисполкомах».

«Предписывается Вам строго наблюдать за деятельностью милиции во вверенной вам волости, установить среди милиционеров строгую дисциплину и отнюдь не допускать разгильдействования (халатного отношения ко службе), не допускать грубого отношения к гражданам, не позволять заниматься не желательными поступками, как-то: игра в карты, пьянство и т. п. О всех не желательных эксцессах доносить срочно мне на предмет улучшения постановки дела со стороны начальника милиции.

Начальник милиции Богданов, делопроизводитель Бергман».

Прокофьев дочитал, молча спрятал в конверт. Отдал Полякову.

— Ну что,— поинтересовался тот.— Серьезная бумага?

— По делу — правильно. А писал безграмотный человек.

— Ну-ну, ты не очень-то! Тоже мне, грамотей! Я вот только про эксцессы не понял. Что это за штуковина? Не знаешь?

— Знать не знаю, а догадываюсь. Раз нежелательные — значит, какая-нибудь бузa. Был бы мой Сашка — враз объяснил бы.

Они еще посидели, потолковали о том, рано ли станет озеро в эту зиму и где лучше брать жирного кадета [1] — двигать ли к Олонцу или попробовать подальше, у Сторожна. И не замучает ли рыбаков, как в прошлом году, пронзительный сиверик [2].

— Дежурство мы в сельсовете наладили. Коли тебе пакет в уезд послать потребуется или сообщение срочное, сразу отправим нарочного,— предупредил Федор Александрович.

В те годы каждый житель должен был неделю в году отдежурить при сельсовете. Этих людей и посылали при надобности в Новую Ладогу нарочными. Арестованных и задержанных содержали в волостном управлении. Там для них была выделена специальная комната.

IV

«Основная анкета члена милиции № 179.
Фамилия: Прокофьев.
Имя: Андрей.
Отчество: Прокофьевич.
Год рождения: 1873.
Национальность: русский.
Должность: старший милиционер Кобонской волости.
Семейное положение: женат, членов семьи 8 человек.
Образование: сельская школа.
Профессия: крестьянин-хлебопашец.
Состояние здоровья: здоров.
Партийность: в РКП с 1918 года.
Умеет ли владеть оружием и каким: хорошо винтовкой.
Военная служба: действительная служба в старой армии, фельдфебель.
Военное образование: уездная команда.
Время вступления в милицию: поступил в ряды милиции в 1918 г.
Характеристика и заключение: соответствует званию милиционера.
Отношение к нему местных граждан: «отношение местных граждан со вниманием».
Отношение к местным гражданам: «отношение ко всему правильное, без всяких попустительств».
Характер при выполнении долга службы, умелость подхода к гражданину: «исполнительный. Имеет подход».
Местный, малоземельный, малохозяйственный. Нуждается в продуктах питания. Имеет жену и 8 детей.
Мнение о нем руководства: *«желательно иметь побольше таких милиционеров»*. (Курсив мой.— **С. В.**)

Желтый исписанный каллиграфическим почерком листок. Два десятка коротких фраз... И за ними — почти полвека жизни.

[1] Кадет — местное название крупного сига.
[2] Сиверик — северный ветер.

В старeньком деревянном домике Новоладожской милиции было необычно шумно. В коридоре, на грязноватой, заплеванной лестнице толпились, оживленно переговариваясь, попыхивая цигарками, пощелкивая семечки, уездные милиционеры. Серый цвет шинелей выдавал недавних солдат, возвратившихся с гражданской войны. В черных коротких полушубках щеголяли мужики позажиточнее, работники уездной милиции.

Андрей Прокофьевич протиснулся к огромному объявлению, вывешенному на стене. Обстоятельно изучил его.

«17 декабря 1920 года. Общее собрание милиционеров Новоладожской уездно-городской Советской рабоче-крестьянской милиции».

Прокофьев удивленно покрутил головой. В порядке дня восемь вопросов! «Доклад текущего Политического момента; Доклад с губернской конференции милиции; Доклады с мест; Доклад о получении и распределении продуктов; Поднятие товарищеской дисциплины милиционеров и инструктирование по борьбе с уголовными преступниками, спекуляцией и дезертирством».

«Грамотеи,— усмехнулся Прокофьев.— С преступниками борются, а слово правильно написать не научились». Он вытащил из брезентовой сумки карандаш, послюнил химический грифель и исправил «и» на «е» в слове «преступники».

Три последних вопроса в повестке были о текущих делах — организация духового оркестра при милиции, выборы в контрольную хозяйственную комиссию и литературную коллегию, текущие дела.

— Вот тебя мы и выберем в литературную коллегию,— толкнул Прокофьева плечом высокий, худой — кожа да кости — милиционер Хованский с четвертого участка.— Будешь стенгазету да плакаты разрисовывать.

— Мне еще этой печали не хватает!— проворчал Прокофьев, пожимая костистую ладонь Хованского.

— Какие твои печали!— усмехнулся Хованский.— Сашку своего в Петрограде пристроил, Василий — в волисполкоме. Тоже вроде бы начальство.

— А пятеро в Кобоне ждут, глаза проглядели, когда батя свой милицейский паек принесет. А паек у нас, кажись, только впригляду, раз на собрании о нем погуторят да еще три раза пообещают.

— Дадут, я слыхал, паек,— тихо сказал Хованский.— Мне начпрод шепнул. Да тебе-то что! Вы, кобонские, мужики зажиточные. Каждый день, небось, уху сиговую едите.

Прокофьев улыбнулся.

— Ершишков до масленой хватит. А из своей муки на Николу последний пирог испекли.

— С сигом?— заинтересованно спросил Хованский.

— Я те про Фому, а ты мне все про Ерему. Дались тебе сиги. С ним пирог был, с ним. С кадетом. Как вспомню, у самого слюни текут. Теперь вот на озере лед окрепнет, может, и повезет. Да только за ним, за лешим, к Олонке надо двигать. Язык высунешь.

— Зато потом проглотишь,— не унимался Хованский и вдруг спросил: — Андрей, а это не твой Сашка в «Новоладожской коммуне» стишки тискает?

— Мой,— улыбнулся Прокофьев.

— Ловко он про Деникина завернул.— Хованский прочел нараспев:

Братцы, мне ль не стало веры —
У Деникина в войсках
Сыты только офицеры,
А солдаты без куска.

— И про попа я запомнил,— продолжал Хованский:

Поп, бывало, в поминальные деньки
Брал в мешок себе баранки, крендельки.
Перед пасхой же — сметану и творог,
А в престольный кушал водку и пирог...

Прокофьев вздохнул и нахмурился.

— Может, и зря Сашок про Ивана Тимонина. Приходил он к моей Аннушке. Жаловался. «Что же это ваш сын — отрок Александр? Я ему ничего плохого не желаю, учил его в школе закону божьему, а он так ославил меня на весь мир?»

Хованский хотел что-то сказать, но в это время мордатый агент из уездного управления — Прокофьев не знал его фамилии — пошел по коридору, гремя большим колокольцем.

— Товарищи милиционеры! В зал! Начинаем собрание.

Андрей Прокофьевич вспомнил учительскую семинарию в Сан-Галли на Петровском острове, где он бывал у старшего сына. Дожидался переменки, а по коридорам ходил с таким же колокольцем большой бородатый дядька, возвещая о конце урока и потом созывая учеников с перемены в классы.

Председателем собрания единогласно избрали начальника милиции Василия Степановича Мельникова, товарищем председателя — Смирнова, управленца из новеньких.

О текущем политическом моменте докладывал сам Василий Степанович.

Прокофьев сидел у окна и время от времени украдкой, чтобы не заметили в президиуме, взглядывал в окно. На улице гуляла снежная заверть. Редкие прохожие шли горбясь, подняв воротники. Через несколько минут метель напрочь заметала следы.

«Как я буду добираться?» — подумал Прокофьев. Но тут же отогнал эту мысль. «Ежели паек выдадут, надо обязательно домой двигать. Небось, радости будет».

— Андрей! — вывел Прокофьева из задумчивости сидевший рядом Хованский.— Что за дядька в президиуме? Рядом с Мельниковым.

Прокофьев отвел взгляд от окна, посмотрел в сторону президиума. Там в первом ряду сидел немолодой, хмурый мужчина в хорошем сером костюме.

— Наверное, из Питера кто-то,— шепнул он Хованскому.— А может, из Волхова...

— С Волхова я всех знаю...

В это время Мельников закончил свой доклад и, переждав аплодисменты, сказал:

— А сейчас, товарищи милиционеры, с важным сообщением выступит представитель губчека.

Хмурый мужчина встал и быстро пошел к трибуне, на ходу доставая из кармана толстый блокнот. Мельников добавил:

— Прошу отнестись особо внимательно. И чтоб без лишней болтовни. Ни женам, ни сватьям!

Прокофьеву понравилось, что гость из Петрограда не стал рассусоливать, говорить общие фразы.

— Товарищи, обстановка в стране тяжелая.— Он обвел зал внимательными, немигающими глазами, словно хотел удостовериться, действительно ли все знают об этом.— В некоторых губерниях подняло голову кулачье. Самое тревожное положение на Тамбовщине. Подстрекаемые кулаками крестьяне отказались сдавать хлеб по продразверстке и подняли восстание.

В зале зашумели. Уполномоченный подождал, пока шум стих.

— Руководит восстанием авантюрист Антонов. Служил у Временного правительства милиционером, теперь — бандит бандитом. Правая рука у него — уголовник по прозвищу «Васька-Карась». Горько, товарищи, но крестьяне пошли за этими врагами Советской власти, поддерживают лозунги «Да здравствует свободная торговля», «Советы без большевиков». Эсеры создают в губернии «Союзы трудового крестьянства», которые участвуют в восстании. Товарищ Ленин назвал все эти выступления мелкобуржуазной анархической стихией, с которой немедленно надо покончить!

В зале зааплодировали. Кто-то из задних рядов крикнул:

— Сволочи!

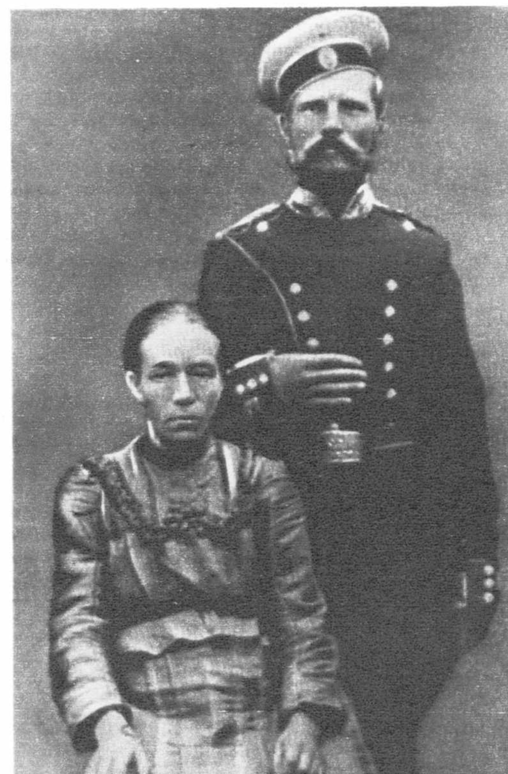
Мельников взял со стола колокольчик и резко тряхнул им.

Уполномоченный рассказал милиционерам о мятеже в Нарыне, о действиях белогвардейской банды в Верном, о том, что из Бухары бежал эмир и там создана Бухарская народная советская республика...

— Внутренняя контра еще сильна. Враги будут поднимать головы, пока карающий меч не снесет их напрочь. У нас в Петрограде уже было несколько попыток поджечь продовольственные склады в Нарвском районе, попытка диверсии на железной дороге. Хочу предупредить вас: от контрреволюции сейчас можно ждать всего. Прошлогодние процессы не всех эсеров уму-разуму научили. В чека есть данные, что целый ряд террористов будет пытаться проникнуть к нам через границу...— Он понизил голос, и в зале воцарилась тишина. Слышно было, как за несколько рядов от того места, где сидел Прокофьев, тяжело дышал один из милиционеров — не то астматик, не то больной бронхитом.— С какой стороны пойдут? Этого мы не знаем. Скорее всего со стороны Финляндии или Польши. Будут искать встреч с теми, кто еще сидит в подполье. Будут искать подлинные документы, оружие. Много через границу-то не протащишь...

Уполномоченному губчека долго и громко хлопали. Он, наконец, впервые за все собрание улыбнулся и сказал негромко:

— Я вижу, товарищи милиционеры, вы правильно оценили значение момента. Теперь осталось это доказать на деле.

Анна Степановна и Андрей Прокофьевич Прокофьевы.

— Докажем! — крикнул кто-то из задних рядов. Прокофьеву показался знакомым густой басок. Он оглянулся и увидел широкое, улыбающееся лицо Сашки Александрова, старшего милиционера. «Ну, этот-то докажет! — с неодобрением подумал Прокофьев.— Отсидел уже в домзаке за пьянку и неподчинение приказам. Да, видать, и не в последний раз».

Доклад о получении и распределении продуктов был коротким — счетовод управления Григорьев доложил, что за декабрь выдадут воблы и хлеба по полтора фунта.

В зале загудели. Григорьев виновато посмотрел на председателя. Василий Степанович постучал оранжевой вставочкой по пустому графину.

— Товарищи милиционеры! Прошу соблюдать...

— Сахару уже третий месяц не выдавали,— громко сказал Хованский.

— Хлеб дадим,— повысил голос Григорьев.— Остальные продукты по возможности. Нам Питер со дня на день обещает.— В зале опять загудели.

Мельников встал, кивнул счетоводу:

— Ты, Григорьев, садись.— И, помолчав несколько секунд, сказал: — Такое дело, товарищи милиционеры... Доклад о положении в республике вы слышали. В Питере и того не получают. А мы с вами на земле сидим, наделы имеем. И озеро под боком. Надо перебиться. Положение у всех нелегкое.— Он обвел глазами сидящих в зале.

— Ну, конечно, все сами, все сами,— тихо сказал Прокофьев.— Сплошная самодельщина, только денег сами не куем.

Хованский хихикнул.

— И обмундирование у нас имеют не все милиционеры,— продолжал Мельников.— Шинелишки фронтовые донашиваем. Лошадей — четырнадцать на весь уезд. А милиционеров — сто двадцать девять. Вот вам и вся арифметика. Степан Телепов из Паши докладную мне написал — по двадцать пять верст в день пешком ходит. Летом еще ничего, а сейчас? Сами знаете! В Пролетарской волости лошадь пришлось забить — старая совсем, да и овса нету. После собрания конинки вам подбросим. И с оружием не густо. У нас в Новой Ладоге в угро тридцать девять берданок да шесть револьверов. Когда начинали — и того не было.

— Тридцать одна шашка в наличии,— подсказал Григорьев.

— Да, с шашками порядок,— усмехнулся Мельников.— Лучину есть чем щипать.

В зале засмеялись.

— Нелегко, товарищи, я понимаю. Вот и помещения подходящего для уголовного розыска не сыскать было. Смешно сказать — один письменный стол на всех агентов. За ним сразу и обвиняемого допрашивать надо и свидетелей и протокол составлять... Но хочу и на другое обратить ваше внимание. Как бы ни было трудно — дисциплину будем спрашивать! Поблажек не ждите. Никакого разгильдяйства мы не потерпим. За халатное отношение к службе, за грубость с гражданами наказывали и будем наказывать. И за пьянство и за карты тоже. Вы уже, небось, наслышаны — младший милиционер Пашской волости Степан Телепов за невыполнение моего приказа две недели отсидел в Новоладожском исправительном доме...

— Теперь и по тридцать верст пехом будет бегать,— тихо сказал сидевший в президиуме начальник уголовного розыска Сергеев. Но его реплику услышали в зале, засмеялись, отыскивая бедолагу Телепова. Он сидел набычившись в последнем ряду.

По выступлению Мельникова приняли короткую резолюцию:

«Поднять среди товарищей милиционеров товарищескую дисциплину».

Проголосовали единогласно.

...Короткий протокол собрания сохранил до наших дней и другие записи: «По текущим вопросам выступил Сергеев, который обрисовал как боевой, так и трудовой фронт. Собрание постановило основное внимание обратить на транспорт. Пусть помнят все, что мы красные милиционеры не дадим пощады тому, кто увертывается, бежит с трудового фронта».

В одну строку уместилось решение об оркестре: «Организовать таковой. Выделить из 20 волостей 7 товарищей».

Неожиданно этот второстепенный вопрос вызвал много споров и смеха. Перебивая друг друга, милиционеры выкрикивали тех, кто был поголосистей или имел гармонь. Сразу несколько человек назвали Прокофьева.

— Певец! Баритон знатный!

— Коль в Кобоне запоет — в Олонке слыхать!

— Да что вы, мужики! — Открещивался Андрей Прокофьевич.— Я инструмент ни разу в руках не держал.

— Тебе в самый раз!

— Да вы что! — возмутился Мельников.— Как он из Кобоны на репетиции ездить будет? Пускай у себя на озере поет, рыбу заманивает.

Кончилось тем, что оставили в оркестре новоладожских да тех, кто живет поближе.

Наверное, затея с оркестром так и лопнула. Потому что через три с небольшим года заместитель начальника административного отдела и начальник службы милиции Травин писал начальнику отдела милиции Волховстроя: «В связи с убийством милиционера Кобонской волости Прокофьева Андрея Прокофьевича ввиду того, что необходимо произвести торжественные похороны как погибшего при исполнении своего долга, предлагаю вам договориться с оркестром Волховстроя».

Продолжение следует.

КОМПОЗИТОР ПЫЛКИЙ, НЕИСТОВЫЙ

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Сезон 1965 года... Большой театр Союза ССР закрывает сезон премьерой балета Игоря Стравинского «Весна священная»...

Талантливые балетмейстеры Н. Касаткина и В. Василев пошли на риск, обратившись к одной из самых трудных, даже загадочных партитур композитора, которую театры долго обходили вниманием. Впрочем, можно догадываться, что тут отпугивало: жесткая обобщенность, подчеркнутая сила музыки Стравинского, для которой найти равноценную хореографию нелегко... А может быть, опасались вступать в соревнование с первой постановкой балета легендарным В. Нижинским...

Трудно ответить на эти вопросы, но так или иначе «Весны священной» на советской сцене не было. Однако время пришло, мы получили возможность и увидеть балет и услышать прекрасную музыку Стравинского.

«...Однажды, когда я дописывал в Петербурге последние страницы «Жар-птицы»,— вспоминал композитор,— в воображении моем совершенно неожиданно, ибо думал я тогда совсем о другом, возникла картина священного языческого ритуала: мудрые старцы сидят в кругу и наблюдают предсмертный танец девушки, которую они приносят в жертву богу весны, чтобы снискать его благосклонность. Это стало темой «Весны священной».

Стравинский писал музыку с воодушевлением. В марте 1912 года в одном из писем он признавался: «Боже мой, какое счастье мне, когда я услышу это...»

Неистовая, буйная музыка, рассказывающая о языческой Руси, для хрестоматийного восприятия трудна и сейчас.

Новизна выразительных приемов, раскрепощенный ритм, новые краски в оркестровом звучании требуют понимания, будучи нестандартными. На первый взгляд они и небалетны. Но сам Стравинский после одной из репетиций писал Н. Рериху, делавшему декорации для балета: «Господи! Только бы Нижинский успел поставить «Весну», ведь это так сложно. Я по всему вижу, что эта вещь должна «выйти» как редко что!»

29 мая 1913 года в Париже состоялась премьера «Весны священной». И сразу же образовалось два лагеря: одни бранились и старались сорвать спектакль, другие с восторгом аплодировали. Возмущала не только хореография Нижинского, нарушавшая привычные каноны, но более всего новаторская музыка Стравинского. Пожалуй, лишь передовых представителей музыкального мира привлекали особые черты «Весны священной».

Стравинский неприятием его музыки был мало смущен. После скандала на премьере — какого парижане не видывали со времен такой же бурной премьеры «Эрнани» В. Гюго—Стравинский сказал: «Надо еще очень долго ждать, чтобы публика привыкла к нашему языку».

Но уже через год партитура «Весны» была исполнена в концерте под управлением П. Монтё (он дирижировал и балетом) и с блеском «восстановила» репутацию Стравинского. Уверенность композитора в значительности того, что он сделал, оправдалась полностью... Нынче «Весна священная» идет на многих сценах мира, в том числе и в Советском Союзе. Но и в нашей стране в роли создателя новой музыки Стравинский выступил не сразу, хотя ко времени постановки «Весны» он был уже известным композитором, автором многих оркестровых произведений и вокальных пьес, а также двух прославивших его балетов — «Жар-птица» и «Петрушка»... Стремительный восход к славе начался участием в «Русских сезонах» С. П. Дягилева. Можно сказать, что Дягилев, неутомимый пропагандист русского искусства за рубежом, обладавший поразительной способностью угадывать яркие таланты, открыл миру Стравинского.

Свежим и новым показалось Дягилеву дарование молодого, никому еще неизвестного композитора, чью фантазию для оркестра «Фейерверк» Дягилев услышал зимой 1908 года в популярных «Концертах Зилотти». У музыкантов и у публики «Фейерверк» успеха не имел,— их эта музыка шокировала. Дягилев же, как и балетмейстер-новатор М. Фокин, искавший музыку для задуманного им балета «Жар-птица», увлекся «Фейерверком». «Музыка эта горит, пылает, бросает искрами»,— восхитился Фокин. И вопрос о том, кто будет писать музыку к «Жар-птице», был решен. Конечно, только Стравинский.

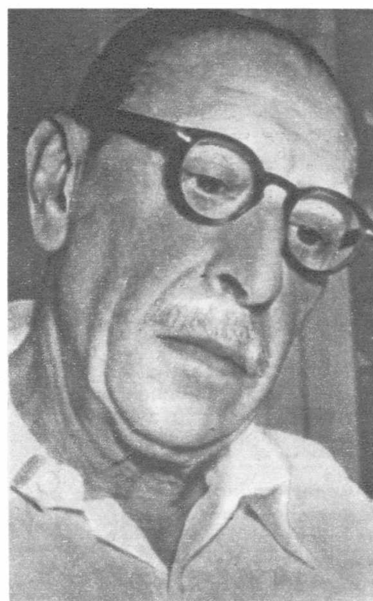
Как же пригодились Стравинскому уроки с Н. А. Римским-Корсаковым,— не напрасно его великий учитель несколько лет занимался с ним инструментовкой классической музыки!

Стравинский получил от Дягилева заказ на «Жар-птицу» в ту пору, когда писать балетную музыку было, по мнению иных, недостойно серьезного композитора... Правда, сочинения Чайковского и Глазунова, которые принимались завсегдатаями балетных премьер как «слишком симфонические» для балета, все-таки изменили отношение музыкантов к этому якобы второсортному искусству. К тому же и сам Стравинский был восхищен балетными реформами Фокина. Блестящие фокинские постановки «Половецких плясок» и «Карнавала» на музыку Шумана, восхитив Стравинского, побудили его с увлечением приняться за свой первый балет — «Жар-птицу», ставшую центральным событием «Русского сезона» 1910 года в Париже.

Музыка «Жар-птицы» поражала и увлекала воображение яркой, по выражению Б. Асафьева, почти «византийской» красочностью.

Стравинский по-новому подошел к русской теме в балете, разработав талантливо и оригинально фольклорные мотивы. Русская мелодия в теме Ивана-Царевича, гротескное решение темы Кащеевой свиты, колыбельная Жар-птицы и особенно Поганый пляс Кащеева царства, спаянный безудержным порывом,— не могли оставить зрителей равнодушными. «Какой-то вихрь безграничного разгула»,— так описывал Поганый пляс композитор Н. Мясковский. Он назвал музыку прекрасной. Парижане, потрясенные высоким слиянием музыки и хореографии, устроили овацию на премьере.

Следующий же балет Стравинского, «Петрушка», затмил все премьеры третьего «Русского сезона». И сразу выдвинул композитора в первый ряд мастеров, создателей современной мировой музыки.

Восхищаясь «Петрушкой», Фокин писал: «Цельный образ создается в воображении. Какое наслаждение тем, что так метко выражен характер».

Трудно лучше Фокина оценить музыку «Петрушки». И как удивительно созвучно перекликается это высказывание Фокина о музыке Стравинского со строками В. Брюсова:

Он не искал — минутно позабавить,
Напевами утешить и пленить...

Стравинский никогда не был «утешителем» в музыке. «Петрушка» говорил людям о страдании, о трагедии «маленького человека», открывал дорогу дальнейшим поискам русского балета в области психологического реализма. Недаром же В. И. Немирович-Данченко, посмотрев генеральную репетицию «Петрушки», взволнованно написал: «Прошел балет. И взгрустнулось мне. Отстал я. Отстали мы. По-моему, так: с нервом, смело, с талантом».

Значительная часть музыки Стравинского, пленяющей и нервом и талантом, тесно связана с театральным искусством, но она имеет и самостоятельную ценность. Балетные партитуры всегда охотно включали в программу концертов самые прославленные дирижеры и исполнители. Но еще охотнее ставили его балеты на сцене хореографы; например, только Дж. Баланчин поставил около тридцати балетов Стравинского. Американский хореограф часто использовал для балетов музыку, которую композитор даже не предназначал для этого. Так были осуществлены «Поцелуй феи», «Игра в карты», «Концертные танцы», «Орфей», «Агон», «Пульчинелла», «Каприччио», «Концерт для скрипки»...

Покинув Россию в 1913 году, Стравинский нерушимо сохранил основные черты, свидетельствующие о связях его творчества с русской музыкальной культурой. Он был и остался глубоко национальным композитором, несмотря на известные противоречия в его творчестве, несмотря на то, что музыкант до 1939 года прожил во Франции, а потом, до конца жизни, в Америке.

Любовь к русской музыке передал ему отец, который был певцом Мариинской оперы. Человек высокой культуры, Федор Игнатьевич Стравинский никогда не искал покровительства у дирекции императорских театров и в силу этого получил известность меньшую, чем заслуживал. Зато высокую оценку исполнительского искусства Ф. И. Стравинского давали Бородин и Римский-Корсаков; хорошо отзывалась о нем Л. Шестакова, сестра Глинки...

Поистине если человек талантлив, то он талантлив во всем. Стравинский блестяще владел фортепьяно; он выступал как пианист в концертах с прославленными дирижерами—Клемпером, Тосканини. Позже он начал работать — и тоже с успехом — в качестве дирижера, исполняя с оркестрами разных стран свои произведения и партитуры других музыкантов.

Выступая порой первооткрывателем целых областей музыкальной выразительности, Стравинский иногда резко и неожиданно менял «художественный курс». Будучи приверженцем русского академизма, он отдал дань импрессионизму; он увлекался неоклассицизмом; в конце жизни пробовал себя даже в додекафонии—одном из модернистских течений — и сочинил в этой манере балет «Агон». Поэтому представляются необозримыми широта, разнообразие его увлечений и его интересов. Он не только писал музыку, порой самую неожиданную, но еще и читал лекции в университете; он написал книгу «Хроника моей жизни», со страниц которой перед читателями предстает образ человека высокой культуры, подлинного интеллигента, стоявшего в центре мировой музыкальной жизни. Книга приоткрывает внутренний мир Стравинского, которого многие поверхностные наблюдатели считали холодным, даже высокомерным. А он был прост и сдержан, очень раним.

У СВЯТОГО

Олег ШЕСТИНСКИЙ

* * *

Умирают от голода в Ольстере.
Умирать от голода просто ли?

Помню я умиравших в блокаду,
в ледяных и разбитых домах,
но свидетельствую, что пощаду
у врагов не просили и в снах.

Мои братья, ирландские парни,
в час, когда суждено умереть,
долетит из тюремной пекарни
аромат в вашу горькую клеть.

Но, возвышены дивною силой,
умираете с сомкнутым ртом,
чтоб гордиться Ирландии милой
вами в горе и плаче своем.

Джентльмены с их лондонским
лоском
чужды вам,
но навеки родня
те, кто в братских
на Пискаревском
у святого, как совесть, огня.

НА РОДИНЕ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Наш старший товарищ, Валерий,
Сергея Орлова годок,
как боль, ощущая потери,
представить эпоху помог.

Он в парке с улыбкой печальной
поведал, как грозной порой
покинули круг танцевальный
ребята второй мировой.

...Настил деревянного круга
раскатан, как теста кусок...
Мне слышится эхо от стука
былых босоножек, сапог;

в ушах моих — звон без умолку
от труб, как от южных цикад,
там платья из чистого шелка
несли молодой аромат.

Над кругом стоял, как над
сказкой,
над жизнью ушедшей молчал,
и пруд с изумрудною ряской,
кувшинками желто мигал.

От парка ведь
с песнею громкой
товарищ в назначенный час
с винтовкой, с походной котомкой
шагнул в привокзальную грязь.

...Здесь
снова смеялись и пели,
давили в зубах карамель,
машины музыки хрипели,
крутилась, свистя, карусель.

А старшее поколенье
сомкнуло ряды, отошло...
Погибшим —
в высоком свеченье
взирать на добро и на зло;

и верить им так, как в начале,
что поиск их, думы и рок
все ж сутью своей означали
всеобщего счастья пролог.

ОТЛЕТ ЖУРАВЛЕЙ

А клин отдыхал на болотах
средь ягод, лягух, у стожка...
А небом в нелегких заботах
кружили всё
два вожака.

Кружили и зорко глядели
не просто себе под крыло,
но вдаль, где ветрами гудели
леса, облетая светло.

Они выбирали дорогу
себе и для братьев своих,
не веря ни богу, ни року,
ни ласкам дождей затяжных.

И знали: по древним законам,
коль выбор ошибочен их,—
то клювом самцы разъяренно
пронзят их на гребнях глухих.

И медленно, но величаво,
самоутверждая себя,
над желтой травою,
над ржавой
березовой рощей, трубя,
они повели свою стаю
за тысячи гор и морей...
Мой друг, я себя упрекаю,
что не побежали за ней
по кочкам — от пыльного тракта,
по топи — от жарких шоссе,
по сказке — от голого факта
и после опять по росе...

Ведь это возможность какая!
Бежать через рощу и луг
и вдруг замереть, прозревая,
и крылья почувствовать вдруг!

* * *

Встретились со старухой.
В глазах
странный отблеск порой
загорался,—
то ли боль, то ли страсть,
то ли страх...
Сразу я и не разобрался.

С нею встретился я у лотка
в первый раз. Там встречался
и позже.
Она купит бутыль молока,
сухари, маргарин или дрожжи...

Я узнал:
у нее мать с отцом,
обвязав по указке фашистов,
облили керосином... Потом
подожгли...
Ах, как вопль был неистов!

И эсэсовец выплюнул:
— Гут! —
обратясь к поседевшим
крестьянам.—
Помните, что мучения ждут
всех, кто станет служить
партизанам.

Как жила? Да, как все, и жила,
С мужем маялась, дочь
поднимала,
прожигала слезами дотла
себе душу, когда вспоминала.

Даже в восьмидесятых годах,
никакой не подвержен остуде,
отблеск смерти в поблекших
глазах...
И об этом вы думайте, люди.

* * *

Зачем не дружил я с собакой?
Точнее — собак не держал?
Вот так получилось...
Однако
себя мне поэтому жаль.

Как ластился б пес крепконогий,
как верно бросался на грудь,
когда б я, устав от дороги,
домой приходил отдохнуть!

И в чаще, где вой оголтелый
волков, где не видно ни зги,
я б чувствовал теплое тело
собаки у правой ноги.

И славно в минуты покоя,
предвидя отрадную весть,
я б гладил счастливой рукою
товарища крупную шерсть.

И в дни, когда б мне изменяли
любимые или друзья,
сам пес подходил бы в печали,
глаза осторожно скося;

и, мордой уткнувшись в колени,
людей понимая,
урчал...
Я б обнял его в то мгновенье,
всю правду ему рассказал.

И мне это было б так нужно:
знать твердо и знать наперед,
что есть настоящая дружба
и друг, что не предает.

* * *

Сокрытые в пасмурной дымке,
от злобы хватив через край,
творят и творят анонимки:
завистник, подлец, негодяй.

Они мне напоминают
жесткосердечных ловцов,
что алчно силки расставляют
для птиц среди ясных лугов.

Черт с ними! Печально, однако,
что трутень елозит в тиши
над гордой и белой бумагой,
кровоточащей от лжи.

* * *

Труд всегда был для меня
в охоту,
никогда не жил, себя тая.
— Слава богу, что послал
работу! —
говорила бабушка моя.
И от этих слов, таких обычных,
и от этих слов, таких простых,
мне везло в моих свершеньях
личных
и в моих поступках деловых.

Бабушка с житейского пригорка,
следуя не чувству, а уму,
в сонме троп выглядывала зорко
путь-дорогу внуку своему —

чтоб была не мягкою, а валкой,
чтоб не кашкой шла, а сквозь
репье,
чтоб себя чуть-чуть мне было
жалко,
но чтоб честно имя нес свое.

* * *

Суровым со мной был отец
и, может быть, несправедливым,
не знали мы
лада сердец,
не вняли взаимным порывам.

Но все-таки, думаю, впрок
была мне такая планида,
жестокого детства урок,
печального детства обида.

Иначе бы склонность к добру,
душевную склонность к участью
воспринял бы я как игру,
не верил бы чуду и счастью.

Добро я пытался понять,
суть вызнав его не по слухам...
Не знал лишь,
как плакала мать,
когда закалялся я духом.

* * *

Н. Ш.

Нет, нам не время подводить
итоги,
но мы с тобой уже за той чертой,
где царствуют высокие тревоги
и к вечности склоняется покой.

И, ощущая жизнь уже
без блеска,
пронзенный пониманием любви,
я лишь молю, прерывисто
и резко:
— Живи, живи... Меня переживи!..

* * *

Все равно — не сегодня, так
завтра
подлеца, совершившего зло,
человеческий круг будет замкнут
неподкупной расплатой светло.

Как же он ликовал, потирая
руки, жалким довольством дыша,

ОГНЯ

как сияла от края до края
погруженная в дрязги душа!

Отвисала тяжелая челюсть,
разевалась широкая пасть,
ударял он словами, не целясь,
чтоб тебе, покачнувшись, упасть.

Но уже в это злое мгновенье
жизнь, ее справедливая суть,
замышляла святое отмщенье,
направляла отмщение в путь,—

не лукавое, не покупное,
не таящее мелкую месть,
но отмщенье, как правда, простое,
но отмщенье, как воля и честь.

С детских сказок мы зло
побеждали,
выгоняли его за порог...
В этом высшая сила морали
и гармонии нашей исток.

РОМАНС

Не говори, что любовь умерла,—
просто бредет она дикою чащей,
просто от ягод становится слаще,
неопалимо-светла.

Не говори, что любовь на ущерб
движется, движется жизнью
самою.
Ты погляди, как полуночный серп
вновь возрождается полной
луною.

Не говори мне, что нету любви,
ибо немыслимы станут на свете
розы, улыбки и соловьи,
розовощекие дети.

ПОКУПКА ОВЕЧЬЕГО СЫРА

Сыра отвесная стена в выбоинах,
словно в ласточкиных гнездах,
слезы текут по щекам щербатым
его,
пахнет он прелью весенней,
полынью, простором овечьим.
Кончиком языка сыра касается
Георгий.
О, как напрягается сыроторговец,
как брови его изогнулись,
как потупились очи в ожидании
приговора.
Георгий медлителен —
так выбирают невест
в имеретинских селеньях.
Думает Георгий, размышляет,
разочаровался,
но вот он снова духом воспрянул!
Тонко его увлажнился зрачок,
и едва уловимо кивает
он головой.
Сыроторговец блещущий нож
молниеносно вздымает,
вонзает
в ложбинку, окольцевавшую сыр,
словно в ложбинку,
разделившую женские груди.
Брызнули слезы овечьего сыра...
Словно весенний матовый месяц,
сыра ломоть протянул мне
Георгий усталый...
Грузии древние ароматы
мне в душу влетают,
как птицы в скалистые гнезда.

ПАМЯТЬ

I.

Уже не отдельные лица,
но в грозном сверканье ума
в эпоху блокады
вглядится
история века сама.

Но в сонме причин и последствий,
храня независимый взгляд,
абзацем лишь скажет
о детстве
великих блокадных ребят,

о бывших свидетелях шквала
в начале страды и пути...
Их нынче осталось
так мало,
что цифру не произнести.

II.

Страшнее фашистского танка,
ворвавшегося с пальбой,
с буханками
спекулянтка,
растерзанная толпой.

И делать не стали секрета.
Сурово, открыто и зло
о том
сообщила газета
и радио донесло.

Мы, мальчики, зябко молчали,
расправой оглушены...
Так честности нас обучали.
Доныне страшны наши сны.

III.

После
пожара склада —
в нем сахар и мука,—
как плитка шоколада
земля на три вершка!

Мы ели землю эту,
как лакомый кусок!
Напоминал конфету
тот спекшийся песок.

И в нас рождалась сила —
той силы нет сильней.
Земля нам жизнь продлила
на восемь,
может,
дней.

IV.

Нам в райисполкоме
медали
вручили за те времена,
за то, что мы землю копали,
урок исполняли сполна.

И вот уже вьется капуста,
являя народу свой лик...
Прекрасней и выше искусства
я в жизни потом не достиг,

поскольку не просто народу
я в чем-то и как-то помог,
но лепту
в борьбе за свободу
я внес, как солдат, как мог.

МАРИЯ КОДРЯНУ
ДОМА И НА ЭСТРАДЕ

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Не случайно у Марии одна из любимых ее эстрадных песен — о материнстве... «Живешь небогато, если ребенка с собой не ведешь»...

На некоторые концерты Мария, если только это возможно, приводит с собою шестилетнюю Олю; дочка держится с достоинством, вполне самостоятельна, но все-таки дома одну лучше не оставлять, когда и мама и отец — оба на эстраде.

Оля и Мария очень похожи; хотя есть и отцовские черты; Александр Бирюков, руководитель ансамбля, где солирует Мария, на этом настаивает с чувством гордости,— уж очень девочка хороша. Живая и веселая, она во время первой нашей встречи нянчилась с крошечным ярко-желтым цыпленком, который, видимо, сразу посчитал Олю клушкой и бегал за ней по квартире с отчаянным писком. Потом он уже стал почти взрослой, степенной птицей, но разлучаться с Олей не желал; пришлось собирать и его в дорогу вместе с девочкой, уезжавшей на лето к бабушке в Трушены — родное село. Оно дорого Марии не только как место рождения: это еще и ее творческая альма-матер. Здесь Мария состоялась, сама того не зная, как артистка. Как человек искусства, по-настоящему народного...

Сегодня все заметнее становится вклад Молдавии в общий творческий фонд страны. При этом здесь особенно интересно, что нет людей похожих, одинаковых, стандартных: все разные; у каждого свой облик, своя манера; даже песни — и те непохожие, свои.

Песни, исполняемые Марией Кодряну, получены ею в дар от родителей; она пела вместе с ними уже в ту пору, когда начала помнить себя, так же как пятеро девочек, ее сестер. И это было самое счастливое для Марии, самое любимое пение, пусть без музыки, но стройное, многоголосое. Гораздо позже она узнала, что такое исполнение называется «а капелла». Но потом главным педагогом Марии стала, конечно, музыка; особенно увлекла скрипка — нежностью, душевностью...

Первый же ее школьный учитель — Ефрем Абрамович Вышкауцан — понял, что с Марией заниматься надо еще и отдельно. И когда гаммы на скрипке уж очень надоедали ей — девочке быстрой, энергичной, непоседливой,— он приказывал Марии петь гаммы и этюды, чтобы она изнутри, «голосом», их почувствовала. Но, конечно же, это скрипка подарила ей настойчивость и терпение, которые нужны призванию. Подарила мужество, упорство. И к другим своим учителям Мария пришла, уже многое зная и умея; ей было шестнадцать лет, когда она, окончив училище при Ленинградской консерватории, начала выступать с ансамблем «Дружба». Но если бы не встречи с Эдитой Пьехой, актрисой большой и серьезной, покорившей Марию изысканной культурой поведения на эстраде, всей манерой исполнения,— быть может, Кодряну в конце концов избрала бы скрипку. Но, покоренная пением Пьехи, ее удивительной задушевностью, Мария, работая в этом именно направлении, сумела найти и свой особый стиль. И начала совершенствоваться от концерта к концерту. Почти перестала пританцовывать и резвиться, когда поет. Обрела ту внутреннюю уверенность, свободу исполнения, которая, оказывается, вовсе и не нуждается во внешних украшательствах, а, напротив, требует сосредоточенности и самоотдачи; ждет таких же, как было это в Марином детстве, внутренних слез или внутреннего веселья.

Песня всегда давала семье Марии непритворное чувство счастья. От этого и сама песня становилась прекрасной и неповторимой — всегда особенной. Мария унаследовала вполне эту искренность, это доверие; они сразу же безобманно угадываются, ощущаются публикой.

— Молдавские песни все вообще поются сердцем,— так говорит Мария. И русские она выбирает для себя такие же, сердечные.

«Ямщик, не гони лошадей»... Кажется, тут совсем опереться не на что. Короткие простые строчки, всем знакомая мелодия. А в исполнении Кодряну она становится откровением, волнует до слез безысходностью, горючей тоской поломавшейся судьбы, любви, самой жизни... Мария в это время и сама тоскует, сама болеет, сама проживает всем своим артистическим существом эту чужую, а теперь уже ее собственную боль, эту тоску и беду...

Смотришь, видишь, слушаешь Марию. И понимаешь, что сила нравственной отдачи — вот где главная сила эстрады... Так было, есть и будет. Этому учат и корифеи — Русланова, Шульженко; этому учат Зыкина, Пьеха, Брегвадзе...

Никто из них не изображает чужое горе, чужие страдания. Артист настоящий проникается сполна чувством другого человека и берет его переживание на себя, на свои плечи, на свою душу... Это нелегко! Но ничто настоящее легким не бывает.

Подолгу работают у себя дома Мария Кодряну и Саша Бирюков над репертуаром. Расширяют, укрупняют его, отбирают то, что становится дорогим и родным. Работают не только над звуком, гармонией, музыкой; становятся все более требовательными к самому стилю эстрадного выступления.

— Жаль,— говорит Мария,— что никто не учит артиста поведению, манерам, необходимым современной эстраде. Здесь почти все и у всех наугад. Как бог на душу положит, выражаясь народным языком... Впрочем, это заставляет нас искать, не успокаиваясь. И работать без отдыха. Работать на эстраде, но еще и дома не забывать о ней. Короче, каждый свой день жить вместе с нею.

— Не трудно?

— Нет... Напротив,— твердо говорит Мария. Блестят ее глаза, карие, живые, яркие... Блестят пышные, золотой копной, кудри.

Пусть же сопутствует ей успех. Долгий, серьезный — на всю жизнь.

ПРОГРАММА «СИБИРЬ»

В. А. КОПТЮГ,
академик,
председатель Сибирского отделения АН СССР

Ровно четверть века назад принято постановление о создании Сибирского отделения Академии наук СССР. И не случайно в дни юбилея наш корреспондент попросил рассказать академика В. А. Коптюга именно о программе «Сибирь». Президент Академии наук страны академик А. П. Александров назвал ее «одной из лучших, широких региональных программ, в которой сконцентрировано участие академической науки в научно-техническом прогрессе». Академик Г. И. Марчук, теперь председатель Госкомитета СССР по науке и технике, отмечает, что «и сейчас поистине поглощен этой грандиозной идеей, вобравшей в себя одно из самых больших достижений Сибирского отделения».

— Валентин Афанасьевич, в чем состоят основные особенности программы «Сибирь»?

— Прежде всего в том, что она сочетает в себе жесткость плана и динамизм науки. Она словно живое существо, движущееся к цели и непрерывно корректирующее свое поведение по мере получения новых данных, новой информации. Это делает программу «Сибирь» совершенно особой, не имеющей аналогов в мировой практике.

Не менее важно и то, что она опирается на широкую сеть академических учреждений, — это обеспечивает комплексный подход к решению задач. В то же время особое внимание программа обращает на межотраслевые стыки, где обычно обнаруживаются бреши, нерешенные проблемы.

Вспомните совнархозы, межотраслевую систему хозяйствования в рамках единой территории. Они хорошо учитывали местные особенности и нужды, но при этом нередко отодвигали на второй план общегосударственные интересы развития отраслей. А сейчас, при отраслевом принципе хозяйствования, оголились межотраслевые стыки. Программа «Сибирь» стремится увязать все аспекты освоения природных ресурсов, развития производительных сил, достижения науки и рост технического прогресса, экологические проблемы огромного региона в единое целое, не отрывая в то же время задач региона от жизни всей страны.

— Как же конкретно происходит такое «увязывание»? Как формируются разделы программы?

— Если выявляется крупная прикладная проблема, то прежде всего просматривается возможность ее решения на основе ранее полученных результатов фундаментальных исследований, а если такого решения нет, то в планах сибирских институтов предусматривается развертывание соответствующих исследований. Приведу такой пример. Сибирские ученые во главе с академиками А. А. Трофимуком из Новосибирска и Н. В. Черским из Якутска открыли существование необычного полезного ископаемого — «твердого газа», точнее, твердого соединения природного газа с водой. Как добывать его? Газовики с подобной проблемой не сталкивались.

И вот в Якутском филиале Сибирского отделения, который как раз возглавляет Черский, были развернуты всесторонние исследования свойств газогидратов. Это научная работа, но результаты ее уже ложатся в основу разработки технологии добывания «твердого газа». Такие исследования интересны для ученых, полезны практике и, наконец, необходимы для развития научно-технического потенциала региона. В разделы программы постоянно вносятся коррективы, какие-то работы прекращаются, потому что в других разделах выявились новые, более перспективные решения, какие-то, наоборот, разрабатываются более усиленно, вместе с отраслевыми институтами. Развитие промышленности, сельского хозяйства, науки, техники — взаимосвязанная система, она находится в непрерывной эволюции. Программа «Сибирь» учитывает это.

— А целевые программы Госкомитета по науке и технике?

— Целевые программы ГКНТ являются мощным рычагом управления конкретными направлениями научно-технического прогресса, увязывающим в единое целое весь цикл от научной разработки до производства. Специфика же программы «Сибирь» заложена и в ее региональном характере. Эта долгосрочная программа нацелена на решение комплексного использования природных богатств, на развитие производительных сил Западной и Восточной Сибири, Якутии, Забайкалья. Сюда входят добыча и переработка полезных ископаемых, и развитие важнейших территориально - производственных сибирских комплексов, и строительство БАМа, и проблемы Байкала, и охрана окружающей среды, и, конечно, наращивание научно-технического потенциала и развитие научных центров Сибири.

Если в первые десять — пятнадцать лет существования Сибирского отделения основное внимание уделялось развертыванию исследований в Новосибирском научном центре, то сейчас выросли и окрепли филиалы отделения в Иркутске, Томске, Красноярске, Якутске и Улан-Удэ. В Сибири, по существу, создана целая сеть академических институтов, ведущих единую научную политику. Это обеспечивает и глубину фундаментальных исследований, и широту связей с производством, и эффективность системы подготовки кадров.

— Валентин Афанасьевич, в осуществлении программы «Сибирь» участвуют 400 организаций в основном сибирского региона, и из них лишь 50—60 непосредственно относятся к Сибирскому отделению. Какие рычаги воздействия имеете вы на эти организации, по размеру да и по количеству в десятки раз превышающие Сибирское отделение?

— Практически никаких, кроме научного авторитета отделения. Ни административных, ни финансовых. И все-таки программа действует, живет, работает. Ряд отраслей включил исследования по программе «Сибирь» в свои планы на пятилетку.

Знаете, наверно, именно народнохозяйственная результативность исследований Сибирского отделения и есть та центростремительная сила, которая притягивает к нам промышленность, отраслевые организации, сельское хозяйство. Приведу еще вот такой небольшой пример. Ученые Академгородка взяли самый средний по показателям, скорее даже отстающий совхоз в Новосибирской области и сделали его своей базой для внедрения научных исследований, имеющих выход в сельское хозяйство. Это была идея Гурия Ивановича Марчука, бывшего тогда председателем отделения. И что же? Совхоз стремительно стал двигаться вперед и вышел сейчас по всем показателям на одно из первых мест в области.

— Можно ли уже говорить об экономическом эффекте программы?

— Можно, хотя оценка реального экономического эффекта — очень непростая задача. Например, только что вы были на нашем совещании с дирекцией авиационного завода имени Чкалова. Работа ведется по 47 совместным темам, причем 5 крупных исследований уже внедрено, с выходом на отрасль. Это серьезный результат в экономическом отношении. Или возьмите участие сибирских ученых в предплановой проработке больших научно-хозяйственных задач, например, при строительстве БАМа. Здесь сказали свое слово и новосибирские экономисты, и якутские мерзлотоведы, и иркутские ученые из Института земной коры. Только один вывод ученых о том, что представления о сейсмичности в ряде районов были преувеличены, позволил сберечь десятки миллионов рублей.

Однако важны не только такие конкретные результаты. Чрезвычайно важно также то, что программа, как мы полагаем, помогает избежать тех просчетов, которые выявляются лишь со временем. При масштабах хозяйства нашего региона даже небольшие нарушения баланса оборачиваются весьма ощутимыми потерями. Скажем, когда много лет назад начиналась добыча сибирской нефти и газа, в планах не было предусмотрено быстрое развертывание в этих районах параллельно с добычей нефти производства моторного топлива, например, из газоконденсата. Это, безусловно, был просчет, который выявился сегодня: в труднодоступные северные районы ввозится огромное количество моторного топлива, которое можно было бы без особых проблем получать на месте. Программа «Сибирь» должна помочь не допускать подобных просчетов.

— А как вообще строятся взаимоотношения отделения с практикой? Заложены ли с самого начала в планы научных исследований практические выходы?

— Да, если речь идет о формировании принципиально новых технологических и технических решений по кардинальным направлениям народного хозяйства, проблемам наибольшей сложности и важности. Конкретные же выходы, как правило, опираются на результаты фундаментальных исследований. Именно наличие накопленного и постоянно пополняемого научного потенциала позволяет Сибирскому отделению сегодня оперативно отзываться на запросы хозяйства, практики. Возьмите, например, проблему получения моторного топлива из угля и газа. Откликаясь на решения XXVI съезда КПСС, Институт катализа в очень короткий срок предложил технологию получения высокооктановых бензинов из метанола.

Почему оказалось возможным так быстро продвинуться в этом направлении? Потому что в ходе исследований предшествующих лет была накоплена сумма фундаментальных результатов, которые позволили решить не только уже возникшие вопросы, но и заложили базу для решения завтрашних проблем.

— Валентин Афанасьевич, а нельзя повторить основные принципы программы «Сибирь для другого региона?

— Повторить ее? Думаю, создать аналог программы «Сибирь» пока мало где возможно. Ведь она опирается на целую сеть академических учреждений, работающих в самых разных областях естественных, технических и общественных наук.

Программа эта, по существу, продолжает тот новаторский путь, которым всегда шли сибирские ученые. Смелым и в то же время глубоко продуманным экспериментом было и само создание центра науки в Сибири, и эффективная система подготовки кадров, и новые формы связи с промышленностью. В решении создать комплексный научный центр в Сибири, выделить для его организации серьезные средства сказались прозорливость партии и правительства, забота о развитии Сибири в интересах всей страны, забота о будущем.

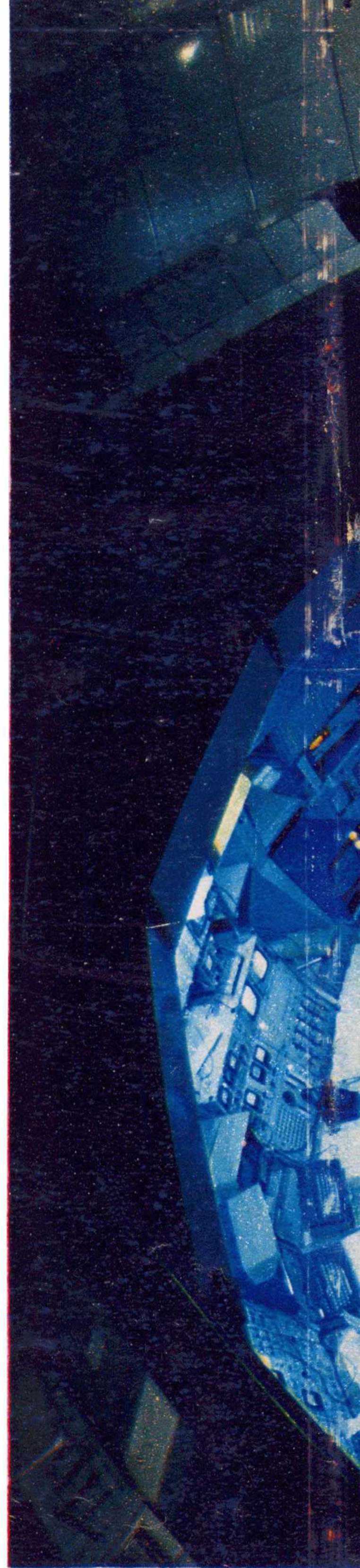
Председатель СО АН СССР В. А. Коптюг * Так выглядят зерно и травы, высушенные методом контактно-адсорбционной сушки * Аспирант Института цитологии и генетики Г. Пыринова * Магнитная дорожка накопителя для ускорителя «ВЭПП-4» * При въезде в Академгородок.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Младший научный сотрудник Института автоматики и электрометрии В. И. Фельдбуш. Идет обработка оптической информации * Институт ядерной физики. Пульт управления ускорителями * На улицах Академгородка.

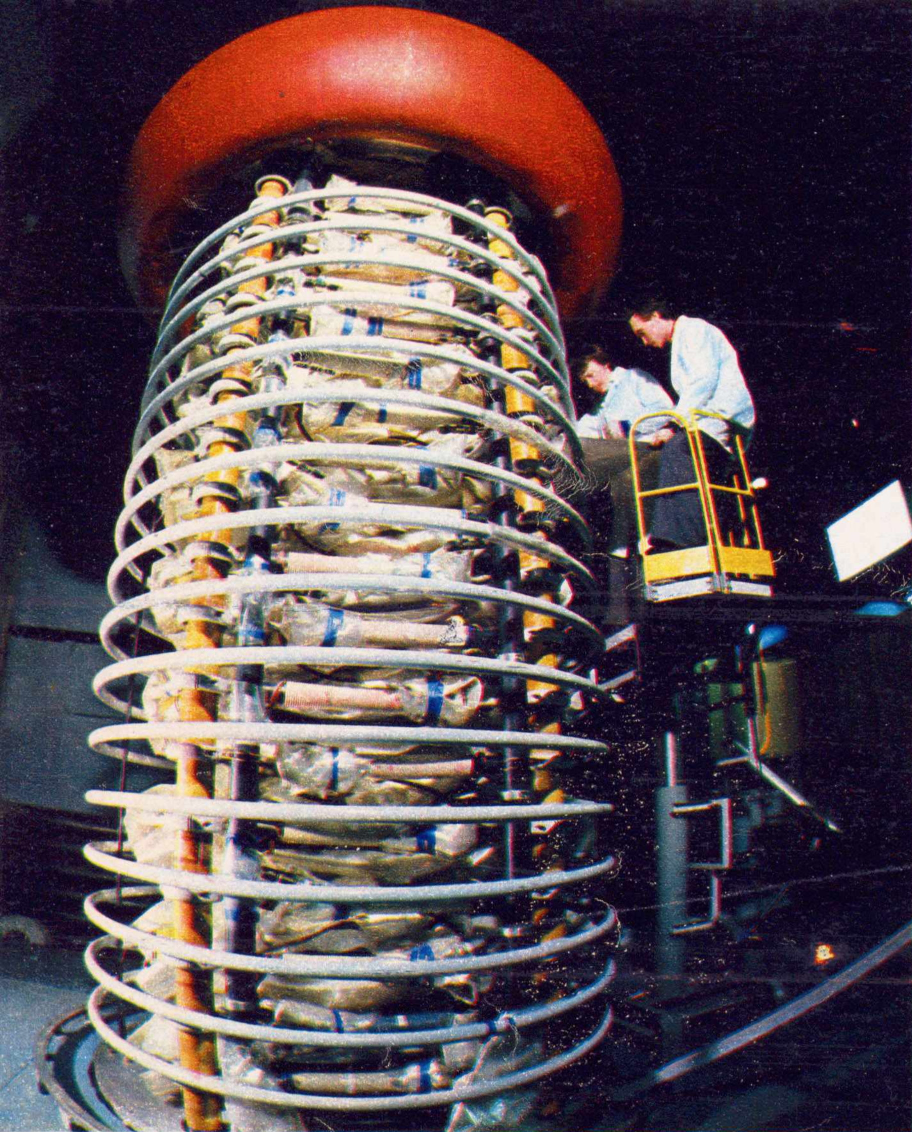

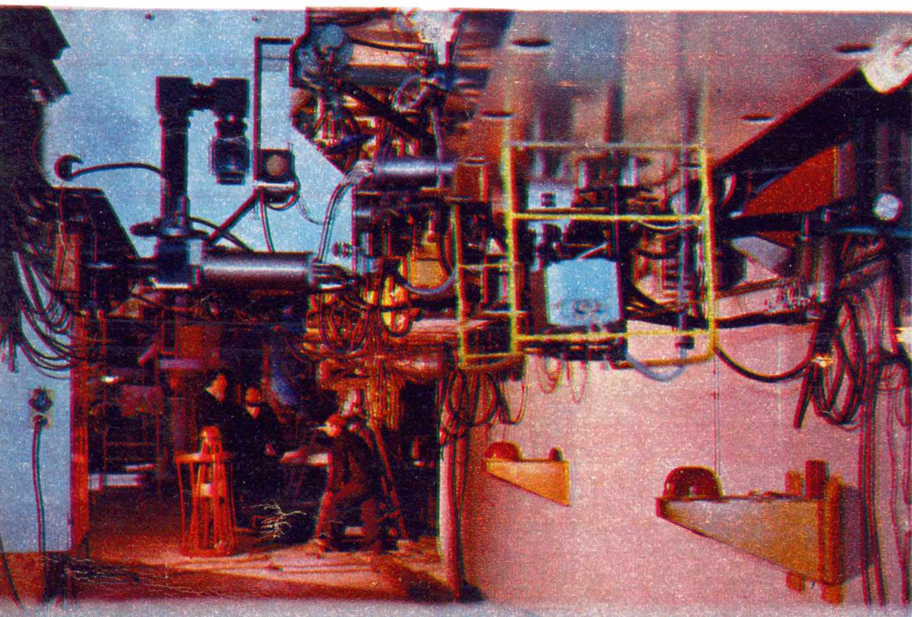

ПРОСПЕКТ ЛАВРЕНТЬЕВА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Никогда еще не было так оживленно в институтах и на улицах новосибирского Академгородка, как в этот солнечный летний день. Радостная весть облетела город ученых мгновенно. Сибирское отделение получило высшую награду страны — орден Ленина: «За успехи в проведении научных исследований, подготовку высококвалифицированных научных кадров и большой вклад в развитие производительных сил Сибири».

На улицах звучит музыка, все поздравляют друг друга. А в конце дня к Дому ученых, где объявлен митинг, стали стекаться сотни людей.

Вместе со всеми иду по проспекту Лаврентьева, главной улице новосибирского Академгородка. Еще недавно она называлась проспектом Науки, а сейчас носит имя первого председателя Сибирского отделения Академии наук СССР, выдающегося ученого современности Михаила Алексеевича Лаврентьева. Слева Институт гидродинамики, директором которого он был, первый институт, построенный в Академгородке. Не дожил Михаил Алексеевич до этого большого праздника, до этой высокой награды Родины...

По проспекту Лаврентьева идут ученые, рабочие, строители. Несут транспаранты, флаги, знамена, С песней движется колонна студентов Новосибирского университета. Это и их праздник. Университет связан кровными узами с Сибирским отделением Академии наук, его родное детище. Более десяти тысяч специалистов уже подготовил этот университет. Если в 1957 году до создания отделения во всех академических учреждениях Сибири работали всего один член-корреспондент и 35 докторов наук, то сегодня в Сибирском отделении 77 академиков и членов-корреспондентов, более 450 докторов и 4 тысячи кандидатов наук.

Слышно, как водитель автобуса объявил остановку: «Гидродинамика». Следующими будут Ядерная физика, Катализ, Вычислительный центр — научные институты, гордость и смысл жизни города.

Проспект Науки. Проспект Лаврентьева...

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Стоял жаркий август 1963-го. Как обычно в субботу, весь Академгородок перебрался на берег Обского моря.

Но на этот раз из Института ядерной физики на берегу никого не оказалось. Все толпились в лаборатории института и, отталкивая друг друга, старались заглянуть в маленький иллюминатор установки. Они видели голубоватое свечение, говорившее о том, что в приборе почти со скоростью света навстречу друг другу мчались потоки электронов. Впервые в мире был создан ускоритель на совершенно новом принципе.

Прибор этот, ВЭП-1, стоит сейчас в холле института как памятник. Теперь он показался мне маленьким, нехитрым по конструкции. Но ведь именно о нем сказал тогда академик Бруно Понтекорво: «Можно поздравить сибиряков, создавших этот фантастический прибор, и позавидовать тем исследователям, которые будут на нем работать».

И впрямь, научная идея, над воплощением которой трудился в то время коллектив Института ядерной физики, была удивительно смелой: во всех существующих ускорителях разогнанная до колоссальной скорости частица, подобно снаряду, бьет в неподвижную мишень — другую частицу. Новосибирские физики решили не только заставить и снаряд и мишень мчаться навстречу друг другу, но и столкнуть частицы с противоположными знаками заряда — электроны и позитроны — по существу, антимиры. Это открывало совсем новые пути в познании тайн материи. А понять — значит использовать.

Руководил в то время институтом его организатор и первый директор Андрей Михайлович Будкер, а во главе сектора, где непосредственно рождался новый ускоритель, в создание которого мало кто из ученых верил, стоял вчерашний студент-практикант Саша Скринский, Александр Николаевич Скринский, теперь академик, лауреат Ленинской премии, директор этого института.

Сегодня с легкой руки сибиряков ускорители на встречных пучках получили признание во всем мире: в США, в ФРГ, Франции, Италии. И в новосибирском институте тоже работают две новые электрон-позитронные установки современного класса. Эксперименты на них дают чрезвычайно много для понимания строения материи. Ускорители на встречных пучках стали сейчас для физиков основным поставщиком информации о микромире.

Казалось бы, можно спокойно работать и пожинать лавры: «Нас признали, за нами пошли». Но... И вот тут-то начинается самое интересное — второе дыхание института, девизом которого остаются слова академика А. М. Будкера: «В науке все пути хороши, кроме тех, которыми уже шли».

Я помню, как 1 мая 1968 года справляли пятидесятилетие Андрея Михайловича: дружно, шумно и весело посидели у него дома до двух часов ночи. Тамадой был неисчерпаемый на шутки Михаил Алексеевич Лаврентьев. Все официальные поздравления и скучные адреса, идя навстречу пожеланию юбиляра, были отложены на... 1978 год. А когда весной 1978 года в Академгородок съехались ученые со всего мира на Международный семинар по проблемам физики высоких энергий и управляемому термоядерному синтезу, приуроченный к 60-летию академика Будкера, того уже не было в живых. Но с учениками навсегда остались его живая творческая мысль, его вечное стремление находить новые, нетривиальные, неисследованные пути в науке.

Генератор электронного пучка для нагрева плазмы * Директор Института катализа академик Г. К. Боресков * Академик Ю. Е. Нестерихин, директор Института автоматики и электрометрии (в центре), старший научный сотрудник Э. А. Талныкин и зав. лабораторией А. М. Ковалев * Археологические находки Института истории, филологии и философии * Один из прямолинейных промежутков накопителя «ВЭПП-4» * Володя Петров — ученик школы юных программистов.

Такой новаторской идеей, не сразу принятой всеми, и явился проект опять принципиально нового типа мощного прибора для исследования тайн микромира — некоего гибрида машин на встречных пучках и хорошо известных линейных ускорителей. Проект этот впервые академик Скринский, ставший после Будкера директором института, представил в 1978 году на том самом международном семинаре, проходившем в Академгородке.

Смешно говорить, что человека не изменяют годы. И было бы явным преувеличением утверждать, что директор института академик Александр Николаевич выглядит сейчас, как тот синеглазый тоненький студент-практикант Саша, в лаборатории которого создавался первый ускоритель на встречных пучках. Но, честное слово, остался у сорокашестилетнего академика тот же юношеский облик, легкая худощавая фигура, сохранил он и обаятельную естественность поведения, и уважительное внимание к каждому, и открытую доброту, и демократизм, и свою скромность, которая до сих пор служит источником шуток. Но, конечно, главными в Скринском всегда были все-таки не эти прекрасные черты, а яркий талант ученого, чудовищная трудоспособность, глубина мысли и отвага естествоиспытателя. Они были и в начинающем исследователе, и в только что защитившемся докторе наук, и в самом молодом в стране академике. А с годами стали еще определеннее. И масштабнее, смелее стали работы института.

Воплотить в металле новый проект и с научной и с технической точки зрения чрезвычайно сложно. Но сегодня все больше ученых склоняется к тому, что задуманная сибиряками установка — ВЛЭПП — открывает магистральный путь мировой ускорительной техники.

Лабораторию, где сегодня идет разработка ключевых вопросов нового ускорителя, возглавляет молодой ученый В. Балакин.

Зимой 1963 года в Институте ядерной физики я увидела семнадцатилетнего паренька, школьника. «Кто это?» — удивилась я. И услышала спокойный ответ: «Наш сотрудник, Володя Балакин, интересный экспериментатор».

Выдержав конкурс на общесибирской олимпиаде, Володя приехал тогда из алтайской деревни Каяушка, где жил и учился в девятом классе, в летнюю физико-математическую школу. В Академгородке Володя сблизился с сотрудниками Института ядерной физики. Те, оценив увлеченность мальчишки наукой, его недюжинные способности, решили не отпускать его назад в деревню, оставить у себя, чтобы он мог работать и учиться, а через год сдать экзамены в Новосибирский университет.

Все так и произошло. После окончания НГУ Балакин блестяще защитил кандидатскую диссертацию, потом за интересную, талантливую работу получил премию Ленинского комсомола и теперь стал руководителем лаборатории, возглавляющей, по существу, новое направление в ускорительной технике.

Столь же оригинальны работы института по исследованию термояда.

Признанный сегодня в мире лидер в термояде — московский Институт атомной энергии имени Курчатова. Созданные там знаменитые «Токамаки» представляют собой замкнутые ловушки, в которых плазма как бы не имеет концов по силовой магнитной линии. Однако плазму можно удержать и в открытой ловушке. Первый ее пример — изобретенный в 1954 году знаменитый пробкотрон Будкера. Выглядит такая система, как бутылка с двумя горлышками, направленными в разные стороны. В середине в подвешенном состоянии, не касаясь стен — держит магнитное поле,— находится плазма. Пробкотрон был зарегистрирован как открытие. «Не всякую бутылку открыв, так напьешься»,— шутили товарищи.

«Токамаки» и открытые плазменные системы не конкуренты. Они как бы подстраховывают друг друга и помогают физикам получать более широкую информацию о термояде.

— «Токамаки» сейчас наиболее продвинуты и в научном и в техническом отношении, но они дороги и очень сложны для инженеров,— рассказывает руководитель исследований по термояду Дмитрий Дмитриевич Рютов.— Поэтому остается стимул исследовать и другие возможности создания термоядерных реакторов. Открытые ловушки с точки зрения физики очень красивая идея, решение ее требует большой выдумки, новизны в самом подходе. И в то же время система проста, заманчива для инженеров и более экономична.

Дмитрий Дмитриевич Рютов работает в ИЯФе скоро уже пятнадцать лет. Приехал в Академгородок молодым кандидатом наук, но уже известным в физике плазмы ученым из курчатовского института атомной энергии. Здесь, в Академгородке, он защитил докторскую, в 36 лет стал членом-корреспондентом Академии наук страны, заместителем директора института.

Разные виды открытых ловушек совсем новых конструкций разрабатываются здесь. Новизна и перспектива на будущее — традиция института. Такая же, как немедленное использование для практики идей, что рождаются в ходе чисто научных исследований.

Ускорители, специально созданные в ИЯФе для нужд хозяйства страны, трудятся на химических и кабельных заводах, очищают зерно на элеваторах от насекомых-вредителей. А синхротронное излучение используется для рентгеноструктурного анализа, определения элементного состава руд, нефти, минералов. Оно применяется в химии, электронике, медицине.

...«В науке все пути хороши, кроме тех, которыми уже шли». Как трудно и радостно следовать именно этой традиции постоянного обновления, знают только сами ученые-новаторы.

АСКАНИЯ... НА АЛТАЕ

— Вы не хотите поехать с нами в Асканию? — спросили меня

в Институте цитологии и генетики.— Через день вернемся.

— Как через день? — удивилась я.— Конечно, самолетом быстро...

— Вы думаете, мы собираемся в европейскую Аскания-Нова? — в свою очередь, удивились моей недогадливости ученые.— Нет, у нас есть теперь своя, сибирская Аскания, свой огромный заповедник на Алтае. Восемьдесят тысяч гектаров!

Официально называется уникальный алтайский заповедник — Экспериментальная база Сибирского отделения АН СССР по сохранению генофонда и гибридизации животных.

Сохранить породы редких диких и домашних животных, восстановить былое разнообразие животного мира, пока это еще не поздно сделать,— такова первая задача ученых. И вторая — использовать генофонд диких животных для гибридизации, для создания новых пород.

Уже появились на Алтае некоторые переселенцы. Пусть сегодня они не представляют ценности как мясные или молочные породы скота, но зато являются тем неисчерпаемым банком качеств, теми донорами генов, без которых невозможна работа селекционеров. В будущем эти животные, вернее, их потомки, станут основой для селекции новых высокопродуктивных пород, а может, и для не существующих пока в природе гибридов.

Есть у новосибирских биологов и третья задача — одомашнить некоторые виды диких зверей, заложить в их генетический аппарат доверчивое отношение к человеку. На звероферме Института цитологии и генетики я видела «домашних» норок и лисиц, по отношению к человеку похожих на собак, но сохраняющих свой прекрасный пушистый мех. «Особачивание лисиц» — так в шутку называют ученые эти исследования.

Селекция — это эволюция, направленная волей человека. Первым объектом для подобных опытов станет в Экспериментальном алтайском хозяйстве выдра, эталон прочности меха. Нет пушного зверя, превзошедшего ее в этом отношении. Прочность — 100! Зверек красивый, осторожный, умный, хитрый. Не так-то легко его отловить и поселить в приготовленную квартиру. А потом можно будет перевести выдру на промышленное содержание, как норок, например, или соболей.

Руководит Институтом цитологии и генетики известный ученый академик Д. К. Беляев, заведующий лабораторией эволюционной генетики. Создание «банка качеств» животных, генофонда — его давнишняя идея. Сейчас она воплощена в жизнь.

Дмитрия Константиновича Беляева в институте не оказалось, и о новых работах рассказывает мне его заместитель, член-корреспондент АН СССР Владимир Константинович Шумный. Ровно четверть века назад, в год создания Сибирского отделения, Владимир Шумный окончил Московский университет и тем же летом отправился в Сибирь, в строящийся Академгородок.

— Недавно в «Правде» опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров о комплексном развитии сельского хозяйства в Сибири и на Дальнем Востоке,— говорит Владимир Константинович.— Нас оно не застало врасплох, сделано в целом немало, но в то же время заставило еще внимательнее просмотреть в этом отношении наши планы.

В лаборатории академика Беляева выполнено сейчас важное для хозяйства новое исследование — найдены способы ускоренного созревания меха у пушных зверей. Причем качество меха остается прежним. Это дает большую экономию. Содержание пушных зверей на фермах будет теперь на месяц короче, что, естественно, обойдется намного дешевле.

Интересные результаты есть по созданию специального типа животных для промышленных животноводческих комплексов. Методом хромосомной инженерии выведен гибрид дикого кабана и шведского ландраса. Гибрид взял высокую продуктивность от культурной породы и стойкость, выносливость и, что очень важно, темперамент от дикого кабана. Мясо новой породы свиней вкусное, менее жирное, чем у шведского ландраса. Порода идет во внедрение.

— А какие ведутся работы по созданию новых сортов пшеницы? Как ведет себя ваша «Новосибирская-67»? Еще недавно она была новинкой,— спрашиваю я.

— Она и сейчас является новым и перспективным сортом. Но есть еще одна новинка — «Соановская-2». Название ее идет, как вы видите, от слов «Сибирское отделение Академии наук». Этот сорт еще лучше, дает более высокие урожаи на участках испытаний — до 70 центнеров с гектара. Однако оба эти сорта проявляют далеко не все свои возможности. Они рассчитаны на высокий уровень развития хозяйства, высокую сельскохозяйственную культуру. Скажем, сорт может дать 70 центнеров с гектара, а берем мы много меньше. Что сделать? Как заставить растение использовать все свои резервы, получать от него то, на что рассчитывали в идеале селекционеры?

В институте родилось новое направление исследований, связанное с генетикой развития. Оно как раз и помогает усилить реализационный потенциал растения. Это стимуляторы роста гиббереллины. Вместе с Институтом органической химии наши генетики создали такой препарат — «гибберсиб» — гиббереллин, рожденный в Сибири. Он повышает урожай томатов, кукурузы, картофеля, многолетних трав на 20—27 процентов. На этих культурах новый стимулятор роста хорошо испытан. Сейчас приступаем к апробации его на хлопчатнике.

«НАУКА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ— ВОТ ТУТ МОИ МЕЧТЫ»

Эти слова великого Менделеева невольно вспоминаешь в лабораториях Института катализа.

«Мысль об организации самостоятельного, тогда первого в стране Института катализа я вынашивал давно,— рассказывал мне лет пятнадцать назад академик Г. К. Боресков, теперь Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.— А к пятидесятым годам необходимость создания такого института стала особенно острой. Наша наука и промышленность настойчиво требовали глубокого изучения одного из самых таинственных и романтичных процессов в химии. Ведь именно катализаторы позволяют несказанно увеличить скорость реакции, направить ее по нужному исследователю руслу. И вдруг мне предлагают в центре Сибири создать такой институт, реализовать мою многолетнюю мечту! Естественно, вопроса, ехать сюда или нет, у меня не было».

Сегодня Институт катализа — один из крупнейших в Академгородке, на его базе успешно работает координационный центр стран СЭВ по проблемам катализа, постоянно пополняется банк катализаторов. А у Георгия Константиновича уже новая мечта — построить мощный завод по производству катализаторов для всех стран СЭВ. Институт катализа пользуется в мире огромным научным авторитетом. И с каждым годом все важнее и для фундаментальной науки и для нужд промышленности делаются его исследования...

Здесь буквально десятки «практических выходов». Например, мне рассказали, что одна тонна разработанного в институте специального катализатора может сберечь две тысячи тонн топлива. Цифра почти фантастическая! Как, за счет чего это происходит?

Этот вопрос я задаю академику Г. К. Борескову.

— Вы знаете, что самый распространенный химический процесс в промышленности — сжигание топлива,— отвечает ученый,— он идет обычно без помощи катализатора. Ну, а если применить катализаторы и здесь? Эта идея привела нас к разработке специальных, так называемых каталитических генераторов тепла. Каталитические генераторы тепла не только дают значительную экономию горючего. В них можно сжигать самое низкосортное топливо. В лаборатории вы, наверное, видели, как сжигают то, что шахтер назовет даже не углем, а породой. И кпд генератора при этом остается почти прежним. Кроме того, при сжигании топлива этим способом не получаются окислы азота, окись углерода. А значит, улучшаются условия труда, не засоряется атмосфера.

— А где еще могут использоваться такие каталитические генераторы тепла?

— Для термической обработки, для обезвреживания производственных сточных вод, для выделения серы из сероводорода. И, конечно, для сушки — угля, стройматериалов, руды, зерна, сена, различных пищевых продуктов...

БЫСТРЕЕ МЫСЛИ

Кто не знает теперь о знаменитой Лаврентьевской физико-математической школе? С нее начинали свой путь в науку многие ученые, работающие сегодня в научных институтах Сибирского отделения.

С одним из таких исследователей, Эдуардом Талныкиным, я познакомилась в Институте автоматики и электрометрии. Эдуард прошел, так сказать, «типовой» путь молодого ученого для городка науки на берегу Обского моря: ФМШ, университет, академический институт. Сейчас он руководитель группы программного обеспечения комплекса синтезирующей системы.

За сухим, сугубо техническим названием скрывается поистине фантастическая вещь: машина может высчитать и воспроизвести, вернее, синтезировать в цвете на телевизионном экране заданную ей обстановку. Мало того, в обстановку эту можно вторгаться. Иными словами, оператор видит некий кинофильм, достоверно показывающий заданную ситуацию, или, как говорят ученые, «происходит машинный синтез в реальном масштабе времени, воспроизводящий визуальную ситуацию с максимальной степенью информационного подобия».

Создали эту удивительную систему здесь, в Институте автоматики и электрометрии. Пока она единственная в стране и проходит сейчас «обучение» разным программам. Наблюдая за «обучением», трудно поверить, что этих меняющихся на экране кинокадров нет в реальном виде, что они фантомы, они возникают в памяти машины и синтезируются на телевизионном экране.

— Наша машина универсальная, и использовать ее в будущем можно в самых различных областях,— объясняет мне директор института, академик Ю. Е. Нестерихин.— Например, для тренировки операторов или, скажем, водолазов, тех, кому приходится работать в экстремальных условиях.

— А для шоферов в аварийных ситуациях?

— Конечно. Надо классифицировать все аварии, и посчитать сложные ситуации и выходы из них, и заложить в машину. Не разбивать каждый раз реальные «Жигули»,— шутит он,— а работать с их фантомом, их видимым подобием на экране. Кстати, система пригодится и художникам, и скульпторам, и архитекторам, для выборов оптимального варианта промышленного дизайна, например.

Юрий Ефремович Нестерихин в Сибири уже двадцать лет, тоже из ветеранов. В 1954 году окончил физтех и начал работать в Институте атомной энергии. Ему повезло с учителями — И. В. Курчатов, Л. А. Арцимович, М. А. Леонтович. Ученые, академики, имена которых вошли в учебники всего мира.

К автоматизации научного поиска, привлечению вычислительных машин в физических, биологических, медицинских исследованиях (то, что стало сейчас не просто модой — знамением времени!) коллектив Института автоматики и электрометрии приступил в 1967 году, когда Нестерихин стал его директором. И по праву Юрий Ефремович уже столько лет является председателем совета по автоматизации научных исследований Сибирского отделения. Здесь ему пригодились и дарование физика-экспериментатора, и организаторские способности, и умение увидеть проблему в целом, во всей ее широте и глубине.

Сейчас в институте разрабатываются универсальные средства для соединения, сопряжения вычислительных машин с экспериментальными установками; созданы устройства, позволяющие ЭВМ работать с графиками, текстами, фотографиями, картами; автоматизированы исследования по физике, гидродинамике, биологии, медицине, астрономии.

НЕТ УЧЕНОГО БЕЗ УЧЕНИКОВ!

Как часто любил повторять Михаил Алексеевич Лаврентьев эту фразу. И сегодня в ней четко выражается сущность Сибирского отделения АН СССР, постоянная забота ученых о новой научной смене.

Физико-математическая школа, клуб юных техников и вот теперь — школа юных программистов, созданная недавно. Расположилась она тоже на проспекте Лаврентьева, в здании Вычислительного центра Академгородка. Занимаются ребята по воскресеньям, когда у машин да и у людей поменьше работы. Занятия со школьниками ведут сотрудники Вычислительного центра, ученые. Достаточно сказать, что юные программисты находятся под опекой члена-корреспондента АН СССР известного математика Андрея Петровича Ершова.

Сегодня здесь с восьми утра до десяти самостоятельная лабораторная работа. Ребята склонились над пультами дисплеев и вступили в беседу с ЭВМ.

«Шпага», «Робик», «Рапира», «Ну, погоди!» — так называются специальные детские программы общения с ЭВМ, которые, кстати, составляют сами ребята. Окончившие школу юных программистов владеют современными машинными языками, умеют работать на различных типах машин. Кем бы они ни стали потом, какую бы ни выбрали специальность, работа с ЭВМ, нет, не использование машины, а именно работа будет для них привычной и естественной. Таково требование научно-технического прогресса. И кто знает, не станет ли вот этот вихрастый второклассник, что первым закончил самостоятельную лабораторную работу, к пятидесятилетнему юбилею Сибирского отделения академиком и директором этого Вычислительного центра?

Далеко в будущее уходит проспект Лаврентьева...

О ЛЮДЯХ УВЛЕЧЕННЫХ И КРАСОТЕ ВЕЧНОЙ

ИЗ ЗАПИСОК ХУДОЖНИКА-РЕСТАВРАТОРА

Савелий ЯМЩИКОВ, лауреат премии Ленинского комсомола

Сейчас, спустя десять лет, перечитывая страницы книги отзывов той памятной выставки «Живопись древнего Пскова», вновь и вновь думаешь о людях, благодаря которым выставка эта пришла под своды знаменитого зала на Кузнецком мосту, 20...

Послевоенные годы, трудные, неустроенные, отмечены знаком особого интереса к памятникам древней культуры. Шедевры русского зодчества в буквальном смысле слова поднимали из руин, восстанавливая, воссоздавая одновременно живописное убранство уникальных построек, спасая и находя чудом сохранившиеся творения живописного искусства прошлого. Ранней весной, едва только сходил снег и открывался доступ к отдаленным монастырям, скитам, храмам, отряды самоотверженных музейных работников, искусствоведов, реставраторов отправлялись в многомесячные экспедиции на поиски произведений живописи, прикладного искусства, редких книг.

Тщательнейшим образом обследовалась тогда и земля псковская, славившаяся своими художественными сокровищами. Немало их обнаружили экспедиции Государственного Русского музея и Всероссийского реставрационного центра. Группа специалистов под руководством таких знатоков, как заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Н. Померанцев и известный художник-реставратор Н. В. Перцев, по крупицам собирали драгоценные свидетельства истории развития древней псковской живописи.

...Доска средних размеров была найдена в городе Опочке. Аляповатая, грубая живопись ее верхнего слоя, не заслуживающая даже внимания, ремесленная, относилась к концу XIX века. И лишь опытный, как говорится, «набитый» глаз исследователя, чувствующего тончайшие нюансы, смог разглядеть под толстым панцирем разновременных записей древний красочный слой. Фотоотпечатки рентгенограммы и другие методы лабораторного анализа, проведенного в Москве, подтвердили предположения специалистов. Процесс раскрытия авторской живописи вылился в волнующую демонстрацию мастерства наших реставраторов. Прямо на глазах исчезала легко растворявшаяся масляная краска, и вместо композиции «Огненное восхождение Ильи» во всей своей первозданной красоте выступали под искусными руками реставратора В. Бажанова красочные переливы псковской иконы XVI века на совершенно другой сюжет — «Рождество Христово».

Яркие цветные репродукции деталей найденного в Опочке и возрожденного шедевра безымянного мастера стали своеобразной эмблемой выставки «Живопись древнего Пскова» — они были воспроизведены на ее афише и пригласительных билетах.

Всероссийский реставрационный центр готовился к этой выставке, как готовятся к большому празднику. И многоопытные профессионалы, долгие годы посвятившие восстановлению шедевров древнерусской живописи, и новички, недавно поступившие в обучение, с одинаковым рвением и энтузиазмом трудились над псковскими находками, порой забывая про еду и сон, стремясь как можно скорее вернуть этим вещам первозданную красоту. Представьте только себе: за год с небольшим отдел темперной живописи восстановил около 60 досок внушительных размеров, каждая из которых нуждалась в сложнейших реставрационных операциях, начиная от укрепления грунта и красочного слоя и кончая тонировкой и покрытием лаком расчищенной живописной поверхности...

Духовный порыв, одержимость — иными словами эту работу не назовешь. Помню, как все мы помогали друг другу советами, совместно обсуждали возникающие затруднения, сообща принимали решение. Каждый отвечал не только за порученное ему дело, но и за всю экспозицию будущей выставки. Бывало, вспыхивали ожесточенные споры, накалялась атмосфера... Равнодушных исполнителей в отделе не было. И это было прекрасно!

...Вот Наташа Дунаева склонилась над доской с изображением Богоматери Одигитрии. Живопись очень старая. Специалисты датируют ее рубежом XIII—XIV веков. Сколько невзгод, пожаров, стихийных бедствий пронеслось над нею! Сколько разрушений и поздненйших записей выпало на ее долю! Попробуй пробиться сквозь их вековые напластования, найти верный путь в этом лабиринте! И ложатся на живописную поверхность миллиметровые компрессы, допытывается разгадки око специального микроскопа...

К открытию выставки удается «нащупать» лишь несколько авторских кусков. А впереди еще много лет работы, прежде чем спасенный и восстановленный памятник окончательно займет свое место в музейных залах.

Луиза Овчинникова и Марина Наумова. Какими маленькими и хрупкими выглядят они рядом с почти двухметровой высоты образом Богоматери Тихвинской, с XVI века украшавшей интерьер Троицкого собора — главного храма древнего Пскова. Не верилось просто, когда Марина приступила к работе, что за сравнительно короткий срок это великолепное живописное творение будет отреставрировано полностью. На выставке оно заняло отдельную стену. И, наверное, лучшей наградой мастеру-реставратору явились толпы посетителей, подолгу любовавшихся величественной гармонией красок, непередаваемо изящных линий и строгой одухотворенностью ликов.

Псков. Кремль.

В чем же, спросите вы, секрет неповторимости псковских икон?

Ответить на этот вопрос не такто просто. Псков торговал, воевал, строился, разрушался и вновь строился, приглашая нередко иноземцев, которые помогали вершить дела политические, а также давали советы, как лучше строить храмы, дворцы и крепкие стены оборонительных сооружений. Но — странное дело — если новгородские мастера, чей родной город имел не менее оживленные связи с другими областями средневекового мира, охотно использовали достижения чужеземных собратьев по искусству, то псковичи были непреклонными и последовательными в каком-то пуританском отношении к сохранению местных традиций. Получив основные уроки от византийских мастеров, художники древнего Пскова веками разрабатывали свою систему иконописания, проникнутую высоким духовным началом.

В псковской иконописи все отличается самостоятельностью, оригинальностью. Здешние мастера не любили изменять правилам, установленным предшественниками. От учителя к ученику, от отцов к детям передавались незыблемые каноны, профессиональные навыки, начиная со способов обработки доски и кончая структурой построения ликов.

Почти все псковские иконы XIV века — классического периода в истории этой школы — написаны на сосновых досках, сработанных и скрепленных между собой с помощью таких похожих столярных приемов, что кажется, один умелый ремесленник руководил их изготовлением. Левкасные грунты здесь также абсолютно специфичны. Они нанесены на деревянную основу плотными слоями, поверхность левкаса не зашлифована под стекло, как, например, в суздальских образцах, а отличается шероховатой, неровной фактурой. Левкашение икон в древнем Пскове напоминает принцип обмазки церковных построек города штукатуркой, положенной свободно и неравномерно, вылепленной руками строителей, не заботившихся о наведении особого глянца. Подобный способ обработки грунта придает внешнему виду псковских икон особую простоту и делает более живописными красочные плоскости.

Манера письма художников древнего Пскова поистине удивительна. Псковскую икону, особенно произведения, созданные в XIV—XV веках, сразу выделишь среди образцов других школ средневековой русской живописи. Никто из современников не мог написать такие лики, какие смотрят с икон древнего Пскова. Вероятно, они казались мастерам остальных русских городов странными, далеко не соответствующими традиционным представлениям и канонам изображения святых. Необычайная экспрессия, переходящая в фанатизм духовный, внутренний, а не внешний, исступленный, передавалась псковичами с помощью контрастного сопоставления цвета и света, осмысленной деформации линии рисунка и красочных плоскостей. Динамичные ходы получают свое продолжение в конструктивном построении фигур на псковских иконах. Художники любят фиксировать моменты энергичного движения, хотя в динамике псковских икон абсолютно исключен момент суетности, их авторы никогда не позволяют бессмысленно раскручиваться сюжетной пружине, все время сдерживая ее потенциальный порыв. Пробела, отмечающие складки одежды, на псковских живописных образцах далеки от строгой геометрической системы византийских прототипов, но отнюдь не выглядят небрежными и хаотическими, так как и они подчинены воле художника, глубоко чувствующего предельные грани возможного и невозможного, допустимого и недопустимого каноном.

Немало вопросов рождается при изучении псковских икон, и трудность ответа на них сопряжена с постижением внутренних закономерностей и причин особенностей развития местного искус-

ства. Так, скажем, в силу каких обстоятельств художники древнего Пскова оставались равнодушными к творчеству талантливых мастеров иных княжеств и городов? Для того только, чтобы сохранить в строгой неприкосновенности изобразительную форму и стиль? Служа высокой идее? Или подлаживаясь под вкусы и требования заказчиков? А религиозные догматы? Они должны были переосмысливаться мастерами, создавшими иконы, непохожие на известные памятники. Переосмысление становится, таким образом, основой творчества. Кто и как руководил иконописцами на этом пути? Ответить на выдвинутые вопросы можно будет лишь после тщательнейшего изучения всех вновь открытых творений одной из важнейших школ нашей средневековой живописи.

...Летом московский поезд прибывает в Псков ранним утром. Дорога от вокзала к центру — современный, запруженный потоком транспорта проспект. Нетерпеливый путешественник может даже испытать минуты разочарования, не видя поначалу ожидаемых памятников старины. Подобно многим древнерусским городам, Псков подвергался неоднократным перестройкам в каждом столетии. А бурный двадцатый век вмешался в сложившийся городской ландшафт как властный и требовательный хозяин. Не везде здесь удалось достигнуть гармонии, согласованности средневековых сооружений с новыми жилыми массивами, фабриками, заводами. Но все же старая псковская архитектура наряду с традиционной планировкой города осталась его существенной частью и даже оказала определенное влияние на характер и расположение новых современных зданий, улиц и промышленных комплексов. Псков сумел сохранить в своем облике черты заповедного уголка древней Руси.

«Пскова больше нет и никогда не будет!» — заявляло фашистское командование, покидая город, который им так и не дано было покорить. В отместку, одержимые бессильной злобой, они постарались уничтожить все, что могли, — жилые дома, фабрики, мосты, электростанции и, конечно, памятники архитектуры. Со всех пяти глав Троицкого собора была снята обшивка. Палаты купцов Поганкиных захватчики подорвали. Крепостные стены кремля разрушили так же безжалостно, как и укрепления Окольного города. Огонь артиллерии и бомбежки довершили дело.

Возрождение Пскова началось сразу вслед за вступлением в него наших войск. По решению правительства от 1 ноября 1945 года Псков был включен в число 15 городов, подлежащих первоочередному восстановлению. Москва, Ленинград и многие другие города страны оказывали Пскову помощь, присылая станки, строительные материалы, оборудование для школ и больниц.

Одновременно с неотложными строительными работами специалисты занялись спасением драгоценных реликвий истории и культуры. Архитектурные сооружения Пскова поднимали из руин замечательные реставраторы.

Работая в древнехранилище Псковского историко-художественного музея, разбирая там богатейшее собрание псковской живописи, я подружился со многими прекрасными людьми, посвятившими свою жизнь возрождению славного города и его исторических, культурных памятников.

Мне, к сожалению, не довелось лично знать Ю. П. Спегальского, одного из крупнейших теоретиков и практиков реставрационного дела в России, но его капитальный труд «Псков» стал моим постоянным спутником. До сих пор поражают смелостью фантазии и обширными знаниями фактического материала проекты реконструкции псковской старины, созданные этим талантливым ученым. С отдельными его предложениями можно было поспорить, однако все они отличались тонким художественным вкусом и тактичностью решений. Это была большая школа.

С Всеволодом Петровичем Смирновым мне посчастливилось встретиться, когда он работал главным архитектором Псковской реставрационной мастерской. Судьба его неразрывно сплелась с судьбой Пскова. Юношей-ленинградцем ушел он на фронт, освобождал от врага псковскую землю, а после окончания института приехал на берега реки Великой восстанавливать псковскую старину. Своей любовью к памятникам местного зодчества молодой архитектор сумел заразить всех, кто принимал непосредственное участие в восстановительных работах, — каменщиков, плотников, штукатуров, кузнецов, первыми творивших чудо возрождения древнего города. То была бригада подлинных энтузиастов. А ведь реставрация одного только Покровского комплекса продолжалась десять лет...

В. Смирнов успевал бывать всюду, где требовались его помощь и совет. Вместе с Б. Скобельцыным и М. Семеновым он поднимал из руин крепостные стены и башни Изборска, воссоздавал ансамбль монастыря-крепости в Печорах. Учитывая сложность и длительность реставрационных процессов, просто диву даешься, как много успел сделать за сравнительно короткий срок этот неутомимый человек.

При этом он еще сумел параллельно освоить трудную профессию кузнеца и увлекся ковкой прапоров, которые некогда украшали башни Псковского кремля и Печорского монастыря, достигнув в этом многосложном ремесле настоящего совершенства, ибо не пошел по пути стилизаторства, но, опираясь на богатейший опыт, накопленный русскими кузнецами, создал оригинальные художественные произведения в русле вековых традиций. И характерно, что учителей кузнечного ремесла ему не пришлось искать вдали от Пскова.

Однако и на этом мастер не успокоился и, овладев премудростью художественной ковки, задумал и осуществил несколько монументальных памятников из металла.

Художник, архитектор, кузнец, реставратор. И в высоком смысле слова посредник — пропагандист и популяризатор искусства прошлого. Через уютную мастерскую В. Смирнова в бывшей звоннице XVI века пролегла для многих дорога к шедеврам псковской культуры. Здесь я встречал писателей, художников, музыкантов и, конечно же, студентов. Они у Смирнова частые гости. И для каждого у него находится время, несмотря на повседневную занятость.

Здесь же, в мастерской Всеволода Смирнова, среди удивительных вещей, любовно собранных либо сработанных руками хозяина и имеющих свою историю, свою судьбу, я повстречал в первый мой приезд в Псков Леонида Алексеевича Творогова, даровитого исследователя, увлеченного бытописателя псковской старины. В местном музее он занимал должность хранителя библиотеки. «Занимал должность»... Нет, пожалуй, эти безликие слова не способны передать всю многогранную деятельность Л. А. Творогова по сбору и изучению книжных залежей псковской земли. Он задался, казалось бы, невероятной целью создать книгохранилище, состоящее из всех известных библиотек, когда-либо существовавших на Псковщине, — от легендарного книжного собрания Спасо-Мирожского монастыря, основанного в XII веке, до библиофильских редкостей наших дней. И, представьте, ему удалось многое успеть сделать.

Рядом с ним были добровольные помощники-энтузиасты. Практиканты составляли каталоги и описи, художники красили стены, находили и реставрировали старые портреты, мастерили витражи в подвальных окнах, отливали со старых образцов бюсты писателей и философов... Постепенно, шаг за шагом просторные книжные шкафы заполнялись уникальными изданиями. Л. А. Творогов часами мог рассказывать о каждой новой находке или удачном приобретении. А какой радостью светились его глаза, когда из Германии вернулись ящики с книгами, вывезенными отсюда фашистами во время оккупации!..

Я приходил к Леониду Алексеевичу в хранилище и не раз наблюдал, как он мгновенно ориентировался в на первый взгляд беспорядочных ворохах книг и рукописей. Отодвинув в сторону томики прижизненного издания Пушкина или запустив руку под пухлую подшивку журнала «Нива», он, не прерывая оживленной беседы, изящным жестом извлекал древний арабский манускрипт, псковскую грамоту XVII века или письмо А. П. Ганнибала к Екатерине II.

«Оставайтесь во Пскове. Живите и работайте здесь. Какие богатства откроются перед вами!» — не уставал внушать Л. А. Творогов искусствоведам и историкам, приезжавшим сюда. И затем в подкрепление своих слов вел их на экскурсию по городу. Это были незабываемые прогулки! Леонид Алексеевич знал псковскую историю досконально, знал, кто строил крепостные стены, храмы, а кто — жилые дома XVII столетия, описывал давно минувшие события так, будто сам при них присутствовал. И слушателям его древний Псков становился роднее и понятнее.

В Пскове время течет незаметно. Дни кажутся длинными, подчиненными спокойному, величавому настрою местной природы. И размеренность здешней жизни заставляет забыть о повседневной суете. В Пскове не хочется торопиться: торопливость неуместна рядом с вечностью. Особенно хорош город в солнечные летние дни. Белые стены соборов впитывают лучи солнца и становятся почти прозрачными на фоне голубеющего неба, никогда не бывающего ярким. Звуки, шумы центральных улиц растворяются в жарком мареве и не долетают до маленьких улочек, перечерченных неподвижными тенями высоких звонниц и куполов церквей.

Нередко я задаю вопрос: почему именно Псков влечет меня к себе с особой силой? Ведь другие древнерусские города тоже богаты чудесными памятниками, и талант их создателей не уступает таланту псковских мастеров. И все-таки Псков тянет к себе больше. Многолетнее знакомство с этим городом подсказало единственно правильный, как мне думается, ответ. Причина властной притягательности Пскова для заезжего путешественника кроется в неповторимом укладе местной жизни. Древние памятники Пскова органично вплетаются в канву повседневного бытия, без них нельзя представить нынешний город. В Пскове живется и дышится легко. Приезжая сюда, перестаешь чувствовать себя туристом. Древности Пскова располагают к особому душевному настрою. Ненавязчивые, неброские, они вселяют внутреннее спокойствие, устанавливают с тобой личную связь. Постепенно у тебя появляются здесь любимые места, заповедные уголки. И, наконец, наступает тот момент, когда старый город овладевает тобой полностью, накладывает неизгладимый отпечаток на твое сознание.

Река, а вернее, реки играли и продолжают играть важную роль в жизни Пскова-города, в формировании его бытового уклада и внешнего облика. Они дополняют друг друга — полноводная, широкая Великая и неглубокая, извилистая, быстрая на перекатах Пскова, впадающая в Великую у стен кремля.

Берега Великой — реки судоходной, соединяющей Псков с внешним миром, были застроены торговыми домами, крупными монастырями и пристанями. Древнейшая часть города находилась на Крому, где Пскова сливается с Великой. Средневековыми архитекторами не случайно выбрано для Троицкого собора самое высокое место. Теперешнее здание кафедрального храма относится к концу XVII века. Но не вызывает никаких сомнений связь его с более ранними вариантами этой же постройки. Страж города, он виден со всех концов, откуда бы ни подъезжать к Пскову. За каменной оградой Мирожского монастыря можно вообразить себе подлинную атмосферу средневековой жизни крупного политического и культурного центра боярской республики. Все здесь дышит памятью о людях, живших сотни лет назад. Это они участвовали в украшении драгоценными фресками Спасо-Преображенского собора в XII веке, это кто-то из них переписывал в монастырской келье «Слово о полку Игореве», призывал у стен храма сограждан на борьбу с супостатами... Гулкое эхо звучит под сводами собора, эхо далекого и вместе с тем близкого прошлого. И вновь приходит настойчивая мысль: разве могут умереть или оказаться забытыми чудесные творения псковских мастеров, чьи имена неизвестны, но чье художественное наследие бесценно!

«От начала убо русския земли сей убо град Псков никем же князем владем бе, по своей воли живяху в нем сущия люди». Возвышенными словами псковская летопись утверждает основной девиз древнерусского княжества: независимость — прежде всего! Стремление к независимости псковичи пронесли через столетия бед и пожаров, сквозь все испытания, выпавшие на их долю, в тяжкие и светлые времена сохранив любовь к родному городу, к родной земле. И сегодня Псков может гордиться не только своей древней историей, но и неувядаемой силой псковских традиций.

Псковичи — люди «...гордые и горячие, как все те, кто много выстрадал и много повоевал, аристократично гостеприимные, как подобает жителям города с древней историей». Эти гордые и гостеприимные люди продолжают ныне творить славную историю Пскова, имя которого известно во всем мире.

И всякий, кто хоть раз побывал здесь, непременно опять захочет вернуться, будет мечтать о новой встрече с городом. Как мечтаю о ней и я.

Теодор **ГЛАДКОВ**,
Аполлинарий **СЕРГЕЕВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Последняя акция Лоренца

ГЛАВА I

Самолет международной авиационной компании «Северное кольцо» совершал обычный рейс в Москву, имея на борту восемьдесят шесть пассажиров. Рыжеволосая Ева Нойберт — старшая стюардесса — чувствовала себя спокойно: в салоне первого класса не было ни одной американской миллионерши с выцветшей от возраста, невыносимого нрава болонкой и непрерывных по этой причине вызовов. Из VIP[1] на борту находился один-единственный пассажир — моложавый и вежливый швед, заместитель министра. Он в первую же минуту полета попросил бутылку минеральной воды, разложил на столике бумаги, которые достал из видавшего виды портфеля, и уткнулся в них. Все, что ему требовалось,— время от времени менять пепельницы.

Население туристского класса также не предвещало особых хлопот. Человек девять похожих, как близнецы, финских инженеров. Летят куда-то за Урал монтировать оборудование для производства бумаги. В Москве у них пересадка на самолет Аэрофлота. У всех девятерых в багаже складные алюминиевые лыжи и еще какое-то спортивное снаряжение.

Двадцать голландских девушек-школьниц под присмотром двух учительниц. Летят на месяц в СССР для практики в русском языке. Счастливо щебечут, словно волнистые попугайчики в вольере зоомагазина. И такие же пестрые. Хорошие девочки, правда, придется убрать за ними вороха оберток от чуингама и леденцов.

Еще одна группа — двадцать три советских туриста. Возвращаются домой. С этими никогда никаких хлопот не бывает. Редко кто попросит стакан содовой. В прошлом рейсе один молодой русский полчаса с самым серьезным видом морочил ей голову, просил по-английски назначить ему свидание в Москве. Шутил, конечно, но весело и необидно. Жаль немного, что шутил. Она-то знает, что русские носят обручальные кольца не на левой, а на правой руке. У этого веселого тоже было на правой. В ее стране он мог бы сойти за вдовца.

Остальные пассажиры в туристском салоне были друг с другом уже никак не связаны. Рейс короткий. Подавать обед не придется. Все как обычно. Спокойно. Без хлопот. Без чрезвычайных происшествий.

Чрезвычайное все же случилось. В туристском классе, на местах 14а и 14в, где сидели две симпатичные русские дамы. С ними стало плохо. Позвонила соседка — с 14с. Тоже русская.

Поначалу Еве Нойберт показалось, что у пассажирок обычное недомогание от воздушной болезни. На реактивных самолетах это теперь редкость, но все же иногда случается. Она принесла нашатырный спирт, гигиенические пакеты. Потом раздавила пластиковые флаконы с патентованным средством, помогающим при обмороках. Пока возилась с тампоном, у пассажирок появилась икота, они резко побледнели, на лбу выступил обильный пот.

Срочно запросили по радио Стокгольм, Копенгаген и Москву. Медицинские специалисты не смогли по скудости симптомов подсказать ничего путного. Учитывая, как быстро развились у обеих женщин угрожающие признаки, предложили немедленно совершить посадку на ближайшем аэродроме.

Ближайшим портом была Рига.

В рижском аэропорту международный лайнер уже ожидала карета «Скорой помощи». Рослые блондины с красными крестами на белоснежных шапочках, сопровождаемые не проронившим ни одного слова офицером-пограничником, вынесли из самолета уже потерявших сознание пассажирок.

Никогда в жизни Ева Нойберт их больше не увидит, только прочитает коротенькую заметочку в газете, когда вернется домой, что стало с двумя русскими женщинами позже. Никогда не забудет она этого чрезвычайного происшествия еще и потому, что ей придется, и не раз, давать по этому поводу показания уже и своей уголовной полиции.

...Автомобиль «Скорой помощи» с включенной сиреной мчал, не снижая скорости на мгновенно перекрываемых перекрестках, по улицам вечерней Риги. Опытные, видавшие на своем веку всякое врачи «Скорой», не теряя ни одной секунды, тут же, в «амбулансе», начали работать.

В приемный покой клинической больницы пострадавших доставили минут через сорок после появления у них первых признаков непонятного заболевания. Над спасением женщин, по-прежнему не приходящих в себя, работала лучшая бригада врачей под руководством заведующей отделением Марты Эмильевны Спаре и главного реаниматора клиники Игоря Викторовича Калины. Коллеги, коротко обменявшись соображениями, единодушно пришли к выводу, что причина неожиданного и грозного приступа у обеих снятых с самолета женщин — неизвестное отравляющее вещество.

Срочно вызванные в клинику эксперты — специалисты из Рижского медицинского института — никакой ясности в диагноз внести не сумели. Ничего не дали и анализы. Ни один лаборант в своей практике или в литературе с загадочным ядом не встречался.

Через два часа одна из женщин скончалась. Вторую усилиями врачей удалось из коматозного состояния вывести. Самолет с другими пассажирами, задержанный в аэропорту, смог продолжать полет до Москвы. Места снятых пассажирок заняли настороженные врачи. Они сидели, не отрывая рук от служебных саквояжей, в нарушение правил поставленных на колени, и не спускали глаз с притихших пассажиров. Впрочем, ничего тревожного в самолете больше не произошло, и медицинская помощь никому из туристов не потребовалась.

В Риге тем временем, еще до того как протокол о смерти в результате отравления был подписан, приступила к исполнению своих обязанностей старший следователь городской прокуратуры Эрна Альбертовна Крум. Крум начала с того, что установила личности отравленных. Погибшей оказалась Инна Александровна Котельникова, сорока двух лет, русская, замужняя, гражданка СССР, постоянно проживавшая в Москве. Второй жертвой была Юлия Николаевна Ларионова, пятидесяти двух лет, разведенная, также проживавшая в Москве.

И Котельникова и Ларионова работали в редакции одного и того же журнала, издаваемого в Москве Советом научно-технического общества. Котельникова заведовала отделом, Ларионова была заместителем главного редактора. Обе они входили в состав советской специализированной туристской группы, возвращающейся на Родину после двухнедельного пребывания за рубежом. Ранее никто из туристов ни Котельникову, ни Ларионову не знал, все они перезнакомились между собой уже во время поездки.

Эрна Альбертовна Крум была превосходным знатоком своего дела, но понимала, что расследовать этот необычный случай до конца ей скорее всего не дадут. Так оно и оказалось. Ввиду того, что по заключению врачей советские гражданки получили яд не менее трех часов назад, то есть еще находясь за границей, дальнейшее расследование дела было передано в Комитет государственной безопасности Латвийской ССР. Сообщили о случившемся и в Главное управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР.

В одиннадцать часов утра следующего дня Эрна Альбертовна Крум встретилась с майором государственной безопасности Эвалдом Густавовичем Лусисом, которого много лет назад знала еще под именем Хитрый Эвалд. Оба они тогда были студентами Латвийского государственного университета, и Лусис считался звездой волейбольной команды юридического факультета. Его коварные удары с четвертого номера и принесли ему почетное прозвище. Оба они — и Крум и Лусис — имели хорошую репутацию на службе. При редких, случайных встречах они охотно вспоминали былые университетские годы, интересовались здоровьем супругов и детей, но никогда не говорили о том, чем занимались повседневно теперь.

Как и Крум, Лусис в вещах Ларионовой и умершей Котельниковой решительного ничего, что могло бы привлечь внимание, не обнаружил. Обычный багаж женщин, отправляющихся в короткую туристскую поездку за рубеж, обычные, сделанные там на скромную валюту покупки и сувениры. Лусис приметил только, что в чемоданах Котельниковой и Ларионовой были платья разного фасона и цвета, но из одной и той же, очевидно, очень дорогой ткани, которая в СССР не производилась и не продавалась (это установили консультанты, специально приглашенные из Министерства торговли). Платья были явно только что сшиты, их еще ни разу не надевали. Фирменных этикеток на платьях не имелось. Майор Лусис пригласил к себе Велту Меншикову — ведущего модельера знаменитого Рижского Дома моды. Только взглянув на вещи, Велта уверенно заявила, что платья сшиты на заказ в одном из лучших европейских салонов. Должны стоить больших денег там, на Западе... Нет, ошибки быть не может.

Полностью повесть будет опубликована в Воениздате.

[1] Аббревиатура, ставшая международной: very important person — очень важное лицо (англ.).

Разве товарищ майор не видит эти линии?

Ничего особенного в таинственных линиях Лусис не узрел, но услышанное произвело на него впечатление. Сомневаться в авторитете Велты не приходилось — она была всесоюзной знаменитостью, о чем майор неоднократно слышал в определенном контексте от собственной жены. Взвесив некоторые соображения, он спросил Меншикову, у кого в той стране, где были в поездке Ларионова и Котельникова, могли быть сшиты платья. (Разумеется, фамилии этих женщин, равно как и повод, по которому вообще потребовалась консультация, не сообщил.)

Не задумываясь, Меншикова уверенно ответила:

— Там? Дукс, Дальберг или Розенкранц. Больше некому.

Тут же Лусис получил краткую, но исчерпывающую характеристику названных владельцев салонов дамской моды, а также их адреса.

Опросить Юлию Николаевну Ларионову майор в этот день не сумел, так как женщина все еще находилась в забытьи.

За два часа, что самолет стоял в рижском порту, Крум вместе с дежурным инспектором уголовного розыска успела переговорить с несколькими туристами. Римма Вадимовна Маркина из Харькова, занимавшая кресло 14с рядом с Котельниковой и Ларионовой (это она подняла тревогу, когда тем стало плохо), твердо помнила, что никто из них ничего, кроме предложенных стюардессой конфеток, после старта в рот не брал. Оставшиеся конфетки, как и обертки от съеденных Котельниковой и Ларионовой, изъяли и подвергли химическому анализу. Никакого яда обнаружено не было. Впрочем, Крум на это всерьез и не рассчитывала.

Маркина сообщила также, что вроде бы видела своих соседок в аэропорту отправления в обществе переводчицы туристской фирмы «Евротур» госпожи Дарьи Нурдгрен, которая обслуживала группу в поездке по стране. Другие пассажиры подтвердили, что они также видели, как Ларионова и Котельникова о чем-то оживленно беседовали с Нурдгрен, которую, впрочем, все, кто был в группе, называли запросто Дарьей Егоровной — по просьбе ее самой. К разговору этому, к сожалению, никто не прислушался, так как в последние минуты перед посадкой в самолет каждый был занят своим делом. Однако два пассажира настаивали на том, что видели, как Ларионова, Котельникова и Дарья Егоровна что-то пили в баре зала ожидания: не то кофе, не то какой-то прохладительный напиток. Это уже была хотя и слабая, но зацепка. Экспертиза следов алкоголя в крови обеих женщин не обнаружила, кофеин же в незначительном количестве присутствовал. Значит, они пили в баре действительно кофе. Можно было быть уверенным также, что использованная посуда в баре давно прошла через мойку-автомат и теперь уже неотличима от десятков других чашек.

Управление «Интуриста» немедленно оповестило обо всем случившемся фирму «Евротур», с которой было связано взаимным обслуживанием туристов много лет. Директор-распорядитель «Евротура» господин Рольф Окс был потрясен и глубоко расстроен. Кроме того, он понимал, какой удар мог быть нанесен престижу старой, уважаемой фирмы в результате трагического инцидента. Директор-распорядитель принес «Интуристу» глубокие соболезнования от имени правления фирмы и себя лично по поводу гибели госпожи Котельниковой и тяжелой болезни госпожи Ларионовой.

В отчете о работе фирмы с группой, в которую входили Котельникова и Ларионова (копия-ксерокс была немедленно переслана «Интуристу» директором-распорядителем «Евротура»), ничего примечательного не оказалось. Обычная поездка по обычному маршруту — столица, еще два города, замки, музеи, памятники, природные достопримечательности, снова столица. Одни и те же отели и рестораны, стандартное меню и программа развлечений. Никто из туристов ни на что не жаловался, врача ни к кому не приглашали. Походной аптечкой в автобусе также никто не пользовался.

Гид-переводчик Дарья Нурдгрен не является постоянным сотрудником фирмы «Евротур», сообщил далее господин Окс, ее привлекают к работе лишь летом, когда бывает наплыв иностранцев. Фирма «Евротур» знает госпожу Нурдгрен много лет и считает ее человеком, заслуживающим полного доверия. Свои обязанности гида-переводчика госпожа Нурдгрен всегда выполняла исключительно добросовестно и корректно, никаких претензий в отношении ее никогда не поступало. Она владеет несколькими языками, в том числе и русским, который является ее родным языком.

Директор-распорядитель Рольф Окс заключал пространный телекс выражением искренней надежды, что горестное событие не отразится на дальнейших деловых отношениях между фирмой «Евротур» и «Интуристом». Он заверял «Интурист», что возможные расходы после соответствующего заключения страховых обществ обеих стран будут незамедлительно оплачены.

Представитель «Интуриста» Юрий Иванович Козлов, как выяснилось, хорошо знал госпожу Нурдгрен — не раз встречался с нею на протяжении трех лет своего пребывания в этой стране, тоже называл ее Дарьей Егоровной. Он подтвердил все, что сообщил в своем телексе директор-распорядитель «Евротура».

Фирма по своей инициативе устроила встречу Козлова с Нурдгрен. Дарья Егоровна была совершенно ошеломлена трагической историей. Она рассказала, что, как обычно, загодя приехала в аэропорт со всей группой. Госпожу Котельникову и госпожу Ларионову она, конечно, знала, но ничем из числа других туристов не выделяла. Называла, разумеется, по имени-отчеству. Но это уже особенность чисто профессиональной памяти: ей достаточно один раз прочитать список группы туристов, чтобы запомнить все имена, фамилии и не путать. Потом забудет, но до конца работы с данной группой не ошибется ни разу. Дарья Егоровна подтвердила, что в прощальной суете они втроем, действительно, выпили по чашечке кофе в «эспрессо». Платила она, потому что у туристок, естественно, денег уже не было ни копейки. Она так выразилась по-русски: ни копейки.

...На следующий день майор Лусис смог наконец опросить пришедшую в себя Ларионову. Юлия Николаевна была еще очень слаба, и врачи разрешили майору говорить с ней не более десяти минут, причем категорически запретили даже упоминать о смерти Котельниковой.

В одноместной палате усиленной терапии Эвалд Густавович увидел очень красивую, яркую блондинку, выглядевшую еще весьма молодо (именно молодо, а не моложаво) даже сейчас, в критическом состоянии. У Юлии Николаевны, когда она пришла в сознание, ничего не болело, она только чувствовала странную легкость и слабость во всем теле. Ничего из того, что произошло за минувшие сутки, она не помнила — полный провал. Последнее воспоминание — ей стало как-то нехорошо в самолете. Кажется, закружилась голова, кажется, она с кем-то говорила. Нет, болей вроде не было. А что было? И где она?

В серых глазах Юлии Николаевны мелькнул испуг. Она попыталась встать, ей мягко помешали, уговорили лежать, попросили не волноваться. Какая-то женщина в хрустящем белом халате (это была заведующая отделением доктор Спаре, не спавшая уже более суток) по-русски, но с акцентом сказала ей, что в полете она заболела, самолету пришлось из-за этого приземлиться в Риге, где она сейчас и находится в лучшей больнице.

Больная бессильно сомкнула веки.

— Вам придется немного подождать,— сказала доктор Спаре Лусису, тоже облаченному в накрахмаленный белый халат и такую же шапочку.— Сейчас она должна чуть-чуть отдохнуть, осознать, что с ней произошло.

Вторично раскрыв глаза, Юлия Николаевна смогла разглядеть, что она лежит на больничной койке в небольшой светлой комнате, заставленной непонятными аппаратами и приборами, где, кроме нее, находятся еще двое людей в белых халатах: женщина, чей голос она слышала, и мужчина. Между собой они говорили не по-русски, Юлия Николаевна сообразила, что, должно быть, по-латышски. Ну конечно же, по-латышски. Ведь она в Риге.

Мужчина, уловив, что Ларионова смотрит на них, мягко улыбнулся и сказал ей:

— Здравствуйте. Вы слышите меня?

Больная попыталась кивнуть. Получилось плохо, но майор понял, что его слышат, обрадовался и тоже закивал.

— Я доктор Лусис,— сказал он.— А это доктор Спаре, ваш лечащий врач.

Ларионова снова дала понять, что все расслышала. Лусис продолжал говорить — медленно, с расстановкой.

— У нас есть подозрение, что вы съели что-то недоброкачественное и отравились.

Юлия Николаевна все хорошо разобрала. Господи, отравление! Врач, убедившись, что его поняли правильно, задал первый вопрос:

— Нам очень важно знать, когда именно в последний раз вы ели или пили что-нибудь. Что это была за пища, что за питье? Постарайтесь вспомнить все как можно точнее, в деталях, каждую мелочь. Хорошо?

Ларионова к этому моменту чувствовала себя, как ей, во всяком случае, казалось, совсем хорошо. Ее ничто не беспокоило, но она ни секунды не сомневалась, что врачу это действительно нужно знать, ведь он отвечает за нее, должен лечить дальше. Каким-то чужим, ватным голосом она стала рассказывать о событиях последнего дня за рубежом, едва не ставшего последним и в ее жизни:

— Мы завтракали за два часа до отъезда на аэродром в отеле «Эксельсиор». Обычный европейский завтрак. Омлет, масло, клубничный джем. Знаете, эти их порции в пластиковых баночках, один раз намазать... Еще был сыр, два кусочка. Потом предложили чай и кофе. Я пила кофе. Еще выпила бутылочку белого тоника, без сока. Кажется, все...

— Кто сидел с вами за столом?

— Нас было четверо, как всегда. Моя приятельница Инна Котельникова и две женщины из Тулы. У меня в сумочке есть их адреса. С ними что-нибудь случилось?

— Нет, с ними ничего не произошло (Лусис, понятное дело, имел при этом в виду двух женщин из Тулы), пострадали только вы... А теперь постарайтесь вспомнить: ели вы что-нибудь после завтрака? Не покупали конфеты или, допустим, жевательную резинку?

— Нет, ничего. Последние деньги я израсходовала еще вечером. Оставила только одну бронзовую монетку, очень красивую, как сувенир...

— После завтрака у вас не было необычных ощущений во рту или желудке?

— Нет...

Лусис чувствовал, что до сих пор по крайней мере ему говорили правду. Он вопросительно посмотрел на Спаре. Врач — также взглядом — дала понять, что в его распоряжении есть еще несколько минут. Он продолжал опрос.

— В самолете вы что-нибудь ели?

— Ничего... Впрочем, если это только можно назвать едой, я сосала, когда взлетали, конфетки, что дают в самолетах. Кисленькие такие. Я съела одну или две.

— Вы курите?

(В сумочке Ларионовой была американская газовая зажигалка «ронсон» с изображением золотой птички.)

— Немного.

— Перед взлетом вы курили?

— Нет... У нас с приятельницей кончился запас сигарет, денег уже тоже не было...

Лусис вел опрос тщательно, стараясь ничего не подсказывать больной, ничего не навязывать. Но и не упуская ничего из сказанного ею.

— Больше вы ничего не можете сообщить мне?— задал он последний вопрос, дав понять, что собирается уходить.

Юлия Николаевна задумалась.

— Подождите, я должна вспомнить.

Несколько секунд она лежала, закрыв глаза, припоминая, видимо, весь ход событий того дня. Потом безразлично сказала:

— Да, конечно. Еще я пила кофе, но ведь им нельзя отравиться. Перед самой посадкой в самолет. В баре «эспрессо».

— Сколько кофе вы выпили?

— Один или два глотка. Чашечки были крохотные.

— Вам его предложил кто-то?

— Да. Мы стояли с Котельниковой в зале, ждали, когда объявят посадку. К нам подошла

проститься наша переводчица Дарья Егоровна. Очень приятная дама, из русских. Мы поговорили о чем-то. Знаете, женские пустяки. Потом она предложила на ходу выпить по чашечке кофе. Я не хотела, но было неудобно отказываться. А что? Или вы думаете...— Она не договорила. В красивых серых глазах мелькнул страх.

Лусис поспешил успокоить Ларионову:

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Я ничего такого не думаю. Просто нам нужно поставить правильный диагноз, а картина пока что не совсем ясная. Анализы ничего не дают. С вами раньше ничего похожего не приключалось?

— Никогда.

— Тогда у меня пока все. Поправляйтесь, набирайтесь сил. Думаю, что теперь вам уже ничего не грозит. Дня через три-четыре вы сможете вернуться в Москву. Кому нужно сообщить, что вы у нас, чтобы не волновались?

— У меня никого близких нет,— с едва заметной горечью сказала Ларионова.

— Извините... До свидания.

С этими словами Эвалд Густавович Лусис вышел из палаты. Он узнал, что ему нужно было узнать. По крайней мере на данном этапе расследования.

В коридоре, прощаясь с Мартой Эмильевной, Лусис сказал:

— У меня к вам просьба, доктор, даже две. Первая — немедленно позвоните мне, если в состоянии больной произойдет ухудшение.— Он быстро набросал на листочке из блокнота номер своего телефона и протянул Спаре.— Вторая — ничего и никому не говорите о пациентке, на ваших пятиминутках о ней также не докладывайте. Если что-то потребуется, обращайтесь прямо к главному врачу. Предупредите об этом также других врачей и сестер, которые будут соприкасаться с Ларионовой до ее полного выздоровления.

— Понимаю вас...— Доктор Спаре уже имела дело с такими пациентами, которых при смерти доставляла «Скорая» и которыми впоследствии занималась милиция. В этих случаях ее тоже предупреждали о необходимости соблюдать молчание. Могли бы и не предупреждать, у медиков тоже есть такое понятие, как «врачебная тайна»...

Дело о смерти Инны Александровны Котельниковой и об отравлении Юлии Николаевны Ларионовой было из КГБ Латвии переслано в Москву, в Комитет государственной безопасности СССР.

Московские чекисты быстро установили, что ни с какими секретными материалами ни Инне Котельниковой, ни Юлии Ларионовой по служебному положению дела иметь не приходилось. Статьи ученых, которые проходили через их руки, всегда касались только открытых тем. В редакции журнала хранились оригиналы как опубликованных, так и непошедших статей за много лет. Все они были в должном порядке, со всеми необходимыми подписями, заключениями, рецензиями, отзывами и визами. Большинство из них давно устарело.

ГЛАВА II

В последнее время у генерала Ермолина появилась новая привычка: выкраивать от обеда минут пятнадцать — двадцать, чтобы заглянуть в известный всей Москве букинистический магазин «Книжная находка» на холме, возле памятника первопечатнику Ивану Федорову. Владимир Николаевич хорошо помнил еще знаменитые книжные развалы на довоенном Литейном в Ленинграде. Какую библиотеку можно было собрать в те времена! Увы, на скромную стипендию студента ЛГУ и тогда разбежаться было трудно, хотя цены даже на редкие книги по сравнению с нынешними, периода подписного и «талонного» бума были еще божескими. За пять лет учения, правда, кое-что он собрал, но все сгорело при блокадной бомбежке. Теперь у Ермолина денег было куда больше, но интересные книги встречались куда реже.

Перелистывание старых книг доставляло Владимиру Николаевичу своеобразное удовольствие, переключало мысли, давало короткий, но такой нужный порой эмоциональный отдых. Продавцы «Книжной находки» быстро привыкли к высокому, подтянутому мужчине, уже с изрядной сединой в густых волосах, как завсегдатаю показывали иногда настоящие раритеты. Кое-что он покупал.

Сегодня Ермолина не вывела из тревожного состояния даже книга воспоминаний Вл. Ив. Немировича-Данченко, за которой он давно охотился и наконец поймал.

Бывают такие дела — внешне малоинтересные, прямо-таки скучные. Только огромный опыт позволяет угадывать за их внешней банальностью неожиданные и весьма серьезные повороты. Вот так насторожило Ермолина и пришедшее из Риги дело о смерти редактора отдела одного из московских журналов Инны Александровны Котельниковой. Насторожило какой-то определенной внутренней завершенностью, что мешало принять в общем-то имеющую право на существование версию о случайном отравлении неизвестным ядом. Нечаянно отравиться в нынешний век повсеместного распространения всевозможных продуктов бытовой химии и настоящей эпидемии самолечения подчас сильнейшими медицинскими препаратами не фокус. Но вот платья... Платья, сшитые на заказ в дорогом салоне. Такое может себе позволить актриса, приехавшая в европейскую страну на гастроли, или жена дипломата, но никак не скромная туристка. Да и не по-житейски это. Допустим, женщины имели какую-то неучтенную дополнительную валюту. В этом случае они наверняка истратили бы ее более рационально, не стали бы все вбухивать в одно платье. И еще, почему на платьях нет фирменных этикеток? По логике, это мог быть только подарок, причем не афишируемый, а, наоборот, тщательно скрываемый. Тогда возникают по крайней мере два вопроса: за что подарок, благодарность за какую услугу? И кто платил? Следом за этими двумя последует неизбежно

и третий вопрос: почему такой страшный финал?

Криминалистам хорошо известны уголовные дела, когда имели место убийства и без серьезных оснований, скажем, из хулиганских побуждений, в пьяной драке, по преступной неосторожности на охоте. Но если тут причастна чья-то вражеская разведка, то случайность исключается. Это непременно завершение какой-то сознательной акции.

Итак, смерть человека — Котельниковой и спасение второго — Ларионовой лишь огромными усилиями высококвалифицированных врачей с использованием самой современной реанимационной техники и новейших медикаментов. Видимо, по крайней мере одна из двух женщин — либо Котельникова, либо Ларионова — оказалась втянутой в клубок трагических событий. Каких — предстояло решить именно чекистам, поскольку обстоятельства дела, и главное из них — отравление случилось за границей, не исключали причастность к нему иностранной разведки.

С этими мыслями Ермолин и вернулся в свой кабинет, снова раскрыл и просмотрел страницы пока еще тощего «дела». В жизни обеих женщин нет ничего примечательного. Разве что во время войны муж Ларионовой работал довольно долго в США по приемке военных поставок. Он военный инженер, хороший специалист с безупречной репутацией и большими заслугами. Тот факт, что он развелся с Юлией Николаевной, однако, не должен бросать тени на его бывшую жену. Брак мог распасться и по его вине и по причине сугубо интимного свойства, скажем, отсутствия детей.

Ермолин перечитал медицинское заключение. Нет, об инсценировании не могло быть и речи. Юлию Николаевну Ларионову буквально выдернули с того света, вернули к жизни благодаря исключительно эффективным мерам, предпринятым рижской «Скорой помощью». Помогло и редкостное природное здоровье женщины, пускай и не первой молодости.

У Инны Котельниковой в биографии вообще нет ничего такого, за что мог бы зацепиться взор самого осторожного и сверхбдительного инспектора отдела кадров. За границу выехала впервые, происхождение рабочее, не судилась, к следствию не привлекалась, на оккупированной территории даже ребенком не проживала, все остальное в том же роде. Даже не разводилась ни разу.

Самая загадочная личность в имеющемся пока треугольнике — Дарья Нурдгрен, в девичестве Дарья Егоровна Пантелеева, по национальности русская. Так значилось в официальной справке правления компании «Евротур».

Что о ней известно? Очень немногое. Сведений о связях Нурдгрен с антисоветскими эмигрантскими организациями нет. Можно только предполагать, что если она и имела какое-то отношение к иностранной разведке, то играла роль техническую, вспомогательную, являясь орудием в чьих-то более опытных, жестоких руках. В какой степени она причастна к отравлению, если это все-таки умышленное отравление? И кто в таком случае стоял за кулисами? Последний вопрос: кто из двух советских гражданок должен был стать жертвой, если не обе?

Ермолин захлопнул папку. Больше из нее ничего, кроме сомнений, не выжмешь.

Теперь надо подумать, кому из основных сотрудников поручить дело о гибели Инны Александровны Котельниковой.

Лукьянов и его подчиненные уже несколько месяцев заняты сверх головы. Они завершают трудное дело, расследование которого начато года полтора назад. Лукьянов — старый чекист, «пардону» не запросит, но отвлекать его не стоит.

Для Дербайсели эта папка тоже не подарок. Арчил хорош для дел, так сказать, рискованных, азартных. Человек заводной, бурного темперамента, он и сотрудников подобрал себе под стать. А тут надо копать на пустом месте, дотошно, кропотливо, еще неизвестно, что и когда выкопаешь. Затоскует Арчил на таком деле, не по его оно характеру.

Со вздохом Ермолин решил, что дело придется поручить полковнику Турищеву.

Григорий Павлович Турищев служил под началом Ермолина восьмой год, до этого работал на Украине. Был исполнителен, работоспособен, как вол, терпелив в такой же мере, добросовестен и до чрезвычайности прямолинеен.

Где-то Ермолин вычитал, что Эрнест Резерфорд имел у своих молодых учеников прозвище Крокодил. Потому что крокодил якобы способен по своей анатомии двигаться только в одном направлении — вперед. Отступить назад он просто не может. Турищев тоже мог бы иметь это прозвище. Но у великого физика оно было олицетворением безостановочного прогресса науки, у полковника же Турищева — стилем работы.

Ермолин нажал кнопку внутреннего переговорного устройства. Помощник отозвался тотчас же:

— Слушаю вас, Владимир Николаевич.

— Пригласите ко мне Турищева, Лукьянова, Дербайсели, Кочергина и Невского.

На оперативном совещании генерал Ермолин сообщил о загадочном отравлении Котельниковой, о гиде «Евротура» Дарье Нурдгрен, о материалах, полученных по этому делу из КГБ Латвийской ССР.

Ермолин обратился к сотрудникам с просьбой: обо всем, что случайно или косвенно станет известным об упомянутых лицах и вообще о факте отравления Котельниковой, докладывать лично ему.

Генерал поделился мыслью, которая, конечно, известна чекистам, но в данном случае она, возможно, будет рабочей.

Противник раз за разом терпит крах в своей подрывной деятельности. Но это не останавливает его. Он продолжает работать грубо и нахально, идя напролом. Так, может быть, Котельникова и Ларионова отказались от каких-то предложений, узнав о враге больше, чем следовало? А возможно, стали тем редким исключением, переступили какую-то черту, а потом испугались?

— Но не будем раньше времени подозревать в чем-либо ни покойницу, ни ее подругу. Прошу изложить ваши предложения.

— Надо срочно побеседовать с Ларионовой. Она уже выписана из больницы и находится дома.

— Спасибо, Григорий Павлович, так и сделаем,— согласился Ермолин со своим заместителем Турищевым.

— Я мог бы связаться с родными Котельниковой — матерью, мужем и его родителями,— предложил майор Невский.

— Даже необходимо.

— Об этих портняжных заведениях можно навести справки у наших модельеров. Они сами часто выезжают за границу со своими коллекциями, а иностранные владельцы салонов мод — частые гости у нас,— сказал Кочергин.

— Железная логика.— Ермолин чему-то улыбнулся.— На вас еще нет обручального кольца, Анатолий Дмитриевич, вот вы и займитесь этим. Женщины и девушки в Доме моделей с вами будут более откровенны.

— Смотри не влюбись, Толя,— шутя предупредил капитана полковник Дербайсели.— Девушки там одна красивей другой.

Все с улыбкой восприняли эту реплику.

Поступили другие предложения. Генерал подытожил их, уточнил, определил порядок проведения мероприятий. Ответственным за их выполнение назначил полковника Турищева, как своего заместителя, в помощь ему выделил майора Невского и капитана Кочергина.

Сотрудники знали, что Ермолин уже сам наметил план действий. Однако он старался не навязывать его исполнителям, наоборот, считал своим долгом советоваться с ними и только после этого с присущей ему точностью и краткостью формулировал задачи, давал задания. Такой стиль работы будил инициативу оперативных работников, органически включал их в дело.

Итак, группа чекистов подразделения генерала Ермолина приступила к выполнению плана действий.

Ермолин взглянул на часы — 16.50. Вызвал помощника.

— Алексей Васильевич, через десять минут ко мне придет профессор Эминов. Встретьте его, пожалуйста, в вестибюле и проводите ко мне. Я буду занят с ним примерно час. Не соединяйте ни с кем, кроме руководства. Сотрудников со срочными делами адресуйте к Лукьянову.

Профессор Курбанназар Эминович Эминов занимал ответственный пост в Академии наук СССР, где ведал координацией научных исследований. Из всех постоянных посетителей теннисного корта Дома ученых он один знал, что играющий по первому разряду в группе старшего возраста Владимир Николаевич не преподает философию в каком-то вузе, а служит в органах государственной безопасности.

Когда-то оба они были студентами, а затем аспирантами Ленинградского университета. Владимир Ермолин учился на историческом факультете, а Курбанназар Эминов — на физическом. Познакомились они на корте, потом подружились, некоторое время даже жили в одной комнате студенческого общежития (оба были иногородними). В тридцать девятом году Ермолин неожиданно для себя был командирован партийными органами на работу в Народный комиссариат внутренних дел, но диссертацию по германской классической философии незадолго до войны он все же защитил.

Несколько дней назад, прощаясь после игры возле станции метро «Кропоткинская», профессор сказал:

— Знаешь, Владимир Николаевич, возникли тут у меня по одному делу кое-какие сомнения. Хотел бы ошибиться, но боюсь, что это по твоей части.

— Что именно?

— Рассказывать долго, да здесь вроде и не место. Ты мог бы уделить мне час, ну, скажем, в пятницу?

— Хорошо, Курбанназар. Значит, в пятницу. В семнадцать ноль-ноль тебя устроит?

— Вполне.

— Договорились. В вестибюле тебя встретит мой помощник.

Эминов пришел точно. Времени тратить не стал, сразу приступил к делу.

— Понимаешь, Владимир, у нас стали происходить странные вещи. Наши ученые успешно работают над оригинальным, очень эффективным методом замораживания крови. Метод обеспечивает долгую сохранность крови с сохранением всех свойств живой жидкости. Мы были абсолютно уверены, и с полным основанием, что за рубежом наш метод неизвестен. И вдруг...— Эминов на мгновение умолк. По всему чувствовалось, что договаривать ему крайне неприятно. Ермолин молча выжидал.— И вдруг за границей появляются в специальной литературе, а затем и в массовых изданиях сообщения, из которых следует, что там, словно по волшебству, появился на пустом месте такой же метод замораживания крови и кое-что другое, скажем, сверхпрочный клей, которым можно хоть мосты склеивать.

— Совпадения быть не может?— уточнил Ермолин.

— Совершенно исключено! Все до мелочей наше! Даже недоработки и отдельные ошибки, исправленные в последний момент.

— Метод, насколько понимаю, имеет большое значение?

— Ты имеешь в виду замораживание крови? Конечно! Экономический урон мы уже понесли немалый. Патентов нам не видать, лицензий тоже не реализовать. Я уже не говорю о приоритете. Пойди докажи его теперь...

Владимир Николаевич задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Ладно, попробуем разобраться. Материалы какие-нибудь принес?

— Принес, здесь все необходимое.— Эминов протянул довольно объемистую папку.

Друзья простились, и профессор ушел. Ермолин оценивающе взвесил на ладони оставленные документы и положил их в сейф. Потом перевернул страничку календаря и пометил на понедельник: Эминов — Лукьянов.

Через два дня после похорон Инны Котельниковой на Головинском кладбище майор Виктор Андреевич Невский встретился с ее мужем и матерью.

На третьем этаже нового дома по Беговой улице Невскому отворил дверь худощавый,

А. Поленов. Род. 1954. НЕЗНАКОМКА.

В. Лукьянец. Род. 1938. СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА.

спортивного сложения мужчина лет сорока пяти с осунувшимся лицом и тусклыми от горя глазами. Это и был Игорь Алексеевич Котельников, кандидат технических наук, старший научный сотрудник крупного научно-исследовательского института. Майор уже знал, что Котельников давным-давно мог защитить докторскую диссертацию, но все откладывал, так как много времени и сил уделял практическому внедрению своих разработок на предприятиях отрасли (институт был не академический, а отраслевой).

Из прихожей Невский прошел в большую светлую комнату, служившую одновременно гостиной, столовой и рабочим кабинетом хозяина. Две стены были сплошь заставлены книжными полками. Часть книг специального характера, но хватало и художественной литературы, причем хорошо подобранной, и книг по искусству. Вся остальная обстановка — по привычному московскому стандарту: тахта, сервант с хрусталем и безделушками, торшер, телевизор, большой письменный стол в углу. На стенах — несколько гравюр. Правда, непременный эстамп с бородатым Хемингуэем отсутствовал. Дверь во вторую комнату была приоткрыта, в проеме виднелся угол деревянной кровати.

Задержав взгляд на письменном столе, Невский как бы невзначай спросил:

— Я не оторвал вас от работы?

Котельников поднял на майора припухшие, воспаленные глаза. Ответил тихо, исчерпывающе:

— Работу на дом не беру. Не полагается... Стол жены. Серьезные материалы она предпочитала править дома. В редакции тесно да и отвлекают.

Похоже, Котельников действительно был не только крупным, но и дисциплинированным специалистом, хорошо понимающим, что к чему, где можно, а где не стоит заниматься служебными делами. Именно так и отзывались о нем в институте.

Невский деликатно произнес несколько слов соболезнования, но попросил все-таки Котельникова рассказать по возможности подробно о покойной жене.

— Что я могу вам сказать? Женаты десять лет. Детей не имеем, так уж вышло...— Голос его чуть дрогнул.— Материальное благополучие полное. Вот предложили через институт купить автомобиль, да мы отказались.

— Почему? — удивился Виктор Андреевич.

— При нашем обслуживании одна морока. А Инна считала, что глупо вкладывать тысячи в железо на колесах только для того, чтобы выглядеть не хуже других. Она говорила, что за гораздо меньшие деньги можно без всяких хлопот до конца дней ездить на такси...— Губы Котельникова тронуло слабое подобие улыбки.— И еще... Может смешным показаться, но Инне не нравилось, что автомобиль называется во множественном числе — «Жигули». Всегда дразнила одного нашего приятеля: «Ты на чем приехал?» «На Жигулях». «А сколько их у тебя?»

— А ведь верно подметила супруга ваша,— удивился майор.— И заметьте, что в народе эту несуразицу подметили, никто не говорит «Жигули», все больше «жигуленок».

Мимолетный разговор на автомобильные темы сломал ледок некоторой отрешенности Котельникова, и Невский смог перевести беседу в интересующее его русло. Про себя, однако, отметил, что Котельникова была человеком наблюдательным и с острым умом.

— Жена вам не звонила из-за границы? — спросил он.

— Нет. Инна была женщиной без сантиментов. Предупредила, что это очень дорого.

— Дорого, это точно,— подтвердил майор.— Но, может быть, открытку прислала? Знаете, с видами?

— Нет. Инна писать не любила. Когда я уезжал в командировки, то звонил домой, а писать у нас не было заведено.

— С кем дружила ваша жена?

— Только с этой дамой, которая втянула ее в поездку,— Ларионовой.— В словах Котельникова проскользнула явная неприязнь, и Невский про себя это отметил.— У нас бывали по-семейному некоторые мои сослуживцы, приятели студенческих времен. Но ни с кем из них Инна так и не сошлась. Со своими же однокашниками она никаких отношений не поддерживала, даже на ежегодные встречи своего выпуска не ходила.

— Игорь Алексеевич,— сказал майор как можно мягче,— простите ради бога, но я должен вам задать тяжелый, может, даже странный вопрос. Вы уже знаете, что жена ваша скончалась в результате отравления, потому и открыто следствие. Как вы считаете, могли у нее оказаться причины для самоубийства? Случались ли с нею приступы меланхолии, стрессовые состояния?

(Версии о самоубийстве у Невского не было — она противоречила бы факту отравления и Ларионовой, но этот вопрос давал ему возможность получить представление о душевном состоянии Котельниковой, что было важно.)

— Да что вы! — с неподдельным изумлением воскликнул Котельников.— С какой стати кончать самоубийством в зарубежной туристской поездке? Это нелепо! Да и причин для этого у нее никаких не имелось. Инна была человеком сильным, без этих, знаете, фрейдистских завихрений, всяких там комплексов... Убивать ее тем более некому и не за что. Это могло быть только случайное отравление. С моей точки зрения, во всяком случае.

Извинившись за малоприятный, но, к сожалению, необходимый разговор, Невский ушел.

Встреча с матерью покойной — Павлой Игнатьевной, жившей в однокомнатной квартирке на Щелковском шоссе, которую она получила после сноса собственного домика, ничего нового майору не дала. Павла Игнатьевна оказалась сухопарой неразговорчивой женщиной неопределенного возраста, хотя и на пенсии, но крепкой, здоровья — дай бог каждому, с острыми чертами лица и поджатыми блеклыми губами. Говорила Павла Игнатьевна, осторожно подбирая слова, чтобы не сказать лишнего, то и дело ссылалась на плохую память, которая, по некоторым наблюдениям майора, на самом деле была у нее твердая и цепкая.

Невский быстро понял, что между матерью и дочерью уже много лет существовало определенное отчуждение, причины которого он установить, однако, так и не сумел. Павла Игнатьевна с Инной в последние годы встречалась редко, о предстоящей поездке дочери за границу даже не знала. С Ларионовой знакома плохо, но отозвалась о ней недобро. На вопрос: «Почему?» — ответила коротко и убежденно:

— Разведенка! А моя дочь была женщина семейная, не чета этой...

У Невского сложилось впечатление, что Павла Игнатьевна могла бы еще кое-что добавить к характеристике Ларионовой, но откровенничать с незнакомыми людьми было не в ее правилах.

Мало что дали сотрудникам КГБ и беседы с сослуживцами и соседями Котельниковых. То есть ничего, что смогло бы пролить хоть какой-то свет на ее неожиданную смерть.

Результаты вскрытия, произведенного в патологоанатомическом отделении рижской больницы, и дополнительные исследования, сделанные в Москве, в Институте судебной медицины, сводились к одному: смерть Инны Котельниковой произошла в результате отравления, вызванного действием неизвестного яда.

...Через неделю полковник Турищев попросил Ермолина срочно принять его по неотложному делу, что уже само по себе было явлением чрезвычайным. Слова «срочно» и «неотложное дело» в повседневном лексиконе Григория Павловича не числились.

Войдя в кабинет, полковник с некоторым, тщательно скрываемым, но все же заметным удовлетворением в голосе доложил:

— Важные новости, Владимир Николаевич. Мы навели справки об этих, как выразился Кочергин, трех портняжных заведениях. Установлено, что Нурдгрен долгие годы тесно связана с владелицей одного из них — некоей Елизаветой Дальберг. Дальберг в последние годы дважды приезжала в Советский Союз со своими моделями. Но и это еще не самое интересное.

— Что же?

— Елизавета Дальберг — родная сестра известного ученого Осокина...

Продолжение следует.

ТВОРИТЬ РАДИ СОВРЕМЕННОСТИ

театр

Нелегко работать режиссером периферийного театра. В городах с небольшим количеством жителей выпускается за сезон до восьми премьер. Недостаток времени на углубленную подготовку спектакля компенсируется энтузиазмом творческой группы, и в каком-то смысле трудности оборачиваются благом: они приносят богатый режиссерский опыт. Прежде всего это — постижение драматургии, очень разной.

Когда-то, будучи еще студентом, Степанцев начал постановкой сказки свою практику в Кировском театре; потом была комедия; за нею — трагедия Г. Лорки «Дом Бернарды Альбы» — спектакль, привлекший особое внимание зрителей и критики.

Здесь пора сказать, что в ту пору Степанцев уже не был новичком в сценическом искусстве. Коренной москвич, он увлекся театром в детстве; занимался в хороших, сильных драматических кружках. Это были годы воспитания вкуса, годы понимания театра. А потом Государственный институт театрального искусства имени Луначарского, занятия в классе М. О. Кнебель — известного режиссера и педагога...

Став главным режиссером Кировского областного драматического театра, Степанцев занялся формированием репертуара и осуществлением тех идейно-художественных задач, которые считал основными. И теперь можно с полным основанием говорить о его позициях.

На афише Кировской драмы ведущее место занимают произведения советских авторов. Театр ищет идейно значительную, художественно полноценную литературу, но, конечно, порой не обходится без компромисса. И все же главная особенность в подборе репертуара видна. Театр стремится найти свою драматургию, привести новое на сцену; нередко становится первым (или одним из первых) постановщиков. Так было, например, с пьесами О. Сосина «В четырех километрах от войны», А. Абдуллина «Правда памяти», инсценировкой романа М. Алексеева «Ивушка неплакучая».

Режиссера привлекает материал, на основе которого можно сказать зрителю нечто значительное, идя в глубину, разбираясь не только в явных, но и скрытых отношениях героев, движениях души. Его отличает, я бы сказал, почтительное отношение к автору, к литературе.

Молодой режиссер развил в себе особое творческое мышление, он решительно уходит от «бытовизма»; смысл его спектаклей воплощен в яркой, выразительной форме, при самом широком использовании театральных средств. Первое же место принадлежит актерам, активно участвующим в поисках оригинального решения вместе с режиссером... За эти годы артисты Е. Николаева, Н. Погоришная стали лауреатами Государственной премии РСФСР имени Станиславского; пришедшие в

Е. К. Степанцев.

Фото И. Гжельской

театр из училища В. Козюк и В. Мочалов — лауреаты премии комсомольской организации Кировской области.

Особый интерес режиссера к народной жизни сказался в спектаклях, где воспроизведена жизнь Советской страны, ее история. Это упомянутая уже «Ивушка неплакучая» М. Алексеева, драма В. Астафьева «Черемуха»; из того же ряда спектакли «Тринадцатый председатель» и «Правда памяти» А. Абдуллина... Что роднит эти большие сценические полотна? Яркие картины мужества, стойкости, верности идеалам. Воспроизводя историю, театр воспитывает у зрителя активную гражданскую позицию.

«Ивушку неплакучую» нужно особо отметить. Взявшись за инсценировку, Степанцев почувствовал, что зритель много потеряет, если воплотить на сцене лишь малую часть романа; и он поставил спектакль, который зритель смотрит в течение двух вечеров. Смелый эксперимент оправдал себя целиком. Дилогия идет уже в течение пяти лет, а недостатка в зрителях не бывает. Театр показал «Ивушку» в десяти городах. Показал и сельским зрителям. Везде — неизменный успех.

Вот что говорит о спектакле «Ивушка» автор романа М. Алексеев: «Е. Степанцев нашел оригинальный и немного рискованный ход. Он создал театральную дилогию. Мне кажется, это наиболее удачное сценическое воплощение «Ивушки». Степанцев не стал рвать произведение, ужимать текст. Актерам дал возможность подольше пожить с героями»...

За этот спектакль режиссеру Евгению Степанцеву присуждена Государственная премия РСФСР имени Станиславского.

Интересные работы создает Степанцев и когда ставит классику. «Власть тьмы» Л. Н. Толстого — спектакль о страшных судьбах людей дореволюционной деревни, о силе денег и ужасающего невежества... Зритель, конечно, ничего не «сравнивает». Но видит, понимает, какие огромные социальные преобразования произошли в нашей стране, как изменился человек, строящий новое общество.

К. ВЕРХОТИН

«Ивушка неплакучая». Е. Николаева в роли Фени и Н. Кислицына — Настя.

Фото И. Потемкина

ЛЕДОВ

И. Г. СТАРИНОВ

Автор этого очерка полковник в отставке Илья Григорьевич Старинов — участник гражданской войны, воевал против франкистских мятежников в Испании, от первого до последнего дня прошел всю Великую Отечественную. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени.

В сорок первом я был начальником отдела штаба инженерных войск Красной Армии. 14 декабря меня вызвал начальник инженерных войск генерал-майор Л. З. Котляр и приказал:

— Срочно сформируйте оперативно-инженерную группу для устройства минновзрывных заграждений на подступах к Ростову-на-Дону.

В группу вошло одиннадцать хорошо подготовленных командиров. Учитывая, что придется на месте заниматься изготовлением мин и, возможно, минированием в тылу противника, пригласил инструкторов и лаборантов из оперативно-учебного центра Западного фронта, в том числе и бывших командиров испанской республиканской армии во главе с командиром знаменитого 14-го партизанского корпуса Доминго Унгрия.

В Ростов мы прибыли 19 декабря. Оккупанты хозяйничали тут восемь суток, но их с треском вышибли наши войска. В тот же день я получил в свое распоряжение четыре отдельных саперных батальона, обстоятельно ознакомился с обстановкой на фронте, а затем приступил к разработке плана минновзрывных заграждений в полосе действия 56 армии.

Положение осложнялось тем, что во второй половине декабря начались сильные морозы, которые сковали толстым льдом дельту Дона и Таганрогский залив.

Разработанный нами план Военный совет армии утвердил с существенными дополнениями. Помимо минирования подступов к Ростову, нам приказали усилить инженерную оборону южного побережья Таганрогского залива. При этом основное внимание уделялось выкалыванию полыней на реках и в заливе.

Прибывший на место работ член Военного совета Южного фронта бригадный комиссар И. И. Ларин убедился лично, что искусственные полыньи не являются надежной преградой для врага. Ларин приказал, чтобы мы прикрыли противотанковыми и противопехотными минами места, возможные для прохода войск на берегах Таганрогского залива и Дона.

Решение, конечно, правильное. Но где взять столько мин? Пришлось идти к рабочим ростовских, новочеркасских, аксайских, азовских предприятий и просить их наладить производство мин. По нашим чертежам было изготовлено множество различных мин. Даже студенты университета занимались этим делом.

По опыту своей работы в Испании я предложил командарму на добровольных началах из числа саперов создать батальон минеров для действий в тылу врага.

Противник здесь не держал много войск, надеясь на ширину залива. Ударить по слабому месту, вынудить фашистов снять на северный берег залива как можно больше сил, сковать их на охране тыла — задача хотя и сложная, но выполнимая.

— Согласен,— одобрил мое предложение командарм.— Но на это нужна санкция командующего фронтом. Вы, кажется, знали генерал-лейтенанта Малиновского по Испании?

— Да,— подтвердил я,— только не как Малиновского, а как Малино.

И вот я в штабе фронта.

Выслушав мои соображения, Р. Я. Малиновский одобрил мысль об организации рейдов в тыл врага через лед Таганрогского залива. Он разрешил привлечь к этому партизан и воинов-добровольцев из приданных нашей группе саперных частей.

— Как поживают испанцы? — поинтересовался генерал.

— Работают инструкторами. Некоторые товарищи под Харьковом ходили на минирование. Просятся и здесь.

— А как холода переносят?

— Они уже привыкли к нашему климату. Чувствуют себя прекрасно. Ждут не дождутся начала действий в тылу врага.

— Пожелайте им от меня успехов. Желаю удачи! Действуйте! — сказал на прощание Р. Я. Малиновский.

Я возвратился из штаба фронта окрыленный. Вместе с начальником инженерных войск армии майором Е. М. Журиным мы провели совещание командиров и комиссаров саперных батальонов. На нем я рассказал о задачах, стоящих перед сводным батальоном. Отметил также, что вылазки в тыл противника связаны с преодолением огромных трудностей: длительные переходы по льду и покрытой снегом степи в ночное время, возможны и метели. Небольшая группа подрывников будет предоставлена самой себе.

Встал вопрос о командире и комиссаре сводного батальона. Наиболее подходящим оказался командир 522-го саперного батальона старший лейтенант Н. И. Маклаков.

Через несколько дней состав сводного батальона окончательно определился. Началась подготовка к рейдам в тыл врага через лед Таганрогского залива.

Кроме того, по просьбе Ростовского обкома партии мы организовали в городе Шахты специальный учебный пункт для партизан.

Офицеры-пограничники С. И. Казанцев, Т. П. Чепак, П. А. Романюк, Ф. И. Кузнецов, Н. А. Карпов, а также орловские комсомолки Мария Белова и Ольга Кретова занимались с минерами, готовя их для действий в тылу врага.

Связались мы и с первым секретарем Краснодарского крайко-

ЫЕ ПОХОДЫ

ма ВКП(б). Он выделил группу товарищей для обучения их ведению партизанской войны на тот случай, если враг вторгнется на территорию края. Среди краснодарцев, обучавшихся в оперативно-инженерной группе, оказались два будущих минера из знаменитого отряда П. К. Игнатова.

Впоследствии мы передали краснодарским партизанам большое количество минноподрывной техники, которую они использовали в борьбе с оккупантами.

Наша оперативно-инженерная группа подготовила более тысячи минеров-подрывников, половину из них обучили действиям в тылу врага.

В нашей лаборатории-мастерской успешно проходило испытание новых замыкателей замедленного действия. «Ростсельмаш» поставлял детали для мин и взрывателей, завод «Красный Аксай» отливал металлические корпуса для осколочных фугасов, а пожилые рабочие Ростовской фабрики роялей делали корпуса противотанковых и противопехотных деревянных мин.

Подрывникам предстояло проходить по льду, просачиваться во вражеский тыл и, выполнив задание, возвращаться по ледяному полю.

Как преодолевать десятки километров? На лыжах по льду далеко не уйдешь. Решили использовать сани.

Первый же учебный выезд обескуражил. Хотя кони и подкованы, но копыта у них разъезжались, а минеры, соскочившие с саней, скользили, падали... Тогда мы пошли на поклон к рыбакам. По их совету к санным полозьям сделали подрезы, которые вроде ножей резали лед и скользить не давали. Коней перековали на острые шипы. А к валенкам саперов приспособили бузлуки — нечто вроде подков, но с шипами. С бузлуками не только по льду пройдешь, но и на крутой берег вскарабкаешься.

Наше передвижение в дневное время могло быть обнаружено авиацией противника, поэтому мы сшили белые маскхалаты для бойцов и для лошадей.

Сложной проблемой оказалась связь. Но мы ее решили: в лаборатории нашлось достаточное количество разноцветных сигнальных спичек. Добыли карманные электрофонарики с цветными стеклами. Установили код.

Наконец, настал день, когда я доложил командующему армией, что спецбатальон готов к боевым действиям в тылу врага.

Вскоре мы прибыли в Ейск. Я тотчас связался с командующим Азовской военной флотилией контр-адмиралом С. Г. Горшковым. Мне предстояло договориться о взаимодействии нашего батальона с моряками.

Контр-адмирал одобрил идею походов во вражеский тыл, больше того, предложил привлечь к вылазкам и моряков.

В первый поход ушли три группы минеров во главе с командирами-пограничниками. Слегка мело. Я волновался, думал даже отложить вылазку, но местные жители успокоили, а бойцы так рвались к настоящему делу, что не было сил их удержать.

Упряжки тронулись и вскоре исчезли в снежной круговерти.

К вечеру небо заволокло свинцовыми тучами. Взвыл и заметался бешеный буран. Мы не спали всю ночь. Посты до утра дежурили на берегу.

Участники похода начали возвращаться под утро. Выяснилось, что буран разбросал людей.

Вот что рассказал лейтенант Т. Чепак:

— Группы двигались вместе, держа направление по азимуту. Давно скрылся из глаз берег, стало смеркаться. И тут замело! В мгновение мир сузился. Остались видны лишь сани да подрагивающие крупы коней. Потом ветер стал сносить сани с курса. Пришлось взять коней под уздцы. Позади осталось двадцать пять километров. Ветер валил с ног, опрокидывал сани. В полночь группам удалось добраться до торосов перед северным берегом. Решили передохнуть, надеясь переждать непогоду. Мы решили: самое трудное позади. Стали пробиваться к берегу, занятому врагом. Падая и поднимаясь, прошли еще около километра. У самого берега буран обрушился с новой силой, а в снежной мути взмыли осветительные ракеты. Поняв, что обнаружены, я приказал отходить.

Но эту неудачу мы пережили.

...Чтобы наносить удары по врагу непрерывно, чтобы не пропала даром ни одна зимняя ночь, минеры нашего батальона работали в три смены: пока одни совершали вылазку, другие готовились к выходу, а третьи отдыхали. Отдыхать, правда, приходилось недолго, но уж зато отдых — на славу. Рыбаки-колхозники из Ейска, Шабельска и Порт-Катона ежедневно доставляли минерам корзины свежей рыбы.

А сколько теплых перчаток и шерстяных носков связали они для нас! Забота одной колхозницы спасла испанца Канеля, который вернулся из похода обмороженным. Канеля немедленно отправили в военный госпиталь Ейска. Врачи считали, что необходимо ампутировать несколько пальцев на руках и ногах, но слух о несчастье молодого минера дошел до Шабельска. Узнала о беде солдата и пожилая колхозница Евдокия Ивановна Пусташева, в доме которой квартировало отделение Гарсия Канеля.

— Да чтобы такого парня изувечили! — запричитала она.— Да ни за что на свете!

Метнулась туда-сюда, запаслась в кладовушке крынками, бутылками, накинула тулупчик и пошла по льду в Ейск. В тот же день Канель получил первую передачу: горшочек гусиного жира для смазывания обмороженных мест, крынку сметаны и укладку с жареной рыбой.

Два-три раза в неделю ходила в Ейск пожилая русская женщина-мать, чей сын сражался на другом фронте, и все носила испанцу свои гостинцы, все наставляла врачей, как лучше втирать в обмороженную кожу гусиный жир. И Гарсия Канель, бывший воин республиканской армии Испании, а тогда советский минер, вернулся в строй.

Каждый день от двух до шести групп, взяв с собой мины, исчезали в торосах залива. И каждую ночь гремели взрывы на северном берегу, выводя из строя автомобили, артиллерию, обрывая линии связи гитлеровцев.

Вскоре противник прекратил ночное движение транспорта по прибрежным дорогам. Утром же, прежде чем пустить машины, оккупанты посылали на разведку команды своих минеров, заставляли их «тралить» мины. В качестве тралов фашисты использовали тяжелогруженые сани, подталкиваемые сзади бронетранспортерами. Узнав об этом, наши минеры начали ставить мины с таким расчетом, чтобы они, пропустив трал, взрывались только под машинами.

Кое-где гитлеровцы устраивали возле берега искусственные полыньи. Но наши минеры появлялись там, где берег считался неприступным, или преодолевали полыньи с помощью досок.

Проведав, что минеры выезжают на лед до наступления темноты и возвращаются тоже засветло, немцы стали посылать против них истребителей. Но и наша авиация не дремала.

Гитлеровские солдаты попробовали сунуться на наш берег. Но ни сани, ни коньки не помогли!

Я хорошо помнил напутствие генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, наказывавшего беречь испанцев. Но как я мог это сделать? У барселонцев Ипполито Ногеса и Франсиско Гаспара, у мадридца Фрасиско Гульона, у валенсийца Анхела Альбарки и у всех других были свои давние счеты с фашистами. Неиссякаемая ненависть жила в худеньком и высоком, как лозинка, Рафаэле Евстреле. Воплощение праведного гнева — механик Хуан. А бывший мадридский летчик Бенито Устаррос! А его приятель — тоже участник боев над испанской столицей — Мануэль Эррера! А барселонские летчики Кано и Эсмеральдо! Настоящие орлы!

Молоденькие рыбачки как зачарованные останавливались на станичных улицах, провожая восхищенными взглядами Чико Мариано. Чико покорил не одно сердце. А он, кажущийся беззаботным и нежным красавцем, в первом походе, отбившись от своих, одолел сорок километров, в одиночку борясь с бураном. И выбрался! А через три дня опять отправился в тыл противника. Чико участвовал в вылазках все время, пока батальон действовал на побережье. Ставил мины, бесшумно снимал часовых.

А ведь и Чико, и Ипполито Ногес, и Бенито Устаррос родились и выросли в солнечной Испании. Каково было им в свирепые морозы!

Однажды группа минеров почти вплотную подошла к занятому фашистами берегу. Вдруг Анхел Альбарка почувствовал, что одна нога запуталась в проволоке. За-

И. Г. Старинов. 1940 год.

Встреча ветеранов в станице Шабельской. 1967 год.

граждение? А если в нем мины натяжного действия? Тогда при первой попытке выдернуть ногу — взрыв.

— Стоять! Минное поле! — шепотом сказал Анхел.

Удерживая валенок за голенище, он принялся осторожно вытягивать ногу. Вытянул. Достал из сумки мину-сюрприз, завернутую в газету, так же осторожно запихнул в валенок и только потом обмотал ногу шарфом, «обул» ее в прорезиненный мешок.

Анхел повел группу дальше. Она вышла в заданный район, заминировала дорогу, вернулась к саням. Тут только и обратили внимание наши товарищи на странный вид Альбарки. А он лишь посмеивался:

— Фашисты заплатят за мою промерзшую пятку!

Два дня спустя на нашу сторону перебежал полицай. Он рассказал о загадочном валенке, найденном гитлеровцами. Любопытство стоило жизни не только солдату, обнаружившему необычную находку,— досталось всем, кто оказался рядом.

Слава о боевых действиях минеров катилась по всему побережью. Правда, тогда не многие знали, что в нашем батальоне сражаются испанцы. Нам запретили говорить об этом, а мы испанцев выдавали за... узбеков. Но один раз подобная «маскировка» поставила и нас и испанских товарищей в нелепое положение.

Когда слух об узбеках-минерах дошел до соседней артиллерийской части, где несколько командиров и бойцов оказались настоящими узбеками, то артиллеристы, обрадованные боевыми успехами земляков, прислали им поздравительное письмо. Естественно, что прочитать это письмо никто не мог. Комиссару Вениаминову пришлось применить дипломатию и расшифровать письмо за пределами части. Вернулся он смущенный. Оказалось, артиллеристы приглашают «земляков» на настоящий плов.

— Что делать? — беспокоился Вениаминов.— Отказом ответить — нехорошо. Промолчать — еще хуже. А поехать на плов нельзя.

Ответили так: «Большое спасибо. Сейчас не до плова. Плов — после Победы!»

Однажды фашистским стервятникам удалось обнаружить группу младшего лейтенанта Ф. Е. Козлова. Минеры остались невредимы в снежных валиках, а лошади погибли. Потом их перевезли в станицу. Наши умельцы из группы лейтенанта П. А. Роменюка и младшего лейтенанта И. А. Науменко сделали из шкур чучела.

Во второй половине дня на лед Таганрогского залива из Шабельской стали съезжать трое саней, запряженных низкорослыми лошадьми.

Сани с минерами и «наживкой» стали быстро удаляться на север и внезапно исчезли, точно провалились сквозь лед,— минеры надели белые халаты и изменили направление движения.

В ту ночь с северного побережья Таганрогского залива доносился гул артиллерийско-минометной канонады. Лучи прожекторов блуждали по льду залива. На следующий день, часа через два после рассвета, стали возвращаться подразделения, совершившие вылазку в тыл врага.

— Товарищ полковник, группа боевое задание выполнила,— доложил лейтенант Романюк.— Все шло по разработанному плану. Мы остановились в километре от берега и поставили макеты. «Лошадки» стоят, как живые. Минут через семь взвилась красная ракета. Не успела погаснуть, как по льду скользнул луч прожектора. Долго и нудно стреляли фашисты, но «лошадки» стояли.

* * *

Однажды ко мне обратился невысокий, но крепко сложенный солдат.

— Владимир Липницкий. Примите меня в школу, товарищ полковник,— просил он.

— А к своему командиру батальона обращались?

— К политруку, комиссару, даже к командиру батальона обращался. Не берут.

— Почему?

— Да я ночник, товарищ полковник.

— Летчик?

Солдат переступил с ноги на ногу, на миг опустил глаза, снова вскинул их, полные горечи и вызова судьбе:

— Не летчик я, товарищ полковник, а налетчик. Ночник. Я ночью лучше, чем днем, вижу. Только это все в прошлом. И срок я отбыл. Все законно. Возьмите, товарищ полковник. Не пожалеете.

Я принял Липницкого в школу. 18 февраля пришел приказ во что бы то ни стало захватить «языка». Такие задания минеры и партизаны получали не впервые, но до сих пор взять живого гитлеровца нам не удавалось: ночью по вражеским дорогам машины ходить перестали, а минеры не рисковали оставаться на день в фашистском тылу. Следовало применить новую тактику.

На другой день из Ейска, Шабельска и Порт-Катона в тыл противника вышли небольшие группы бойцов. Во главе одной из них — Липницкий. Другую возглавлял младший лейтенант Козлов.

Наступила ночь. Я находился на наблюдательном пункте на берегу Таганрогского залива.

Под утро на льду замелькали вспышки сигнальных спичек: нужна помощь.

Тотчас выехала автомашина с фельдшером и автоматчиками.

Вывозить пришлось только группу Липницкого, захватившую двух «языков» — румынского солдата и немецкого обер-ефрейтора.

Пленный румын всем видом подчеркивал, что рад перемене в судьбе. Охотно рассказал нам все, что знал о расположении войск, их составе и вооружении. Подтвердил, что ночное движение автотранспорта прекращено из-за опасности подрыва на минах.

Немец оказался труднее. Первое время он вел себя высокомерно, не надеясь на пощаду, да и не просил о ней.

— Я мобилизованный, обер-ефрейтором стал, чтобы скорее попасть в отпуск.

Каково же было наше удивление, когда буквально на следующий день бравый слуга фюрера предстал перед нами совершенно в ином виде. Он больше не хорохорился. Шмыгая носом, «покоритель Европы» принялся нудно бранить Гитлера и всех его сообщников, расписывать беды и страдания солдат.

Так или иначе, но он рассказал много ранее неизвестного нашему командованию. Его сведения оказались очень ценными.

Генерал Цыганов пригласил к себе бойцов, отличившихся при захвате «языков».

Салон-вагон командующего армией стоял на запасном пути. Нас ждали. Все шесть бойцов поднялись в тамбур, вошли в салон.

Я представил красноармейцев генералу. Цыганов пожал всем руки, пригласил сесть на диваны. Повернулся к командиру группы:

— Ну, а теперь рассказывайте, как было дело.

Липницкий покраснел. Вскочил.

— Сидите, сидите, товарищ сержант,— сказал Цыганов.— Рассказывайте спокойно, не спешите.

По взгляду генерала и его голосу Липницкий догадался, что командующий армией все знает о его прошлом и все взвесил, прежде чем сказать «товарищ сержант».

Вообще-то Липницкий за словом в карман не лез и, справившись с волнением, подробно рассказал, как брали «языков».

Командарм приказал всех участников вылазки представить к правительственным наградам. А «языки», добытые группой Липницкого, сообщили очень ценные сведения. Они подтвердили уже имевшиеся у нас данные о дезорганизации тыла противника группами батальона оперативно-инженерной группы. Судя по всему, обстановка благоприятствовала нанесению более сильного удара по оккупантам. Командарм принял решение: разгромить гарнизон врага на Кривой Косе.

Нападение для противника явилось полной неожиданностью. Гитлеровцы привыкли к тому, что вылазки на северный берег совершают мелкие группы, действующие на дорогах между населенными пунктами. Гарнизон оказался не подготовленным к отпору. Ему не смогли прийти на помощь соседи: партизаны-минеры успели перерезать линию связи, густо заминировали дороги, ведущие к Кривой Косе, и прикрыли фланги наступающего отряда.

Стремительный налет на Кривую Косу завершился полным разгромом вражеского гарнизона, уничтожением двух артиллерийских батарей, трех прожекторных установок, всех средств связи. Захвачены пленные, трофеи и документы. Налет на вражеский гарнизон на Кривой Косе был отмечен в сводке Совинформбюро от 28 февраля 1942 года.

Кончался февраль. Трещал в заливе лед. Расширялись полыньи. Совершать броски по льду через залив становилось все труднее и опаснее. Но минеры все же выходили на северное побережье. Ходили, лавируя между полыньями, возя на санях перекидные мостки.

И все же весна взяла свое. После кратковременного похолодания началась дружная оттепель. Походы в тыл врага по льду залива закончились. Мы уходили, тепло распрощавшись с жителями Ейска, Шабельска, Порт-Катона, Маргаритовки.

Сто шестнадцать раз пробирались группы саперов в тыл фашистов. Семьсот сорок четыре мины установили они на вражеских дорогах, патрульных тропинках, вдоль линий связи, под стенами зданий, занимаемых оккупантами. Пятьсот участников «ледовых походов» вынудили противника бросить на оборону побережья от Таганрога до Мариуполя две дивизии.

Вячеслав КОСТЫРЯ, фото В. СВАРИЧЕВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

Из отзывов о повторяющемся через каждые два года Ташкентском кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки самым лестным является, пожалуй, тот, что не раз звучал и в официальных интервью участников нынешней (проходившей с 25 мая по 3 июня), седьмой по счету международной встречи, и в кулуарных беседах подружившихся здесь деятелей киноискусства: «Ташкентские десять дней дают творческую зарядку на два года!..»

Характерно высказывание индийского киносценариста Али Сардара Джафри:

— Я слышал немало доброго о Ташкентском кинофестивале и, приехав сюда, убедился в справедливости этих отзывов. Меня до глубины души трогает, что к участникам фестиваля с приветствием обратился Леонид Ильич Брежнев. Каждое его слово — это страстное слово в защиту мира.

Одним из непреходящих уроков фестивального Ташкента и для таких кинодержав, как Индия или Япония, и для молодых кинематографий развивающихся стран стало пристальнейшее внимание к жгучим социальным и нравственным проблемам действительности.

Кинорежиссер из Экваториальной Гвинеи Альберто Нигейма говорит:

— На фестиваль в Ташкент мы привезли фильм «Пища богов». Он посвящен труду крестьян на плантациях какао, одной из основных культур, которые мы поставляем во многие страны мира. Картина знакомит зрителя с социальными

Палестинские гости.

МЕЖДУ

переменами, происходящими в деревне,— сдвигами в области образования, улучшения быта. Кинематография нашей страны очень молода: до сих пор мы ограничивались производством документальных фильмов — образовательных, учебных, видовых. Участие Экваториальной Гвинеи в Ташкентском фестивале способствует укреплению наших связей с кинодеятелями СССР, дает возможность познакомиться с работами наших коллег в других странах, с достижениями прогрессивных кинематографистов мира. Это послужит фундаментом для создания национальной художественной кинематографии.

Другая характерная особенность кинофорума: единомыслие по принципиальным вопросам. Допустим, в многолюдье кинопросмотров, пресс-конференций, творческих дискуссий, встреч с трудящимися Узбекистана и не произошло близкого личного знакомства между Альберто Нигеймой и, к примеру, кинорежиссером из Колумбии Паскуале Герреро. Но интервью латиноамериканца, право же, кажется продолжением раздумий его коллеги из Африки о созидательной, прогрессивной роли кино.

— Одна из проблем в жизни моей страны — сохранение национального своеобразия. Та «массовая культура», которая идет в Колумбию из Соединенных Штатов, порою захлестывает нас и вызывает опасения за судьбу национального искусства. Этим и объясняется мое обращение к истории, которая легла в основу фильма «Каблуки». Судьба героев картины зависит от того, чем разрешится столкновение национальных музыкальных традиций и поп-музыки...

И еще одна особенность седьмой встречи. В кинолентах чувствуется все более глубокое художественное, образное проникновение в механизм социальных конфликтов, типизация событий и образов при сохранении почти документальной (а при включении кадров кинохроники — абсолютно документальной) конкретности.

Афганские кинематографисты, например, показали два фильма: документальный — о конференции Народно-демократической партии Афганистана и художественный — «Пробуждение», скрупулезно исследующий процесс приобщения рядовых земледельцев к активной борьбе за подлинную свободу народа, прозрение тех, кого поначалу обманули или запугали душманы-басмачи. И как убедительно, органично смотрятся здесь документальные куски — в воспоминаниях старого крестьянина, в свое время насильно уведенного врагами в горы!..

Сама жизнь, накал борьбы за ее торжество в «горячих точках» мира придали многим кинолентам, показанным в Ташкенте, огромную объединяющую, более того, побуждающую к действию силу. Трагизм запечатленных ситуаций зовет к бескомпромиссной борьбе с причинами, его порождающими: империализмом, расизмом, геноцидом. Таков фильм «Амок» марокканского режиссера Сухейль Бен Барки о Южной Африке — земном аде для людей с черной кожей. Тут сразу вспоминается фильм «Пятая война» палестинских операторов Мутии аль-Асмара и Омара Мухтара, приезжавших в Ташкент в мае 1976 года и впоследствии погибших на съемках этого обличительного кинодокумента о вторжении израильской военщины в Южный Ливан. Примечательно, что их фильм «Пятая война» был доснят другими операторами — товарищами по борьбе. На памяти у всех гибель четырех голландских журналистов от рук сальвадорских карателей, но, мужественно неся эстафету борьбы, патриотические силы Сальвадора привезли в Ташкент на всемирное обозрение правду о непокоренном народе, о героическом Фронте национального освобождения имени Фарабундо Марти — полнометражный фильм с названием-клятвой: «Народ победит».

Справедливо отметил министр культуры Кампучии Схенг Пхонг:

— Кинематограф для нас — это не только разоблачение зверств и злодеяний геноцида, но и фактор воспитания, показа восстановления и строительства новой жизни. Фильм, который мы привезли, рассказывает о восстановлении экономики и культуры Кампучии, о ее людях, вновь обретших веру в жизнь.

Влияние Ташкентского фестиваля не только на развитие киноискусства в странах-участницах, но и на общественно-политическое мировоззрение многих кинематографистов растет от встречи к встрече.

Надо сказать, что для участников и гостей фестиваля большое значение имело и знакомство с одной из пятнадцати братских республик Советского Союза, отмечающего свое славное 60-летие. Знакомство с достопримечательностями Ташкента, поездка в Бухарскую область, посещения промышленных предприятий и коллективных хозяйств, встречи с рабочими, хлопкоробами, студентами...

Аргентинский журналист Альберто Джудичи взволнованно отметил:

— Ташкент — удивительный город. Он поражает не только своей красотой и современностью. Люди здесь настолько гостеприимны, что действительно чувствуешь себя как дома. Преимущества социалистического строя так ярко и характерно воплощены в Узбекистане, что не нужно никакой особой пропаганды, чтобы понять: только в таком обществе человек может быть истинно счастливым.

Вручение призов и дипломов.

Актриса из Вьетнама Тхам-Тху-Ханг.

НАРОДНЫЙ ЭКРАН ТАШКЕНТА

ПАМЯТИ ИВАНА СЕМЕНОВА

Мы никогда не забудем этого красивого, крупного и сильного человека, доброго друга и верного товарища. Не забудем веселые, искристые глаза художника, мудро и глубоко видевшего мир. В глазах его светилась яркая душа честного и своеобычного мастера, великолепного профессионала, свободно владевшего (что сегодня не так часто) рисунком. Он приехал в Москву из Ростова, где начинал свой путь в газете «Молот». С тех пор прошло пятьдесят шесть лет беспрерывного, бескомпромиссного труда в печати. Он создал тысячи карикатур, рисунков, иллюстраций — целый мир образов, в которых по-своему, остро было отражено время, в котором он жил.

Иван Семенов... Это был большой мастер. Его острый карандаш, перо, меткая кисть умели заставить нас смеяться, негодовать, презирать, ненавидеть. Художник политической сатиры, крупнейший юморист, Иван Максимович в своих блестящих по форме карикатурах оставил целую галерею отрицательных типов нашего времени. Его искусство разоблачало мещанство, бюрократизм, жульничество всех мастей...

Смех в руках сатирика Семенова становился грозным оружием в борьбе с нашими недостатками, разил воров, бездельников, неучей, карьеристов, фарисеев...

Но Ивану Максимовичу свойственна была еще одна редкая грань таланта юмориста. Он умел, как никто, создавать густо населенные композиции, с мягкой улыбкой показывающие наш быт, некоторые его черты. В этих его больших листах полностью развертывается его мастерство рисовальщика. Естественным продолжением этого таланта были и великолепные иллюстрации к Гашеку, Остапу Вишне, Марку Твену, изданные в Библиотеке «Огонька». Это — поистине шедевры выдумки, остроумия.

Народный художник СССР Семенов — давнишний автор «Огонька», создавший сотни превосходных карикатур и рисунков, напечатанных в журнале и справедливо любимых многомиллионным читателем.

ОГОНЬКОВЦЫ

КАЖДЫЙ МИГ ПОДТВЕРЖДАТЬ СЕБЯ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. И. ОШАНИНА

Энергичен, стремителен, бодр. Всегда с людьми, всегда в движении, всегда в пути.

Л. И. Ошанин объездил всю страну, весь мир. Почетный гражданин Хибиногорска, он побывал чуть ли не на всех стройках, больших и малых, от Кольского полуострова до БАМа.

«Всегда в пути» — именно так называлась его первая книга стихов и песен, изданная в Москве в 1948 году. Название книги раскрывало образ жизни поэта — поездки, встречи, творчество. В стихотворении «Начало биографии» есть строки:

Маленький, старинный,
беззатейный,
С кирпичами выцветшими
в цоколе,
Мой завод, чугунный
и литейный,
Помнишь, как учился я
на токаря?..
...Песня в небе, точный звон
металла,
Ясный взгляд из-под густых
бровей —
Вот оно — рожденье и начало
Личной биографии моей.

Начало трудовой биографии Л. Ошанина связано не только с прикосновением к металлу, но и с прикосновением к песне: «Впервые «песенный зуд» я испытал на Кольском полуострове, когда в тридцатые годы, в годы строительства полярного Хибиногорска, мы часто ездили на грузовике из города на рудник имени Кирова или от рудника имени Кирова в город. Грузовик был открытый. Морозы и ветры сильные. И не было большей радости, чем перекричать ветер песней. Тесно сгрудившись, держась друг за друга, пели мы комсомольские песни того времени: «Там вдали за рекой», «Наш паровоз», «Молодая гвардия»...

Ну, а если говорить точнее, то музыка вошла в сердце будущего поэта-песенника намного раньше: он вырос в музыкальной семье: мать — преподаватель музыки, два брата — певцы, сестра — пианистка. Л. Ошанин выбрал иной путь. Еще в 1930 году, восемнадцатилетним, он издает повесть «Этажи», посвященную проблемам тогдашней школы. Время было сложное, и юный автор сумел показать ростки будущего в морали подрастающего поколения.

С той давней поры Л. Ошанин выпустил более полусотни книг стихов, песен, поэм, пьес, очерков, литературоведческих работ. Но не количеством томов измеряется истинный творческий потенциал писателя, а их нравственной весомостью, известностью среди читателей. Льва Ошанина знают повсюду. И прежде всего как поэта, автора прекрасных песен. Перечислить их все невозможно, их сотни. Многие песни, написанные Львом Ивановичем в соавторстве с композиторами А. Новиковым, А. Пахмутовой, М. Фрадкиным, Э. Колмановским, А. Островским, всенародно, а некоторые всемирно известны: «Дороги», «Гимн демократической молодежи мира», «Песня о тревожной молодости», «Течет Волга», «Бирюсинка», «А у нас во дворе», «Песня любви», «Пусть всегда будет солнце»...

Вот как вспоминал о зарождении одной из них выдающийся чилийский поэт Пабло Неруда: «Удивительно зрелище рождения песни... Она сначала пропитывает воздух, небо, листы деревьев... Потом она летит по улицам, и там она начинает свой путь — трудный путь к человеческому сердцу, в котором она ищет убежища. Так я был свидетелем рождения Гимна молодежи на фестивале в Праге. Я лично знаком с поэтом, сохранившим секрет молодости, и было понятно, почему именно он дал песню, которая так сильно затронула чувства молодежи... За эти годы мне пришлось услышать эту песню в самых разных местах — песню, которая обретала все новую и новую силу, как если бы ее звуки были шагами юности, идущей вперед и менявшей судьбы мира в хорошую сторону...» Да, лучше не скажешь!

Хорошим штрихом к биографии этой ошанинской песни стало ее исполнение на закрытии XIX съезда комсомола.

Л. И. Ошанин по-юношески увлечен поэзией, искусством, песней. Но при этом нужно еще учитывать его огромный жизненный опыт, глубокое чувство любви к Родине, страстную убежденность в силе человеческого добра. Хорошо сказал о Льве Ошанине на творческом вечере, посвященном его юбилею, поэт Егор Исаев: «Поступки его в слове как поступке, и в песне как поступке... С ним хорошо дружить, с ним хорошо разговаривать, его хорошо читать. Он никогда не бывает унылым человеком. Он слишком ярко и реально видит лицо своего современника, он слишком точно знал и знает, что́ ему нужно как поэту и как гражданину...»

В одном из последних стихотворений Льва Ошанина есть строка: «Каждый миг подтверждать себя». Удивительно точно она выражает весь творческий путь известного поэта, мужественную красоту и мудрость его исканий в поэзии и в жизни.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

ПЕВЕЦ ГРАЖДАНСКОГО МУЖЕСТВА

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Н. ЧЕПУРОВА

Со стихами Анатолия Чепурова мне довелось познакомиться давно, еще до войны. Мы вместе ходили в Ленинградский Дворец пионеров. Нашим поэтическим кружком руководили в то время Ольга Берггольц, а затем Борис Лихарев. Тогда-то я и услышал стихи юного поэта. Одно из них особенно поразило меня и осталось в памяти до сих пор. Как сейчас помню начало его:

В лачуге маленькой темно,
Ночная тишина.
Спокойно дышит за окном
Зеленая весна.

В нем говорилось о слепой матери, сын которой ушел сражаться за свободу родной Испании против фашистских мятежников. Но стихи понравились не только потому, что были созвучны нашим настроениям: в то время мы все буквально жили испанскими событиями. Строчки юного автора подкупали гражданской страстностью, горячей верой в торжество дела революции.

А по форме стихотворение было простым, непритязательным и каким-то очень доверительным по интонации. И тем сильнее было впечатление от заключительных слов стихотворения. Слепая мать, получив письмо с фронта от сына, шепчет:

«Сражается, хороший мой,
За Родину свою...»
А на столе лежит письмо:
«Ваш сын убит в бою».

Я вспоминаю эти стихи совсем юного Анатолия Чепурова потому, что уже тогда у него наметились те свойства, которые в дальнейшем четко обозначат его поэтическое дарование: глубокий лиризм, сочетающийся с ярко выраженной гражданственностью.

Минуют годы, придет зрелость, будет пройдено немало дорог, пережито немало событий. Многое будет увидено зорким глазом художника, осмыслено приобретенным в борениях и испытаниях жизненным опытом. О себе поэт скажет потом проникновенно и точно:

По пескам горячим и отрогам,
По пустыням голубым
во льдах —
Я пройду по всем земным
дорогам,
Побываю в разных городах.

Стану вдохновенней и мудрее,
Сделаюсь суровей и нежней,
Ничего на свете не жалея
Для всеобщей радости людей.

Эти слова хорошо определяют позицию поэта Анатолия Чепурова. Он действительно живет «всеобщими радостями» и печалями. И в этом счастье поэта.

А. Чепуров — поэт яркого лирического дарования, но лиризм его произведений имеет одну особенность: поэт никогда не замыкается на сугубо личном, если это «личное» не имеет выхода к широкому читателю, не волнует людей. У него нет стихов только «для себя». То, о чем пишет поэт, события, мысли, чувства, ощущения — все связано тысячами кровеносных сосудов с жизнью нашего современника, чья юность пришлась на годы Великой Отечественной войны.

Особое место в творчестве Чепурова занимает военная тема. Она живет не только в воспоминаниях о боевой молодости и о сверстниках. Она настойчиво дает о себе знать и в произведениях о текущей жизни. И это естественно. Тут уж ничего не поделаешь: кто был солдатом (а это слово любит поэт особенно и повторяет его часто), тот им «останется навек».

Война постоянно напоминает о себе спустя много лет и в далеком мордовском селе, хотя туда она и не дошла («Маруся-гармонист»), и за границей — на берегу Дуная, где, «кончив страду, разрядила винтовки прекрасная, трудная юность» поэта, и под Ленинградом:

На Пулковских высотах
тишина.
Представить даже трудно,
что когда-то
Здесь контру били Октября
солдаты.
Что здесь прошла
недавняя война.

Лирика поэта, насыщенная общественной тематикой, патриотическая, партийная по своей глубинной сути, подкупает проникновенной, доверительной интонацией, она лишена риторики, выспренности, ходульной романтики, ложной многозначительности. Стихи Чепурова просты и естественны, мысли и чувства выражены в них с предельной ясностью.

В одном из своих стихотворений поэт говорит о тех, кому посвящены его стихи: «Меня обступают герои — люди родной семьи: зодчие новостроек, труженики земли». Эти слова взяты из одного из лучших и, можно сказать, программного произведения поэта — «Самый светлый день», рассказывающего о том, как автор вступил «из юности комсомольской в молодость большевиков». В своей лирике А. Чепуров ведет откровенный разговор с тружениками родной земли. Дело их рук он видит повсеместно. Это и «половодье хлебов золотое», и вставшие на месте пепелища «сады в кипенье белом», и «столбы электрических линий, что вдаль, словно люди, идут», и новые дороги, и новые города...

О них его взволнованное слово.

Владимир ДИТЦ

Ленинград.

ПРОСТУПОК ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Б. ПРОТОПОПОВ

Среди множества откликов на фельетон «Варварство» («Огонек» № 42, 1981 год) нет ни одного, написанного рукой бесстрастной. Да это и понятно. История, происшедшая в Орле, слишком необычна, чтобы оставить кого-то равнодушным.

Напомню кратко, о чем шла речь в фельетоне.

Весной 1981 года на станции Орел-2 участились случаи порчи поездных и маневровых светофоров на линии. Вскоре милиция задержала четырех несовершеннолетних молодых людей, которые с хохотом каблуками, камнями, палками разбивали средства сигнализации. На этот раз они привели в негодность сразу четыре светофора. Преступники были привлечены к ответственности, однако Железнодорожный районный нарсуд под председательством судьи Павловой счел возможным применить ко всем четырем условное наказание.

Все без исключения читатели, приславшие свои отклики на фельетон, считают приговор не соответствующим тяжести преступления.

«Как старый железнодорожник (двадцать пять лет проработал машинистом тепловоза) я отчетливо представляю себе ту опасность для движения поездов, которая была создана действиями злостных хулиганов,— пишет Г. Романов из Барнаула,— это понимали и они: семнадцать лет не детский возраст. Их судили как за не очень значительный проступок, а они совершили преступление!»

Ветеран войны и труда П. Зотов из Бурятии, выражая свое возмущение дикостью молодых людей, считает, что, по существу, они остались безнаказанными.

Думается, это не совсем правильно. Условное наказание тоже ведь наказание... Что может быть позорнее для подростка, чем оказаться на скамье подсудимых, выслушивать гневную речь прокурора, физически, кожей ощущать тяжелые, осуждающие взгляды присутствующих в зале заседания? Ведь среди них и знакомые, и друзья, и товарищи по работе, а главное, родители, не знающие, куда девать глаза от боли и стыда.

Но почему же в данном случае подсудимые ничуть не испытывали страха перед судом, почему после приговора лишь облегченно вздохнули и вышли из зала с улыбкой?

Вот как отвечает на эти вопросы в своем письме в редакцию народный заседатель Верховного суда Латвийской ССР П. Туркелис:

«Когда я начал читать фельетон, то был убежден, что это из ряда вон выходящее преступление будет в суде рассматриваться публично, с предварительным широким оповещением общественности города Орла, что горком комсомола позаботится, чтобы на процессе присутствовало как можно больше молодежи. Обязательно должны бы быть в зале заседаний воспитатели, представители партийных и общественных организаций города.

Ожидал прочитать, что процесс широко освещался в областной печати, стал темой взыскательного разговора на бюро горкома комсомола... А вместо этого — скороговоркой зачитанный приговор в полупустом зальце! Конечно, эта процедура вряд ли произвела большое впечатление на преступников».

К мнению П. Туркелиса присоединяются читатели Ревин из города Джезказган, К. Логинов из Кунгура, В. Литвинов из города Яван Таджикской ССР, В. Григоренко из Донецка, Осадчая из Саратова.

«Я дал прочитать фельетон своему пятнадцатилетнему сыну,— пишет житель Красноярска В. Демаков,— он прочитал и заявил с улыбкой: «Ну вот, ничего с ними и не сделали, потому что несовершеннолетние!» А когда я сказал: «Но их же все-таки осудили!», он засмеялся и ответил, что это ерунда!.. Я как отец заявляю, что даже если бы среди подсудимых был мой сын, я все равно бы сказал, что приговор, вынесенный судьей Павловой, слишком мягок».

«Злостное хулиганство, совершенное на станции Орел-2, должно быть наказано более сурово,— требует в своем письме ленинградец Васильев,— парни, о которых идет речь, имеют паспорта граждан Советского Союза, стало быть, обязаны отвечать за свои поступки. Не надо превращать их в несмышленышей, в детей, которые не ведают, что творят. Их дело должно быть пересмотрено. И пусть земля горит под ногами хулиганов. Нужно смотреть правде в глаза: слишком много бед доставляют нам они!»

Да, нужно смотреть правде в глаза: несовершеннолетние нарушители доставляют много бед. Ведь случай варварского разрушения сигнализации и связи, описанный в фельетоне, совсем не единичный.

А что делается в поездах Орловского участка дороги, достаточно красноречиво говорится в письме нашей читательницы О. Першиной из Риги:

«Почти каждое лето я посещаю Орловщину и каждый раз возмущаюсь беспорядком в поездах, особенно на участке Орел — Верховье. Здесь по ночам мне приходилось видеть на остановках, как группы подростков буквально атакуют двери вагона-ресторана, требуя от работников продать им спиртные напитки. При отказе грозят избить работников ресторана, бьют в вагонах стекла. В пригородном поезде Елец — Верховье такие же недоросли срывают стоп-краны, в вагоне пьют водку, играют в карты, ругаются, затевают драки. Когда им станет известно о приговоре, вынесенном четырем балбесам в Орле, это только прибавит им смелости...»

К сожалению, редакция журнала не может пока сообщить читателям, что предпринимается руководством Орловского отделения Московской железной дороги для наведения порядка на вверенном ему участке дороги, хотя очевидно, что все происшедшее касается его отнюдь не в меньшей степени, чем органов правопорядка.

От редакции. Когда материал уже был подготовлен к печати, мы получили письмо от секретаря Орловского горкома КПСС Е. Троицкого:

«Горком КПСС сообщает, что фельетон «Варварство» рассмотрен на бюро горкома КПСС.

Признано, что в фельетоне правильно отмечаются недостатки в работе правоохранительных органов и общественных организаций по пресечению хулиганских проявлений.

За низкую организацию воспитательной работы в коллективе училища заместителю директора ГПТУ-2 по учебно-воспитательной работе Морозову А. Г. объявлен строгий выговор.

За ослабление воспитательной работы в комсомольских организациях профтехучилищ, несвоевременное реагирование на сообщения правоохранительных органов и печати первому секретарю Железнодорожного райкома ВЛКСМ Плясову В. Ф. объявлен выговор.

Указано председателю народного суда Железнодорожного района Шутихину П. В. на необеспеченность широкой гласности и воспитательного значения судебных процессов.

Бюро горкома КПСС обязало райкомы КПСС, первичные партийные, профсоюзные, комсомольские организации, правоохранительные органы принять исчерпывающие меры по усилению борьбы с хулиганством и другими нарушениями общественного порядка, усилить контроль за выполнением перспективного плана профилактических мероприятий по укреплению соцзаконности, предупреждению преступности и правонарушений в г. Орле на 1982—1983 гг.

Бюро горкома КПСС рекомендовало обсудить принятое постановление в парторганизациях предприятий, учебных заведений, на комсомольских собраниях, в правоохранительных органах, где наметить конкретные меры по улучшению профилактической работы, усилению борьбы с хулиганством и другими антиобщественными проявлениями».

Рис. Л. Тишкова

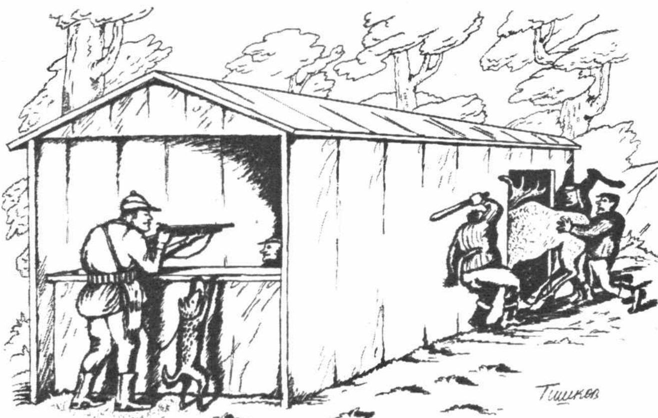

Рис. Н. Белевцева (Белгород)

Рис. В. Ашманова

ЮМОР

Аждаут НАЙМАНОВ

Черкесск

Бабушка и внучка

Многое помнит старая Сыйлы и очень гордится своей памятью. Совсем недавно спрашивает ее внучка:

— Когда наш дедушка украл тебя, то к кому из родственников повез?

— К своему брату. Ты разве не помнишь? Такая молодая, а аллах совсем лишил тебя памяти. Что ты будешь помнить, когда доживешь до моих лет?

Женитьба Куаная

Когда в саду Куаная созрел невиданный урожай вишен, хозяин понял, что пришла пора жениться.

После свадьбы Куанай указал жене на ведро, лестницу и распорядился:

— Сейчас время вишен. Займись-ка этим побыстрее.

Найнай схватила ведро, сунула в руки мужа и закричала:

— Живо в сад! И не выйдешь оттуда до тех пор, пока ни одной вишни на ветке не останется! Теперь равноправие!

«Очень мудрая у нас власть,— думал Куанай,— справедливая власть. Не только женщине равноправие подарила, а еще запретила человеку иметь больше одной жены. Очень правильно запретила».

Вишен в саду было много.

Перевел с ногайского
В. БЕЛОУСОВ.

ВЕСНА И ЭКЗАМЕНЫ

Сергей МИХАЙЛОВ

НАУЧНО-ЛИРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Подходила к концу экзаменационная сессия.

Студенческая голова шла кругом в веселом хороводе тополиного пуха и всех этих бесконечных пределов, импедансов, коронированных катодов и антисигмаминусгиперонов.

Студент погряз в науке. Что ни говори, а подобные происшествия, как сказал бы один замечательный писатель, бывают на свете — редко, но бывают.

Хотя, если по правде говорить, наука наукой, а любовь любовью. Ибо человек должен быть влюблен или на худой конец просто счастлив...

День сматывал удочки.

Возле архаичной розовой беседки, обвитой плющом и укутанной ветками престарелых тополей, бродил симпатичный молодой человек и нервно теребил левый лацкан своего модного двубортного пиджака.

Он то и дело расстегивал пиджак и доставал из жилетного кармана большие швейцарские часы с римским циферблатом. Молодой человек ждал. И, конечно, он ждал Ее.

И вот, наконец, не настолько рано, чтобы дать ему повод для излишней самоуверенности, и не настолько поздно, чтобы довести его до крайней степени отчаяния, появилась Она.

Она плыла по длинной полусумрачной аллее, гордо неся свою обворожительную голову древнеафинской царицы, обрамленную золотистым флердоранжем заходящего солнца. Легкий встречный ветерок заигрывал с подолом ее платья, на мгновения обнажая стройные ноги.

Его неумолимо повлекло к Ней навстречу. И когда Она очутилась на расстоянии шепота от Него, как сказал бы еще один замечательный писатель, Он нежно прошептал:

— Дорогая, моя душа коагулировалась до экстремальных размеров. Я весь горю в пылу любви, и мое сердце адгезирует к грудной клетке.

Он ласково взял ее за руку, и они медленно, каждый заблудившись в глазах другого, пошли к той самой розовой беседке, обвитой плющом.

Когда они сели рядом, Она услышала его очень мягкий и вкрадчивый голос:

— Апроксимируйся ко мне, дорогая...

— Но, милый,— нежно возразила Она,— меня лимитируют твои объятия...

Он спросил:

— Ты слышишь, мой голос вибрирует от волнения?

На ее лице расцвела очаровательная роза — роза улыбки, как сказал бы один замечательный поэт, и Она тихо промолвила:

— И у меня сердце выпадает из синхронизма...

Долго они еще так же мило беседовали. Но не только беседовали. Разве можно прожить такую сказочную ночь без поцелуев? И Он поцеловал ее ровно два пи раз...

Но любовь любовью, а наука наукой, ибо наука требует еще больше любви и обожания, нежели тихие лунные ночи с любимым тобой и любящим тебя человеком, как сказал бы любой из наших уважаемых деканов.

А еще наука требует времени. Нашим же милым героям на следующий день предстояло сдать по одному экзамену — по последнему.

И Она первой вспомнила об этом.

— Пора, — нежно сказала Она.

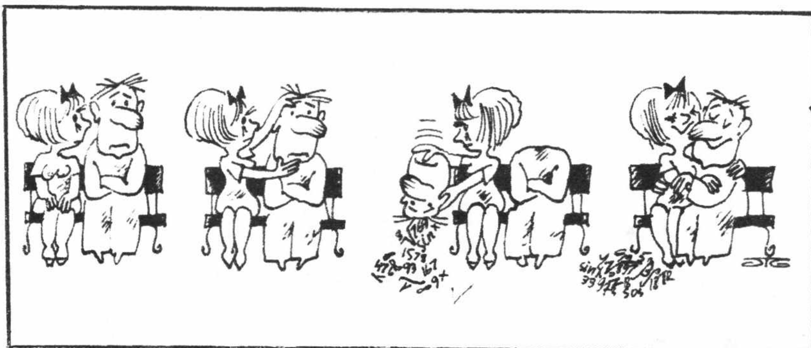
— Но, дорогая, пролонгируй еще немного мое счастье...

— Нет, пора,— уже не так нежно сказала Она.— К тому же слизистая оболочка моих дыхательных путей подсказывает мне, что после вчерашних обильных осадков почва здесь избыточно увлажненная...

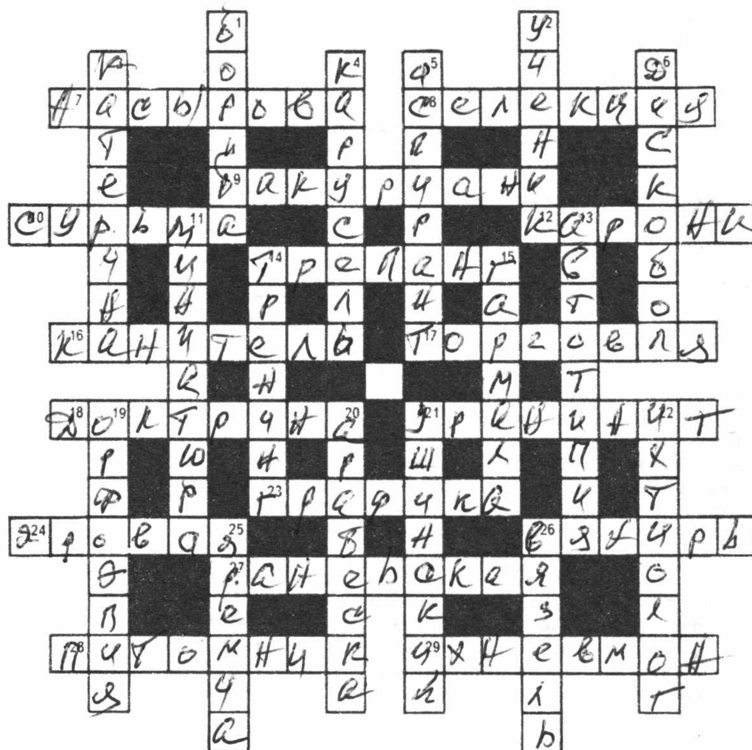
И вдруг они услышали соловья. Услышали оба сразу. Соловей не апологетизировал красоту первой фазы наступивших суток, а просто пел, радуясь началу нового дня.

Ликующая трель птицы словно тронула туман, нависший над их головами. Они посмотрели друг другу в глаза, и каждый увидел там смущение, причину которого они еще не успели понять.

Рисунок О. Теслера

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Узбекская певица, народная артистка СССР. 8. Улучшение сортов растений, пород животных. 9. Горнолыжная база и курорт в Грузии. 10. Химический элемент. 12. Река в Венесуэле. 14. Морское иглокожее животное, голотурия. 16. Рассказ А. П. Чехова. 17. Процесс реализации товаров. 18. Учение, научная или философская теория, система. 21. Радиоактивный минерал. 23. Вид изобразительного искусства. 24. Героиня драмы К. А. Тренева. 26. Птица семейства голубей. 27. Народная артистка СССР, выступающая на сцене театра имени Моссовета. 28. Хозяйство, выращивающее сеянцы и саженцы растений. 29. Животное семейства виверровых.

По вертикали: 1. Вид спорта. 2. Школьник. 3. Поэма Т. Г. Шевченко. 4. Аттракцион на народных гуляньях. 5. Человек, готовящийся к научной или педагогической деятельности. 6. Статуя древнегреческого скульптора Мирона. 11. Художественное произведение малых размеров. 13. Фотомеханический процесс изготовления печатных форм. 14. Система упражнений для лошади в конном спорте. 15. Степное лекарственное растение. 19. Раздел языкознания. 20. Музыкальная пьеса изящного характера для фортепиано. 21. Основоположник научной педагогики в России. 22. Специалист, изучающий рыб. 25. Курорт в Карпатах. 26. Бобовое растение, медонос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 1. Недотрога. 5. Планиметрия. 9. Экспериментатор. 12. Капур. 13. Стартер. 15. Петух. 16. Мичуринец. 17. Кантабиле. 19. Беляк. 20. Таблица. 21. Алтей. 24. Молодогвардейск. 27. Электроника. 28. Валиханов.

По вертикали: 1. Нэлепп. 2. Динар. 3. Октан. 4. Акинак. 6. Маморе. 7. Аккумулятор. 8. Волейболист. 10. Раритет. 11. Буслаев. 13. Сонет. 14. Рында. 18. Клавир. 22. Козлов. 23. Мешков. 25. Оскол. 26. Ренан.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Комсомольск. У памятника первостроителям * Мартены «Амурстали» * На прогулке * Старожилы-первооткрыватели И. К. Шахов и А. М. Войтович с молодежью города * Встреча поколений * Комсомольчанки * Проспект Первостроителей. (См. в номере материал «Город неувядаемой молодости».)

Фото В. Кузнецова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В подмосковном лесу.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.05.82. Подписано к печати 8.06.82. А 00376. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1571. Заказ № 2437.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Безумцы

Заморские безумцы,
Строя планы,
Кошмарами
Запугивают страны...

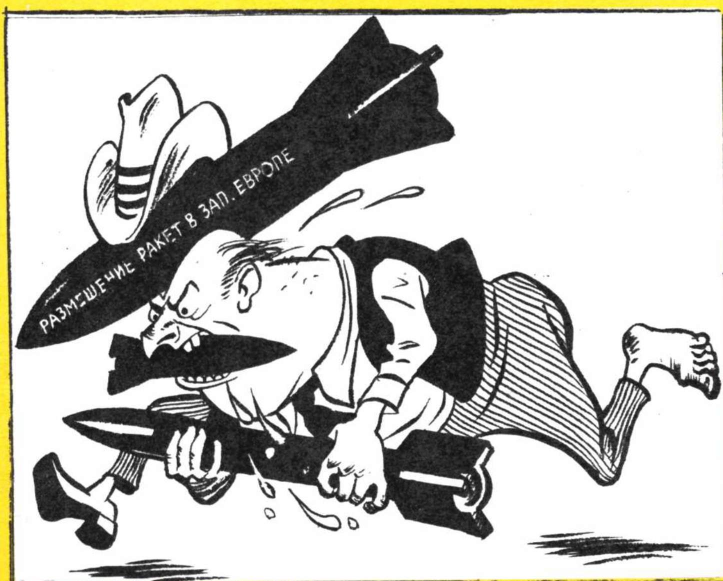
К народам
Не скрывая безразличия,
Больны
Глобальной манией величия.

Носители
Опасного психоза
Истошно лгут:
«Советская угроза!»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Симптомы
У маньяка-людоеда
Ракетного
Навязчивого бреда.

Вторжения проводят
И репрессии:
Они во власти
Вируса агрессии.

Хворают господа
Весьма серьезно,
И надо их лечить,
Пока не поздно!

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663